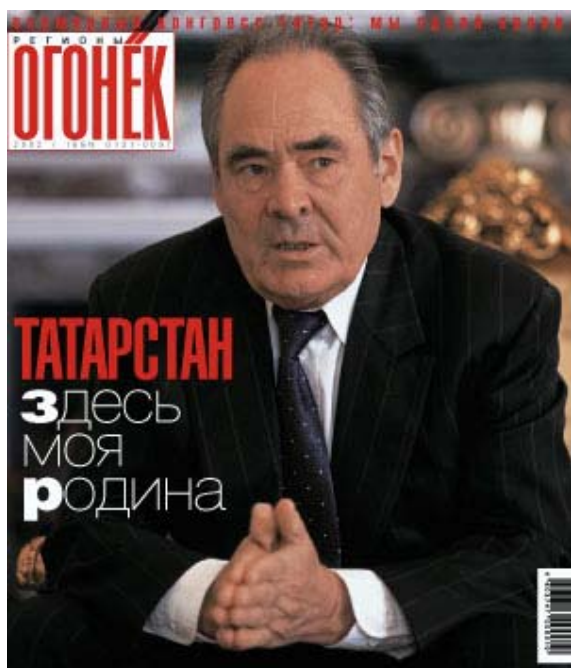

Минтимер ШАЙМИЕВ

ГЛАВНЫЙ ЗАКОН -- ВОЛЯ НАРОДА

«В условиях России, страны многонациональной, проблемы, возникающие вместе с ростом национального самосознания, требуют очень взвешенной национальной политики. И чем дальше мы будем продвигаться в создании демократического федеративного государства -- а иного пути для России я не представляю, -- тем больше придется заниматься этими проблемами. Кто считает, что таких проблем нет, -- глубоко ошибается. Тем, кто с этими вопросами не сталкивался, они кажутся намного проще. Но здесь, в Татарстане, где удалось пройти сквозь сложные годы, сохраняя межнациональное согласие, известно, чего это стоило»

Щелкая камерой, Юрий Феклистов, фотограф «Огонька», рассказал Президенту Татарстана о том, как у него в Казани брали интервью для местного телевидения.

-- Подходит ко мне на улице журналистка с микрофоном наперевес, обращается: «Можно задать вопрос». -- «Запросто!» -- отвечаю. А она с места в карьер: «Как вы думаете, надо ли повышать самосознание татар?» Опешил я от неожиданности, но отвечаю: «Нет». Тут

уже она опешила, чувствуется, другого ответа ожидала: «Как?! Почему?» -- «Да оно и так высокое».

Оценив нелепость ситуации и находчивость москвича, Минтимер Шарипович рассмеялся. Но к вопросу, заставшему гостя Казани врасплох, Президент Татарстана относится серьезно. Особенно к причинам, которые вновь и вновь делают его актуальным настолько, что он становится предметом обсуждения в средствах массовой информации, да и не только в них.

Мало кто из москвичей, как, впрочем, и жителей других регионов России, знает что-либо о предстоящей переписи населения. А в Татарстане вот уже несколько месяцев эта тема вызывает жаркие дискуссии на страницах печати, в кабинетах общественных деятелей и ученых (последние даже посвятили ей научную конференцию), не оставляя равнодушными рядовых граждан. Чем вызвана такая активная полемика, откуда столь острый интерес к предстоящей переписи, что за проблемы высветила подготовка к ней?

-- Несомненно, перепись нужна. Мы должны знать, кто населяет нашу страну, видеть срез общества, в котором живем, -- говорит по этому поводу Минтимер Шарипович. -- В целом форма переписного листа возражений не вызывает. Среди множества других совершенно правильно поставлен вопрос и о том, кто к какой национальности себя относит. Но если раньше в списке национальностей было указано «татары», а потом шло уточнение: «казанские татары», «астраханские татары», «сибирские татары», «кряшены» и так далее, то теперь, как предлагает директор Института этнографии Валерий Тишков, эти уточнения должны быть записаны отдельными строками. А в таком случае единый татарский этнос, представленный как ряд народностей и этнических групп, окажется раздробленным. Кому это нужно? К сожалению, за этим уже просматривается политика. Отнестись к этому спокойно я не мог и, конечно, вмешался. Я вопрос ставлю просто: была перепись 1989 года, с тех пор новые народы не появились. Зачем выдумывать? Зачем на ровном месте создавать себе проблемы? Конечно, все дело в политике, и, разумеется, мы выступаем против подобных нововведений.

-- Ну а в чем же все-таки политическая составляющая этого вопроса? Может быть, страсти, которые кипят по этому поводу в Татарстане, нагнетаются напрасно?

-- Я думаю, что нет. Это ведь касается не только переписи. Когда в России появился новый Президент, страна уже не могла находиться в состоянии вялотекущих политических и экономических реформ. Настало время более решительных действий, да и люди заждались, когда же появится какая-то определенность. Общество нуждалось в собранности и ясности. Я это знаю по Татарстану. Я давно здесь у власти и не представляю, чтобы в Татарстане не было элементарного порядка. Тогда зачем на работу ходить? Поэтому я одним из первых поддержал и продолжаю поддерживать политику Президента Путина. Но стремление Президента России навести в стране порядок сопровождается не всегда оправданными действиями ряда федеральных ведомств и служб. Нас беспокоит, что особое рвение они проявляют, когда дело касается распределения полномочий между центром и регионами. Естественно, в пользу центра. Ретивые исполнители во многих случаях забывают о судьбе страны, не задаются

вопросом: а не наносят ли они своими действиями ущерба интересам государства, его народа? Может быть, это объясняется отсутствием опыта, может быть, им не всегда хватает государственной мудрости?

В данном случае мы ведем разговор в более узких рамках, об одном направлении: о соблюдении межнационального согласия. Это тончайшая материя. К ней нельзя притрагиваться неумелыми, грубыми руками. Лучше не касаться вообще, чем, грубо прикоснувшись, что-то разрушить, посеять какие-то сомнения. Вот что беспокоит. Безусловно, вопросы, связанные с переписью населения, приобретают политическое звучание, особенно когда в отдельных регионах решают: «О, нас, наверное, больше, чем на самом деле». И начинается усердная работа по увеличению количества одного народа за счет другого. Ну, и чего мы добьемся, если по результатам переписи зафиксируем, что казанских татар столько-то, а остальные -- это какие-то другие татары.

-- Но от этого татарами они быть не перестанут... И Казань по-прежнему останется центром притяжения для татар, разбросанных по всему миру.

-- Да, это так. В конце августа в Казани уже третий раз соберутся представители татарской диаспоры со всего мира. Татарстан, вот эта нынешняя земля, -- родина татар. От этого нам никуда не деться. Все мы храним память, из поколения в поколение, от наших дедов и прадедов каждому из нас передаются сведения о нашем прошлом. Иной раз это более полная информация, иной раз -- несколько слов о том, откуда берет начало твой род. Но и этого бывает достаточно, чтобы в душе человека теплилось святое чувство Родины. Думаю, особенно остро оно ощутимо людьми, не по своей воле оторванными от нее, осевшими и даже родившимися в других краях. Благо, что теперь границы открыты: стало возможным пригласить представителей татарской нации, живущих в других странах, на их исконную землю. Да и для представителей татарской нации из других регионов России встреча в Казани была своего рода возвращением к корням.

Когда несколько лет назад они съехались в Казань на первый Всемирный конгресс татар, у меня был вопрос: насколько сильна тяга представителей моей нации к Родине предков? После того как я пообщался с ними, я получил однозначный ответ. Вы бы видели состояние этих людей! Их чувства трудно передать словами. Люди разных судеб, они были едины в своей тяге к Родине. Многие изъявили желание посетить места, где когда-то жили их предки, даже если там теперь не осталось никаких свидетельств этого. Людей не оставляла надежда все-таки услышать такие свидетельства от односельчан, найти памятник, который бы напоминал о том, что их род пошел отсюда. А если такой надежде не суждено сбыться, они хотели просто походить по родной земле.

Много ли человеку надо? Когда у тебя есть все необходимое, ты сыт, одет -- другие ценности выходят на первый план. Счастье такого душевного состояния людей -- величайшая ценность. Когда при закрытии первого конгресса -- а это происходило в Театре оперы и балеты имени Мусы Джалиля -- все, кто был в зале, пели песню на слова Тукая «Родной язык», слезы были на глазах у многих. И не только у тех, кто приехал издалека. С такой же остротой, что слезы катились по щекам, воспринимали

происходящее и мы, живущие в Татарстане. Это было незабываемо. Удивительно то, что эти люди, многие годы, а иногда и всю жизнь прожившие в других странах, сохранили родной язык, сохранили, может быть, даже лучше, чем многие из живущих здесь, в Татарстане.

Мы должны дорожить подобным общением, восстановленными тогда связями. Они делают нас богаче. То, что возможность общения людей, чьи предки вынуждены были покинуть родину в период революции, осуществилась в Татарстане, в России, делает нашу страну более привлекательной, возвращается благодарным отношением тех, кто приезжает к нам. Чтобы закрепить эти связи, после первой встречи был избран исполком Всемирного конгресса татар, который теперь постоянно поддерживает и развивает контакты Татарстана с соотечественниками из других стран и регионов. Чем можем, мы помогаем ему в этой деятельности, выделили на эти цели определенное количество средств из бюджета республики. Создали радиостанцию, сейчас начал работать телевизионный канал, распространяем среди татар, живущих за пределами Татарстана, литературу, диски с записями музыки и песен. Это общение позволило открыть новые пласты в истории татарского народа. Ведь даже те, кто живет в Татарстане, не видели очень много из того в России, что связано с нашей историей. Открываются новые документы, рукописи, ведется кропотливая работа ученых, чтобы сделать их достоянием всех татар. Огромные пласты еще нужно поднимать. Я считаю, что эта работа -- составная часть роста национального самосознания. Мы должны содействовать этому, помогая людям сохранять историческую память, национальные традиции.

-- Но рост национального самосознания имеет и обратную сторону: растут и националистические настроения.

-- Да, в годы перестройки в национальных республиках произошел резкий рост национального самосознания, отголосками чего стали и проявления национализма. Чтобы избежать роста таких настроений, в условиях России, страны многонациональной, проблемы, возникающие вместе с ростом национального самосознания, требуют очень взвешенной национальной политики. И чем дальше мы будем продвигаться в создании демократического федеративного государства -- а иного пути для России я не представляю, -- тем больше придется заниматься этими проблемами. Кто считает, что таких проблем нет, -- глубоко ошибается. Тем, кто с этими вопросами не сталкивался, они кажутся намного проще. Но здесь, в Татарстане, где удалось пройти сквозь сложные годы, сохраняя межнациональное согласие, известно, чего это стоило.

Я знаю, что позиция, которую я занимаю в том или ином вопросе, нравится далеко не всем в Москве. До недавнего времени многих раздражало то, что Татарстан оказался последней из национальных республик, чья Конституция не была приведена в соответствие с Конституцией России. А сегодня раздражает, что и после внесения

изменений ряд ее положений расходится с российскими законами. Но это не зависит от того, хочет или не хочет этого Шаймиев. Это не Шаймиев ставит Татарстан в особые условия, подчеркивая его суверенитет. В этом отражается воля народа Татарстана.

Есть вопросы, в которых не обойтись без политико-правового решения. Мы строим демократическое государство, мы начали жить в новом обществе, мы сказали людям -- вот гласность, пишите свою историю. Этот процесс не повернешь вспять. Татарстан в самые сложные годы не нарушил целостности Российской Федерации. Откуда тогда нынешнее недоверие, подозрение в том, что в республике есть силы, способные посягнуть на целостность России? Нет в Татарстане таких сил, люди поддерживают нашу политику, понимают, что Россия и Татарстан неотделимы друг от друга. Но есть вопросы, на разрешение которых нужно время.

На мой взгляд, понимают это и те, кто, указывая на Казань, обвиняет нас в сепаратизме. Просто это удобная форма нападения при решении любого вопроса, когда наше мнение, наша позиция не совпадают с планами и видением Москвы. А что, есть прописанный, единственно истинный путь к будущему устройству Российского государства? Нет ведь его еще. Нам хорошо известен пока только один путь, самый простой. Некоторым, я бы сказал политикам, кажется, что это путь назад, к унитарному государству с одним национальным лицом, когда всеми можно командовать, всех «построить»... Но мы это прошли. У кого сила, тот может построить и командовать -- налево, направо. Мы этого хотим? Тут много усилий не надо. Этого можно быстро достичь. Мы еще недалеко ушли от времен, когда вся страна слушалась одной команды. К сожалению, наш бедный народ, наверное, к этому приучен больше, чем к жизни в условиях демократического государства. Хотя значительная часть общества многое поняла, привыкла к новым ценностям, а это, на мой взгляд, залог необратимости процесса продвижения к демократии.

Строить федеративное государство будет непросто, но другого пути нет. Иначе не будет демократии в России. Почему Татарстан не должен говорить свое мнение относительно будущего федеративного устройства России? Мы же исходим из исторического опыта. Из опыта вчерашнего дня и дня сегодняшнего. Мы не заявляем о том, что владеем истиной в последней инстанции. Но поиск пути должен быть совместным. Было бы даже безнравственно, имея видение, пусть и не до конца верное, каким должно быть многонациональное федеративное государство, не высказать свою точку зрения. Поэтому я считаю, что мы делаем благо для всех, думаем не только о республике, а в целом о Российском государстве, где мы живем, должны жить и будем жить.

-- Татарстан выбрал свой особый путь в ходе рыночных реформ. Правда ли, что государство до сих пор активно вмешивается в деятельность промышленных предприятий республики, что Правительство может навязывать им свою волю, исходя из государственных соображений?

-- Такой политики нет. Идет процесс промышленной интеграции, и, конечно, государство не может оставаться в стороне от этого процесса. Правительство, обладая контрольным или блокирующим пакетом акций многих ведущих предприятий, вместе с другими

акционерами участвует в выработке решений, способствующих преодолению критических ситуаций, росту эффективности производства. По разным причинам одни предприятия живут сегодня лучше, другие -- хуже, и те и другие имеют свои планы на будущее. Конечно, при включении их в интеграционный процесс может появиться несовпадение интересов. Например, нелегко было, когда решалась судьба одного из ведущих предприятий страны -- Нижнекамского шинного объединения. В последние годы, больше по объективным причинам, предприятие начало хромать. Мы уговорили нефтяников прийти сюда -- передали в управление «Татнефти» государственный пакет акций. Непростым был диалог с акционерами, руководством шинного объединения. Но все-таки взаимоприемлемое решение было найдено. Не будь этого, коллектив предприятия сидел бы без зарплаты. Теперь предприятие вновь на плаву.

Я рад тому, что судьбоносный пакет акций ведущих предприятий не был выпущен в свое время из рук государства. Это во благо людей. Есть интересы большинства, ими и определяются принимаемые решения относительно будущего крупнейших предприятий республики. А чтобы были какие-то ограничения -- этого нет. Нефтяной, нефтехимический, энергетический комплексы Татарстана -- это очень сложные и к тому же крупные комплексы. Да, какие-то мелкие интересы акционеров в ходе интеграционных процессов наверняка могут быть ущемлены. Но, думаю, в конечном счете преобразования пойдут им на пользу.

А если говорить в целом об экономической политике Татарстана, мы стремимся создать такие условия, чтобы в экономике произошел стремительный прорыв вперед. Поддерживаем перспективные отрасли производства, содействуем развитию малого бизнеса. Кстати, имея монополиста по добыче нефти -- «Татнефть», несколько лет назад мы разрешили создание малых нефтяных компаний. Сейчас их в Татарстане уже 23. Они добывают 4 миллиона тонн нефти. На малых месторождениях, где монополист был как собака на сене, пошла работа...

-- Отличаются ли «новые татары» от «новых русских»?

-- «Новые русские» -- понятие расширенного толкования. Среди них есть разные люди. Одни уже сейчас ведут цивилизованный бизнес. Достигнув определенной степени достатка, они начинают думать о духовных ценностях, вкладывать средства в эти цели. Это характерно и для «новых русских», и для «новых татар». А есть и такие, кто стал богатым, но духовности не обрел. Думаю, это преходящее. Так было везде во времена,

когда происходил передел собственности. Это время пройдет, пена отстоится, цивилизованный бизнес станет нормой для всех. На мой взгляд, этот процесс идет все активнее, бизнесменов, занятых не только преумножением своих капиталов, но и готовых направить свои средства на благородные, не связанные с их бизнесом цели, становится все больше.

За примером мне далеко ходить не надо. Трудно говорить о своих сыновьях, но я такие вещи никогда не скрывал и всегда говорю так, как есть. Кстати, и тогда, когда их имена начинают склонять в прессе. Когда появляются статьи с «накатами», у меня есть хорошая практика. Я лично обращаюсь к Генеральному прокурору России: «Вот публикация, она задевает мою честь, честь моей семьи, прошу организовать проверку». Чего только не писали о моем младшем сыне, который занимается бизнесом, сколько было лжи в таких публикациях! Но я-то знаю, какой он. С тех пор как у него появился определенный достаток, он больше думает о том, что еще можно сделать для людей, для республики. Иногда я даже говорю ему: «Ты, наверное, обанкротишься». Но у него хватает ума в какой-то точке остановиться. Не каждый обладает способностями вести цивилизованный бизнес. Но те, кому это дано, становятся фанатами своего дела. Это со стороны, тем, у кого нет денег, кажется, что они только о деньгах и заботятся. Нет, уже нет. Вот недавно я встречался с бывшим главой Альметьевского района Комаровым. До того как стать главой района, он занимался бизнесом, потом, немного поработав в должности, оставил ее. Говорит, мне бизнес ближе. Толковый парень, мысль у него работает. Берет захудалое предприятие, восстанавливает, налаживает производство... Откуда эта увлеченность, что им движет? Стремление к большим деньгам? Но чтобы обеспечить себя, не так много нужно.

-- Поездив по республике, журналисты «Огонька» убедились, что такие люди есть здесь повсюду. Везде ощутимо стремление изменить жизнь к лучшему. Можно ли это считать свидетельством своеобразной республиканской региональной политики?

-- Можно ли считать благополучием, когда в столице живется хорошо, а в других местах плохо? Это самообман, самоутешение. А главное, я бы сказал, это безнравственно, когда в одной республике в одном месте хорошо, а в другом неблагополучно. Так, на мой взгляд, и благополучие России зависит от благополучия в регионах, на всей территории. Люди-то обладают равными конституционными правами. Безусловно, одно дело -- образ жизни большого города, другое -- образ жизни малых городов или села. Но раз люди хотят там жить, надо сделать так, чтобы им нравилось там жить. Поэтому у нас нет такого, чтобы в одной точке -- блеск, а в другой -- нищета. Это было бы аморально. Есть проблемы, есть трудности, безусловно. Они, наверное, всегда будут, но мы стараемся их решать комплексно. Может быть, слово дежурное, но точное. А самое главное -- мы заботимся о том, чтобы, где бы ни жили люди, у них была возможность трудиться, иметь свое дело. И на этой основе жить, а не существовать.

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

ПУНКТИК НА ГЕНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Любое государственное образование должно иметь свое законодательство и -- еще лучше -- свою Конституцию. Ну а если упомянутая нами республика (будем надеяться, что вы уже догадались, что речь здесь идет именно о Татарстане) еще и входит в состав более крупного федеративного образования, то определенные правовые коллизии здесь, как вы понимаете, неизбежны. Недавно Президент России Владимир Путин издал указ о создании очередной такой комиссии «по подготовке предложений о внесении изменений в договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». Прокомментировать околоконституционную ситуацию, сложившуюся со временем вокруг постсоветских отношений России и Татарстана, мы попросили члена образовавшейся комиссии Марата Гадыевича ГАЛЕЕВА, народного депутата Республики Татарстан, члена Президиума Государственного совета Республики Татарстан

-- Марат Гадыевич, какие вопросы в первую очередь выступают сейчас в роли камней преткновения в отношениях между Россией и Татарстаном?

-- Это в основном статусные вопросы. Давайте вспомним, как в новейшей истории формировалась российская государственность. Россия сегодня -- это РСФСР вчера. А РСФСР -- это, по сути, административная единица СССР. Все началось с Декларации о государственном суверенитете России, принятой Верховным Советом РСФСР 12 июня 1990 года. Через полтора месяца аналогичную декларацию принимает Татарстан. И эти два документа не состыковывались изначально. В 1991 году

13 августа, за неделю до ГКЧП, две делегации сели за стол переговоров. Тогда был подписан первый протокол. Ценность его в том, что в нем было зафиксировано то, что наши отношения будут договорными. Обе стороны тогда согласились с этим. Обе стороны заявили тогда о суверенитете, избрали Президента, причем Россия, видимо для легитимизации своего положения, провела перед этим референдум о необходимости учреждения в стране поста Президента России. Так вот Татарстан в этом референдуме не участвовал. И, выбрав своего Президента, народ Татарстана в выборах российского не участвовал, хотя такая возможность была. Кстати, первым вопросом Ельцина на следующий день после выборов был вопрос о том, как прошли выборы в Татарстане. Ему было сказано, что выборы там не состоялись. А не состоялись они потому, что все это происходило в условиях СССР, в котором тогда был свой Президент, и народ Татарстана считал, что им достаточно его и своего Президента.

Затем, после ГКЧП, переговоры то возобновлялись, то прекращались в течение двух лет. На этом фоне начались внутренние противоречия между ветвями власти на федеральном уровне. Верховный Совет тогда готовил более тысячи поправок в Конституцию. Причем поправки эти носили взаимоисключающий характер. Был еще референдум о доверии Президенту и Верховному Совету России. Мы ни в одном из них не участвовали. Кончилось это большим конфликтом властей, ликвидацией Парламента и, по сути, ликвидацией Конституции. Но к тому времени, в 1993 году, было создано Конституционное совещание для подготовки проекта новой Конституции. В его работе участвовали и мы. Давали свои предложения, но их просто отказались рассматривать. По этой причине мы официально вышли из состава Конституционного совещания. Конституция России, которая действует сегодня, принималась на всенародном референдуме, но народ Татарстана отказался в нем участвовать. В результате Татарстан оказался как бы вне правового поля России. Все это в какой-то мере, очевидно, заставило форсировать переговорный процесс со стороны Москвы.

Но до этого, еще в 1992 году, Бурбулис подал идею, что, мол, у Татарстана есть Декларация о государственном суверенитете, так надо нам еще и референдум провести, чтобы посмотреть, насколько народ все это поддерживает. В марте 1992 года мы провели референдум. Это был референдум по самоопределению. Там был один вопрос, в котором было три части: государственность, международная правосубъектность и договорные отношения с Российской Федерацией. В общем, в то время как в Москве назревал конфликт властей, в Татарстане осенью 1992 года приняли Конституцию. Хотя договора с Российской Федерацией не было, в Конституции было записано, что между нами будут именно договорные отношения. Характер договора был еще неясен. До этого, еще в феврале 1992 года, всеми субъектами Российской Федерации был подписан федеративный договор, но Татарстан его не подписал. А не подписал потому, что, когда мы давали свои предложения по поводу этого договора, их не приняли. Все эти документы были важны для России, поскольку фактически и юридически они оформляли ее государственность после распада СССР. А Татарстан, не подписав ни одного документа и не участвуя ни в одном референдуме, ни в одних выборах, был в этом смысле свободен. Это и сподвигло Москву активизировать переговоры с нами. И в течение двух месяцев после активизации переговоров договор был заключен.

Суть договора заключалась в том, что Россия признавала нашу Конституцию, а мы признавали российскую. Таким образом, легитимность российской Конституции на территории Татарстана появилась не в результате референдума, как для всего российского народа, а в результате договора. Выходит, этот договор является государствообразующим документом для России и Татарстана, он подтверждает особый характер взаимоотношений между нами, который не сложился с другими субъектами федерации. Договор этот представляет собой документ о взаимном делегировании полномочий. То есть в части полномочий, делегированных федеральному центру, для нас обязательно приоритетны федеральная Конституция и законодательство. Но в той части полномочий, которую мы оставили себе, приоритет за нашим законодательством.

Надо сказать, что позиция Татарстана в этом смысле всегда была открытой, без каких-либо тайн. Мы совершенно открыто заявляли, чего хотели, и ни разу не меняли своей позиции, были на редкость последовательны все эти 12 лет новейшей истории. Но что при этом делал российский законодатель? После 1993 года начал нарабатываться большой массив российского законодательства, который почему-то не учитывал российско-татарстанского договора. Я бы сказал, бульдозерно создавалось законодательство, в деталях описывающее увеличивающиеся полномочия федерального центра и уменьшающиеся -- регионов, даже по сравнению с тем, что записано в российской Конституции.

-- А какое законодательство должно быть в России?

-- Мне кажется, что в России -- столь дифференцированной стране -- законы должны быть рамочными. Возьмем, к примеру, Ингушетию с ее сложившемся институтом многоженства. В свое время Аушев это узаконил. А Путин отменил. Но многоженство, как явление, осталось. Там до сих пор от 25 до 40 процентов мужчин имеют повторные браки. Это говорит еще и о существовании другого менталитета, другой цивилизации в регионе -- и ничего с этим поделать нельзя. Северные народы тоже другая цивилизация. И в такой ситуации лучше быть хоть с каким-то законом, чем вообще без него. Поэтому идея о том, что все в России должны жить по одному федеральному законодательству, -- вредная для нашей страны. Такая иллюзия сложилась после 1917 года, когда всем была навязана единая идеология и всем казалось, что все одинаково думают. Когда эта единая идеология разрушилась, выяснилось, что цивилизационные ценности разные. Страна ведь очень дифференцирована. А в Москве все время кажется, что все одинаковы. Единое правовое поле может быть, например, в вопросах службы в армии, налогообложения, но не более.

-- Но ведь это же может привести к конфедерации.

-- Да не надо так уж бояться слова «конфедерация». Можно ведь все назвать «более централизованной федерацией». Это все лишь игра слов. К примеру, Швейцария формально является конфедерацией, но, по сути, она федерация. А мы до сих пор жили лишь в одном государстве -- унитарном. И на зуб не пробовали ни федерацию, ни конфедерацию. И ведь Татарстан все равно останется вместе с Россией. Несмотря на все культурные различия, есть и много общих культурных ценностей, исторически сложившихся. Друг без друга мы вряд ли сможем жить. Ведь есть вопросы территориальной привязанности, есть вопросы внешних угроз.

-- Какая работа сейчас ведется вами по урегулированию конституционных разногласий?

-- Мы внесли серьезные поправки в нашу Конституцию, приведя ее, насколько это возможно, в соответствие с федеральным законодательством, считая, что не нужно конфликтовать с Москвой. Но мы связаны выбором народа на референдуме по вопросу о государственности. Ведь такое самоопределение народа, с точки зрения юридической силы, выше любого закона, и мы обязаны с ним считаться. Кроме того, мы имеем в руках

договор, который ни одна из сторон не может расторгнуть в одностороннем порядке и который является бессрочным.

-- Но, с другой стороны, состояние федерального законодательства сейчас таково, что, дабы не допустить конфликтной ситуации, вы обязаны приводить в соответствие с ним свои внутренние законы, пренебрегая решением, принятым на референдуме?

-- Это действительно так, поэтому мы и пытаемся сейчас стыковать наши конституции настолько, насколько это возможно безболезненно. Потому что с договором ряд полномочий мы делегировали федеральному центру, а еще до договора приняли старую Конституцию, в которой полномочий было побольше, чем получилось в договоре. Поэтому мы в рамках договора производим эту стыковку и снимаем конфликтную ситуацию. Но, с другой стороны, текущее федеральное законодательство по ряду моментов вступает в противоречие с уже сделанными поправками. Например, Татарстан по договору может вступать в экономические связи с субъектами иностранных государств и с иностранными государствами. А федеральный закон о связях субъектов во внешнеэкономической деятельности допускает связи только с субъектами иностранных государств, но не с самими иностранными государствами. По договору же мы имеем на это право. Здесь уже возникла коллизия. Как она будет дальше разрешаться? Это вопрос.

-- Федеральный закон в принципе запрещает вам участие в международных отношениях?

-- Таково видение прокуратуры как ведомства. Но я еще раз повторяю: это же политико-правовой процесс. Прокуратура политикой не занимается, а Конституция -- это более сложный документ, поэтому я в принципе против подхода, когда прокурор просто сопоставляет нашу Конституцию с текущим законодательством. Нам важно, чтобы Россия пошла на прецедент, осознав, что в такой стране, и тем более в федеративном государстве, не может быть укатанного катком правового поля. Не должно быть.

-- То есть налицо перегиб прокуратуры?

-- Я считаю, да. Ведь мы сами себе сказали, что будем работать в цивилизованных рамках и нужно иметь в виду, что договор -- это не прихоть или каприз отдельных политиков в Татарстане. За этим стоят референдум, воля народа. В Москве говорят, мы не признаем вашего референдума, но это они сами себе могут сказать, а мы не можем, потому что за это проголосовал народ, это в свое время стало почвой для политической стабильности, хотя были волнения. И в инвестиционных рейтингах привлекательности по фактору политической стабильности после подписания договора в рамках субъектов России мы не выходим из первой тройки. Но ведь спокойствие само собой никогда не рождается. Это результат определенной политики. Мы этими результатами дорожим и держимся двумя руками. В Москве это сейчас не понимается и не принимается. Там говорят: «Есть российская Конституция, есть массив нашего законодательства -- приводите все в соответствие». Но также нельзя поступать в отношении Татарстана.

Мы полагаем, что федеральный центр должен дорожить договором Татарстана и России как моделью разрешения конфликтных ситуаций. Он обязан был бы сделать рекламу и не драться с нами: давайте утрамбовывайтесь, уравнивайтесь -- все субъекты равны. Русские и татары -- это все равно разные культуры. Они, с одной стороны, соединились, но слиться они никогда не смогут. Смотрите: у русских и татар была своя государственность. У остальных субъектов никогда своей государственности не было. И у татар это определенный пункт -- тяга к государственности. Это генетически предопределено. Но если следовать логике реформ Путина, то Татарстан должен сейчас лишиться своей государственности, на что мы никогда не согласимся. Никогда.

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

ТАТАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Топор Петра, которым он рубил «окно в Европу» и другие земли, сегодня оказался в руках у Республики Татарстан. И «татарская дипломатия» -- это уже не преувеличение, а вполне реальный факт современности. О том, какими дипломатическими методами Татарстан собирается завоевывать мир, в интервью журналу «Огонек» рассказывает госсекретарь при Президенте РТ, директор Департамента внешних связей Тимур Акулов

Все визиты первых лиц -- это политическая «крыша» для бизнеса. Президенты в отличие от обычных людей не ездят в страну по частным приглашениям

-- Тимур Юрьевич, внешняя политика в представлении большинства людей прерогатива государственной власти. Я имею в виду власть федеральной. Чем же тогда занимаетесь вы? Откуда взялась эта самостоятельная «татарская дипломатия»?

-- Мы не занимаемся дипломатической деятельностью, мы занимаемся парадипломатической деятельностью. Наша задача -- создать для республики такой имидж, чтобы он в полной мере отвечал нашим интересам.

Я считаю, что за последние 10 лет мы добились того, что де-факто Татарстан признан в мировом сообществе. И хоть мы не являемся субъектом международного права по юридическим канонам, у нас сложились вполне определенные отношения со многими

государствами. Мы узнаваемы и принимаемы в этих государствах и при этом совершенно не вредим федеральной политике. И, наверное, из-за этого нас и признают, мы всегда очень ревностно относимся к тому, чтобы соблюдать следующие правила: во-первых, не навредить себе; во-вторых, не навредить своим партнерам, которые работают с нами; в-третьих, не навредить Российской Федерации.

-- А какие у вас складываются отношения с российским МИДом?

-- Сейчас хорошие, но были разные периоды. Когда министром был Козырев, то на высшем уровне мы вообще никаких отношений не строили. То, что происходило тогда во внешней политике Российской Федерации, на мой взгляд, во многом не отвечало интересам самой Российской Федерации. Было очень тяжело разъяснять внешнюю политику РФ нашим зарубежным партнерам. Выступать против было неэтично и просто неграмотно. Критиковать то государство, в котором ты живешь, если ты не имеешь сил и возможностей что-то исправить, -- неконструктивная позиция. А когда ушел Козырев, в МИДе РФ появились другие люди, появилось и понимание того, что внешняя политика делается не только в Москве, что она может делаться и в других регионах страны. Отношения стали более конструктивными. Теперь они строятся, прежде всего, на основе консультаций. Это меня радует и вполне удовлетворяет.

В последнее время столкновений с Москвой на дипломатическом поле у нас вообще не было. Бывают какие-то шероховатости, когда кто-то из наших официальных лиц выезжает за границу и подписывает какое-то соглашение, документ, который превышает его полномочия. Естественно, МИД заявляет нам в таком случае протесты. Мы отработываем возникшие вопросы, стараемся сделать так, чтобы все соответствовало российским и международным нормам.

Кстати, от нас и наши зарубежные партнеры ждут, что мы будем вести себя лояльно по отношению к федеральному руководству и его политике. Хотя порой я не согласен с некоторыми шагами, которые предпринимаются в центре, я готов спорить об этом с представителями МИДа, но делать на этом политику или пытаться формировать бунтарский имидж Республики Татарстан... нет. Это не отвечает нашим интересам.

-- А что дают республике внешнеполитические контакты?

-- Контакты дают очень много. Из-за того, что республика стала узнаваемой в мире, она сразу стала и более привлекательной. Вы знаете, что показывают про Россию по Си-эн-эн? Большинство сюжетов: война, коррупция, суды... Показывают наши города -- в кадре обязательно присутствуют наши милиционеры с автоматами. Как будто по всей стране военное положение! Если судить только по западным СМИ, получается, что наша страна разваливается, рушится, как им в этой стране работать? И тут вдруг появляются люди, которые рассказывают, что в России, и в частности в Татарстане, все благополучно. Сначала просто рассказывают, потом организывают взаимные визиты на разных уровнях, потом приезжают первые лица страны, президенты...

Вообще все эти визиты первых лиц -- это политическая крыша для бизнеса. Я, может быть, говорю на чисто русском жаргоне, но этот лексикон достаточно точен. Ведь когда бизнесмены приезжают в Казань первый раз, они часто просто боятся выйти из гостиницы. Когда я рекомендую им пройтись по Бауманке, в ответ слышу: «Да у вас же бандиты кругом бегают!» Поначалу они от всего шарахаются, потом понимают, что никакие бандиты по улицам не бегают, успокаиваются, гуляют до двух часов ночи и смеются над собственными страхами.

Я считаю, что главная задача нашей международной деятельности -- это, прежде всего, обеспечить имидж Республики Татарстан, как нормально развивающегося субъекта федеративного государства. Субъекта! Потому что это совершенно не отрицает того, что Татарстан является государством. И это совершенно не отрицает того, что мы хотим жить в нормальном федеративном государстве.

-- Тимур Юрьевич, а какая иностранная держава первой наладила с вами отношения?

-- Турция. И обмен визитами на уровне первых лиц был сделан именно с Турцией. Тут, кстати, существует свой этикет -- президенты, как правило, не ездят в страну по частным приглашениям. Только официальные визиты. Собственно, с 1992 года у Минтимера Шариповича не было ни одной поездки, чтобы он ездил по частному приглашению. Все поездки Президента -- только по приглашению официальных государственных органов. Как правило, на уровне министерств, иногда на уровне Правительства. Последний визит был в Швецию, приглашение получили от премьер-министра королевства.

-- А куда у вас идет внешнеполитический упор -- на Запад, на Восток?

-- Наши интересы есть везде. Мы не можем полностью ориентироваться на Запад. Во-первых, потому, что там для нас почти нет рынков сбыта, ничего, кроме сырья, мы туда экспортировать не можем. А промышленность в нашей республике развита, и наша задача -- сбывать ту продукцию, которую мы производим. Мы не хотим целиком опираться на экспорт нефти. Основную тяжесть экспорта нам надо перенести на машиностроение, тем более что у нас есть такие возможности. Во-вторых, Запад -- это все-таки христианский мир. А мы республика во многом мусульманская. Поэтому нам легче проникать и осваивать рынки сбыта в странах Ближнего Востока. Там еще есть свободные ниши. Причем это те ниши, которые Российская Федерация в прошлом полностью забросила, отказалась от них.

Также ряд стран некогда социалистической ориентации, у которых вся военная промышленность, вся экономика, вся жизнь были ориентированы на то, что производилось в Советском Союзе. Все это приходило в негодность, требовало замены, а в это время Россия в целом как федеративное государство от них отвернулась. А мы к ним повернулись. Кстати, по этой причине часто говорят, что Татарстан занимается поддержкой стран-изгоев. Да, у нас есть соглашение с Ираком, соглашение с Ливией, мы неплохо работаем с Ираном и другими странами, к которым мировое сообщество относится с опаской. Хорошо, а почему мы не должны работать с тем же самым Ираком?

Да, есть санкции ООН, мы взяли обязательства перед российским МИДом, что не будем ни в коем случае выходить за рамки этих санкций, но мы все-таки заняли там нишу.

Когда я ездил туда, то встречался с министром экономики, зятем Саддама Хусейна, которого он потом сам и расстрелял. Ну да ладно, дело не в этом. Во время беседы он достал из стола огромную стопку подписанных контрактов с нефтяными компаниями на добычу нефти. И начал перебирать. Не нашлось ни одного контракта ни с одной российской компанией. Хотя были представители Сьерра-Леоне, Мозамбика, Колумбии, Мадагаскара, и почти за каждой фирмой стояла какая-то крупная американская, французская или немецкая компания. И это нормально, идет нормальное ограбление государства. «Ограбление» потому, что по санкциям ООН иракская нефть, если она продается в Америку, должна идти со скидкой в 6 долларов за баррель. Понимаете? А Россия, по сути, полностью бросила эту страну.

-- Россия бросила, вы подняли. И какую же нишу занял Татарстан? Что он предлагает этим «изгоям»?

-- Многое, и при этом все в рамках закона и санкций. Мы делаем для них геологоразведку, поставляем им продовольствие в обмен на нефть. Правда, в Ираке тяжело работать, мы еще только раскручиваемся. Чтобы там работать, надо обладать арабским менталитетом, есть очень много нюансов, которые необходимо учитывать, когда работаешь там. Ну и, разумеется, помнить все правила, соблюдения которых требует санкционный комитет ООН. Примерно так же развивается и наше сотрудничество с Ираном. Тоже вроде бы страна под грифом «нельзя».

Сейчас выходим на рынок ОАЭ, выходим с трудом.

-- А предприятия, которые выходят на международный рынок, с вами контактируют?

-- Конечно. Мы их консультируем, а порой оказываем практическую помощь. Когда есть необходимость, подключаем специальные сектора: Америки, Азии, Африки. Если какое-то предприятие вдруг немножко зацепляется за какую-то страну, нам надо оказать ему парадипломатическую поддержку -- это наша святая задача. Собственно, для этого мы и существуем, чтобы соблюсти экономические интересы нашей республики.

-- Тимур Юрьевич, но ведь для таких обширных дипломатических отношений нужно держать еще и соответствующий штат дипломатов? Где вы специалистов берете?

-- Специалисты по этому профилю у нас в стране есть. С удовольствием берем выпускников дипломатической академии и МГИМО. По положению о департаменте мы не имеем права принимать на работу человека, который знает меньше двух языков. Это обязательное условие, все они сдают по языкам экзамены. Кстати, ни русский, ни татарский иностранным у нас не являются. Как и языки стран СНГ. Для дипломатической работы обязательно требуем опыт работы по специальности. Причем неважно, бывший ли это военный, дипломат, специалист по внешней торговле, контрразведчик. Если он

умеет нормально работать, если он коммуникабелен, обладает определенными способностями (а я считаю, что для дипломатической работы надо обладать способностями), то этот человек будет у нас работать.

Хотя у нас есть проблемы, связанные с ротацией кадров, несмотря на то, что у нас всего 18 представительств. Вот уже семь лет наш человек сидит во Франции, надо его менять, но не могу я его заменить -- потеряем темп. Заменили в Узбекистане и почувствовали, что фактически на год отстали. Пока новый человек вживается в ситуацию, пока он пройдет по всем коридорам, пока плов покушает со всеми, с кем надо покушать, проходит год. Через год его начинают узнавать, принимать и воспринимать. И потом, одно дело, когда у тебя есть верительные грамоты и за спиной стоит целое государство. И другое дело, когда ты ведешь парадипломатическую работу, когда представляешь интересы отдельного субъекта федеративного государства -- Татарстана. Есть разница. А преодолеть эту разницу можно только за счет личностных качеств.

-- А ваш нынешний объем внешнеполитической деятельности большой? Восемнадцать представительств -- это только начало или цель уже достигнута?

-- Не внешнеполитической, а международной. Потому что, когда говорят «внешнеполитической», это сразу вызывает ненужные ассоциации. Я считаю, что объем вполне достаточный. Мы пришли к тому рубежу, когда увеличение количества будет вредить качеству. Ведь создавать представительства -- это не самоцель. Мы их создали не потому, что хотим показать, насколько мы суверенны, а потому, что они приносят пользу экономике, так лучше налаживать хозяйственные связи.

-- Не кажется ли вам, что такая самостоятельная внешняя деятельность не способствует укреплению Федерации? А может быть, даже ведет к ее распаду?

-- Нет, это не ведет ни к распаду, ни к конфедерации. Во-первых, мы не нарушаем ни одного федеративного закона. Во-вторых, у нас нет претензий на то, чтобы наша экономическая самостоятельность превращалась в политическую независимость. Пока что таких претензий у нас нет и, я думаю, их нет ни у кого из субъектов федерации.

Дмитрий АКСЕНОВ

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

ГЛАВНОЕ -- НЕ СЛОМАТЬ ГОРОД

Гулять по улице вместе с мэром -- это не простое удовольствие. Для мэра это вообще работа. Каждый второй встречный считал своим прямым гражданским долгом если и не спросить главу города о чем-то, то уж поздороваться обязательно

В Казани стояли пасмурные погоды. Солнышко принципиально не показывалось из-за тучек, то и дело начинал накрапывать мелкий дождик. Начинал как-то нехотя, словно бы и не решив еще, стоит ли тратить сегодня драгоценную влагу. Начинал и довольно быстро передумывал, и так каждые полчаса.

-- Ну что же вы так не подготовились? -- упрекал во время нашей общей прогулки по городу мэра Казани Камиля Шамильевича Исхакова фотограф Юрий Феклистов. -- Наш Юрий Михайлович такого бы не позволил. Он бы враз пару самолетов запустил и моментально организовал для съемки нормальную погоду.

Конечно, для фотографа такие метеоусловия -- сущее наказание. А для меня ничего, вполне приемлемо. Да и мэр особых признаков дискомфорта не проявлял

ИСТОРИЯ

-- Камиль Шамильевич, я и не думал, что Казань старше Москвы будет. Как же это так получилось, что вы раньше нас отстроились?

-- Да что Казань, у нас и государство постарше будет. Татарское царство насчитывает свыше трех тысяч лет. Это одно из древнейших мусульманских государств. А с Казанью нам просто повезло. Могло и так случиться, что мы бы оказались не старше, а младше Москвы лет на двести. Где-то в конце девятнадцатого века городской голова уже выходил в Городскую думу с предложением: давайте отпразднуем пятисотлетие города. Он тогда предоставил материалы, доказывающие, что городу никак не меньше пятисот лет. Дума послала материалы в Императорский Казанский университет, чтобы там дали окончательный вердикт: да или нет? Тогда такие решения принимались на этом уровне. Но ученые посмотрели материалы и вернули обратно, сказав: «Может, вам и пятьсот лет, может, больше, а может, и меньше, для установления даты рождения этих материалов недостаточно. Продолжайте копать дальше». Таким образом, пятисотлетие не состоялось. И мы сейчас говорим: «Аллага шекер» (слава Богу), потому что, если бы

состоялось, нам сейчас было бы лишь шестьсот с небольшим. Ведь там тоже доказательные материалы были серьезные.

Потом, в пору расцвета партийной диктатуры, у нас опять возникла та же идея. Точнее, сначала появились новые материалы, а потом идея. В 1977 году мы хотели отпраздновать восьмисотлетие Казани. И даже начали готовиться, поскольку первый секретарь обкома партии сказал: «Давайте готовиться». В Италии отпечатали книгу о городе, выпустили значки, буклеты, программу составили, а в это время материалы отправили в Политбюро ЦК КПСС. Политбюро отправило материалы в Академию наук. Идея тогда не прошла. Я тогда работал здесь в комсомоле, и ситуацию нам представили так, будто бы это Политбюро виновато. И только сейчас, изучая историю вопроса, я выяснил, что, оказывается, на самом деле виновата была Академия наук СССР, которая вернула материалы в Политбюро с той же резолюцией: «Может, больше, а может, и меньше, мало источников». Определить возраст было тем сложнее, что не сохранилось никаких рукописей. Казань всегда захватывали, жгли, были пожарища, войны, в общем, рукописей нет.

Однако безродным жить не хочется. Я ведь уже почти четырнадцать лет на этой работе, таких больше нет в России, и вот после того, как лет пять-шесть главой города отработал, я начал по-серьезному заниматься вопросом выяснения возраста города. Все материалы тех лет поднял и начал, чтобы ошибок не повторять, очень скрупулезно все штудировать. Короче говоря, четыре-пять лет кропотливой работы привели к тому, что все пять институтов Академии наук России и бюро отделения истории АН СССР однозначно признали, что Казани скоро будет 1000 лет. Причем находок было очень много, и разброс дат был большой. Пришлось даже подключить математиков, и уже методом математической аппроксимации они смогли вывести более точную дату. В итоге как раз и получился 2005 год.

После историков, для того чтобы юридически закрепить эти результаты государственными документами, администрацией Бориса Николаевича Ельцина был подготовлен проект указа о праздновании тысячелетия Казани. Этот указ шел-шел-шел по инстанциям и вдруг пропал куда-то. Мы бегаем, ищем концы, а нам потихоньку так говорят: «Ребята, ну нельзя так, не может Казань быть старше Москвы. Нехорошо это, неприлично». Но потом нам все-таки удалось доказать свою правоту, мы даже Юрия Михайловича Лужкова убедили, и он согласился с тем, что ничего страшного в том нет, что мы старше.

-- Но если нет рукописей, как же можно установить дату рождения города с такой точностью?

-- Способов много. Например, по косвенным данным. Казань была создана как форпост Булгарского государства, как крепость, которая охраняла город Булгар и все Булгарское государство от набегов норманнов и варягов с севера. И есть источники, которые говорят, что начиная с 1005 года в Булгарах стало значительно спокойнее, а до этого были постоянные нападения. Значит, кто-то стал на их пути. Значит, где-то выше по Волге, а

они шли на Булгар по Волге, построены мощные укрепления, которые не просто преодолеть.

-- Такие уж и мощные. Наверняка это была поначалу какая-нибудь деревянная крепость.

-- Ну, поначалу, может, и деревянная, а к XVI веку это был уже настоящий бастион, которому под силу было противостоять весьма крупным армиям. Иван Грозный три раза пытался взять Казань. Три раза сплавлялись его войска по Волге. Недалеко от города есть остров такой Свияжск. Он тогда был пуст, и они там расположились. Причем так серьезно расположились, что даже сплывали по Волге на плотках туда церковь. Там и сейчас много памятников осталось. Оттуда царские полки и вели наступательные действия. И прорвались к Казани только за счет того, что сделали подкоп под стену Кремля и взорвали ее. Даже на Казанке сейчас стоит памятник сражавшимся тут воинам. Именно оттуда и велся подкоп, если верить легенде. В этом году в середине октября исполняется 450 лет с того дня, как Иван Грозный захватил Казань. В 1552 году. И вот православная часть города просит в честь юбилея отреставрировать храм-памятник на братской могиле воинов. А там написано: «Память православным воинам, погибшим при взятии Казани». А другая часть города говорит: «Да вы что, да как это можно, они же были агрессорами» -- и просит поставить памятник защитникам Казани. И только тогда мы сможем отметить эту дату, когда у нас одновременно будет восстанавливаться памятник православным воинам и строиться памятник защитникам города.

-- А в советские времена действующие мечети были в городе?

-- Одна-единственная оставалась -- мечеть Марджани Шигабутдина.

Пройдя через какой-то незаметный кремлевский дворик, мы оказались на стройплощадке. Прямо перед нами возвышалась окруженная башенными кранами неземной красоты мечеть. Легкая, хрупкая, почти воздушная, увенчанная казавшимися полупрозрачными голубыми куполами, она властным жестом указывала на небо всеми своими восемью минаретами. Ажурные арочные перекрытия, разделенные стеклянными стенами, казались невыносимо тонкими и в то же время удивительно прочными.

-- Здорово, -- искренне восхитились мы с Юрой. -- Красиво. На Голубую мечеть похожа, что в Стамбуле.

-- Похожа, да? -- оживился мэр. -- А мне кажется, что на нее похожих вообще нет в мире. Знаете, если посмотреть на древние рисунки города, то вы увидите, что тут везде были мечети, мечети, мечети и мечети. Потом, когда Иван Грозный захватил Казань, все они были разрушены, а татары изгнаны за территорию города. То поселение, где они тогда

обосновались, по сию пору называется «старотатарской слободой». А здесь, на местах бывших мечетей, начали появляться церкви. Некоторые мусульмане считают, что главный православный храм Татарстана, собор Благовещения, построен на фундаменте мечети Кул Шариф, которая в свое время была центральной в Казанском Кремле и одной из красивейших в мире. Конечно, зная характер Ивана Грозного и нравы той эпохи, можно предположить, что такое быть могло. И про собор Благовещения всегда говорили, что он стоит на месте мечети Кул Шариф, а прообраз мечети Кул Шариф перенесен в Москву и стоит на Красной площади и называется теперь собором Василия Блаженного. Мечеть тоже была восьмиглавая. Но мы сейчас этот спор стараемся разрешить, мы не стравливаем никого. В соборе Благовещения была проведена большая научная работа и доказано, что храм стоит на своем фундаменте. Спорящие с нами нашли там один надгробный мусульманский камень и на его основании пытаются доказать, что мечеть стояла именно там. Но мы этому тоже нашли объяснение, он в алтарной части прямо в стену вделан. Мы его открыли и доказали, что да, он есть, но оказался здесь совершенно случайно. То есть этот вопрос мы сняли, а мечеть Кул Шариф возродили, тоже восьмиглавую, но... Поскольку ее изображений не сохранилось, точнее, есть один рисунок, но там она изображена издали и только в общих чертах, то мы устроили конкурс на проект мечети и строим ее по новому проекту.

-- А когда вы ее освятите? То есть откроете?

-- Мы сейчас закончили в основном наружные работы. К нам приезжали самые высокие люди из Ирана, и договоренность уже достигнута, остается только доставить от них 2200 квадратных метров ковров общим весом 7400 килограмм. Они их уже соткали у себя и дарят нам для ковровой части этой мечети. А сейчас проходит тендер на то, кто из подрядчиков будет производить отделку храма. Очень много желающих, полтора десятка фирм претендуют на эту работу. Так что если не в этом году, в этом вряд ли, то на будущий год мы работы закончим. Причем одновременно со строительством мечети мы будем еще и реставрировать Благовещенский собор, соблюдая, таким образом, честный паритет между мусульманами и христианами.

-- Вообще-то вы, как политик, должны быть вне религии, а вы в самом ее центре. В котле.

-- Ну, мэр -- это не совсем политик. Скорее и администратор. А быть администратором и стоять вне течения нельзя. Надо держать руку на пульсе всей общественной жизни. В том числе и религии. Недавно я встречался с Папой Римским, мы с ним обсуждали проблему

возврата России Великой Святыни -- Чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Нам было выделено десять минут, а проговорили мы полчаса.

-- Разговаривали по-русски?

-- Нет, через переводчика, хотя русский язык он знает хорошо. Так вот, проговорили мы полчаса, из-за этого он в назначенное время не смог подойти к окошку. А там же толпа собирается, все ждут папского благословения, а тут его все нет и нет. Там подозрения разные родились, все, Папа умирает, он даже к окошку подойти не смог, а это просто мы разговаривали. И вот так мы сидели-сидели до тех пор, пока не начались звонки, намекающие, что пора бы кончать аудиенцию. И тогда Папа повернулся ко мне и говорит по-русски, с удивлением и с каким-то даже волжским оканьем: «Хляди, уже звОнят».

-- Так, а насчет иконы как договорились?

-- Нормально договорились, только Папа хочет сам ее передать, а его в России не принимают.

МЕТРО

При въезде на метростроевскую стройплощадку белую «Волгу» мэра весьма живописно покрыл матом едущий нам навстречу тракторист. Речь его была обращена к шоферу и в переводе на нормативный язык выглядела примерно так: «Куда же ты едешь, чудак? Неужели не видишь, что у моего трактора сцепления с почвой нет, скользко же!»

Вообще я с детства люблю бродить по строящемуся метро, поэтому приглашение мэра походить по туннелям принял с удовольствием. Мы спустились по узеньким крутым лестницам на самое дно котлована, в котором предполагается построить станцию «Суконная слобода». Название станции произошло от построенной на этом месте еще при Петре I суконной мануфактуры. В туннелях, располагавшихся по обе стороны от нас, было светло и относительно сухо. Стройка отдыхала: выходной день.

-- И когда открывать собираетесь?

-- Если все получится, а мне очень хочется, чтобы получилось, то к тысячелетию города Казани первые пять станций постараемся запустить. Первая станция -- «Кремлевская», потому что линия будет начинаться с Кремля. Потом будет «Площадь Тукая», потом вот эта, «Суконная слобода», потом «Аметьево» и потом «Горки». Общая протяженность -- восемь с половиной километров.

-- Это такой подарок горожанам к юбилею?

-- Не совсем. Подарок -- это вещь приятная, но необязательная. А метро -- это вещь для Казани сейчас чрезвычайно важная. Мы планируем с его помощью разгрузить исторический центр города. А кроме метро мы для этих же целей строим еще два транспортных кольца. И если у нас все получится, то будет очень хорошо, потому что иначе мы центр вообще погубим. Транспорт должен ходить вокруг центра и заезжать в него только по особой нужде. Но это тоже подарок к юбилею. И еще предполагается сто тридцать один подарок. Во всяком случае, именно столько проектов имеются в федеральной целевой программе по подготовке города Казани к празднику тысячелетия. Очень много намечается восстановить памятников архитектуры, культуры, искусства. Так что подарков будет много, метро -- это только один из них.

-- У вас тут, как я погляжу, многовато уже понастроено. Давно начали?

-- В 96-м году.

-- Это когда город перешагнул миллионный рубеж?

-- Нет, город его перешагнул еще в 77-м.

-- Но ведь в советские времена, если я правильно помню, метрополитен в городе начинали строить именно с миллионной отметки?

-- Нет, с миллионной отметки появлялось право на строительство. А чтобы его реализовать и на самом деле начать строительство, нужно было собрать еще очень много документов, составить технико-экономическое обоснование, провести экспертизу проекта и так далее и тому подобное. Этими вопросами еще задолго до меня занимались городские руководители, ну а мне выпала честь начинать строить. Только в 1995 году мы с Уфой вместе смогли попасть в государственную метростроевскую программу.

-- Сложное это, наверное, дело -- метро строить?..

-- Самая большая сложность была попасть в программу. Потом, конечно, оснащение. Мы купили туннелепроходческий комплекс в Канаде, именно под наши грунты рассчитанный. У нас здесь грунты очень мокрые. Потом нужно было наладить весь комплекс выпуска железобетонной отделки, и мы его наладили. Заводы заработали, фабрики. В итоге у нас получились самые высокие темпы проходки туннелей, остальные все, даже вместе взятые, меньше нас проходят.

-- И сколько же вы метров за день покрываете?

-- Максимально четырнадцать метров проходили, а так в среднем десять-двенадцать. Это очень высокие темпы.

-- А строители кто?

-- Только свои, казанские. В том-то наше и достижение, что мы опираемся только на свои силы. А вот наши друзья уфимцы, с которыми мы вместе стартовали, из программы уже

вылетели. Они за эти годы ничего не сделали, ни на рубль. Борис Николаевич еще в 1996 году первый камень у них там заложил, и на этом все кончилось. Сейчас у них вместо метро -- закладной камень. Сложное это дело, очень сложное, метро строить. Но нужное. Нам без него не прожить, центральная часть города сейчас загружена до предела, и нагружать ее дальше нельзя, не выдержит.

ГОРОД

-- Камиль Шамильевич, все это, безусловно, интересно, но что вы нам только хорошее-то показываете? Вы нам и плохое покажите. Или нету его?

Мэр погрузстнел. Так, наверное, грустнеет поэт, сбитый с высокой рифмы напоминанием о том, что надо платить за коммунальные услуги.

-- Есть. И далеко ходить не надо. Достаточно во двор зайти.

И мы свернули в первый же попавшийся нам на пути дворик. Прямо перед нами зиял выбитыми окнами полукаменный-полудеревянный барак с маленькой, пристроенной сбоку избушкой туалета. Справа постепенно спускалось к земле уже наполовину завалившееся строение.

-- Вот здесь, -- показал на него мэр, -- беспризорники жили. Я туда к ним лазил. Они на втором этаже себе нары обустроили, лестницу приставную. И таких домов еще очень много. Хотя мы постепенно от них избавляемся.

-- Путин вам помогает?

-- А как же, еще как. Он председатель Государственной комиссии России по подготовке к тысячелетию Казани, а Минтимер Шарипович -- председатель республиканской комиссии по подготовке. Путин вообще сейчас две такие комиссии возглавляет: кроме нашей, еще и комиссию по подготовке юбилея в Санкт-Петербурге. Он уже к нам два раза приезжал, и с народом разговаривал, и дома казанские посещал...

-- В смысле -- памятники?

-- В смысле трущобы. Натуральные трущобы. Смотрел, как люди живут, в гости заходил. Татары -- народ хлебосольный, так что встречали его везде с радостью. За стол сажали, угощали. Ну, и жаловались, конечно.

-- И много у вас народу в трущобах живет?

-- Пока хватает. Мы вот уже 22 282 семьи отселили, еще около девяти тысяч осталось отселить. У нас стройки идут, знаете, какими темпами? Москва позади нас! Если посчитать, сколько нового жилья на душу населения построено, то мы впереди почти в полтора раза. 602,3 тысячи квадратных метров жилой площади мы построили в прошлом году, а Москва построила три с половиной миллиона. То есть почти в шесть раз больше. Но там населения в десять раз больше, вот и посчитайте. Мы вместе с Юрием Михайловичем считали, так он все удивлялся: «Ничего себе, -- говорит, -- Камиль, а у тебя больше, оказывается».

-- И всем раздаете или только остро нуждающимся?

-- Остро нуждающимся в первую очередь. У нас есть программа адресной помощи. Например, семьям, в которых больше пяти детей, мы квартиры даем вообще сразу.

-- И много у вас таких семей?

-- Еще как много. У нас есть семьи, в которых и по тринадцать детей, причем все дети находятся еще при маме. Для таких мы уже строим отдельный дом, коттедж. У нас вообще демография и рождаемость -- это проблемы такие, за которыми надо постоянно следить. За годы перестройки рождаемость начала падать, а смертность увеличиваться так же, как и в среднем по России. Мы провели целый комплекс мероприятий по охране материнства и детства, и, как следствие, рождаемость сразу поползла вверх. Мы даже специальные чеки ввели для многодетных и нуждающихся семей, по которым в Казани и вообще в Татарстане семьи могут покупать продукты и вещи. Такие своеобразные деньги для малоимущих.

-- Старая часть города сохранится?

-- Вот сейчас мы в большей части старого города видим неприглядную картину. Есть полуразрушенные отселенные дома, в которых уже никто не живет, в которых окна выбиты, которые вообще производят гнетущее впечатление. И бороться с этим положением сложно, потому что, когда начинаешь его обустривать, этот дом с участком, оказывается, что на это нужны очень большие затраты. Потому что раньше люди, жившие в этом доме, ходили в туалет на улицу, воду брали в колонке или в колодце, электроэнергии потребляли совсем немного, на освещение и на телевизор. Мы сейчас такие участки по кварталам перестраиваем, подводим коммуникации, но, конечно, на стоимости участка это отражается довольно сильно.

Помните, рядом с метро, где мы с вами были, была площадка такая ровная? Эта площадка полностью подготовлена под застройку. Раньше она вся была застроена бараками, но мы взяли кредит в Банке реконструкции и развития, одиннадцать миллионов долларов, расчистили ее, подвели коммуникации, и теперь она готова к продаже и застройке. И вот так вся Казань, микрорайон за микрорайоном, будет застраиваться такими новыми невысокими домами.

-- Почему невысокими? А как же небоскребы, как же стекло и бетон?

-- В центре этого не будет. Мы хотим сохранить исторический облик города.

-- У вас очень узкие улочки, на машине особо не проедешь. Вы планируете их как-нибудь расширять?

-- Вы знаете, там, где это можно, да, но в большинстве случаев это просто невозможно. У нас ведь в центре сплошные памятники истории и архитектуры. Поэтому, как эти улицы были рассчитаны под гужевой транспорт, так они и сохраняют свой исторический облик. Мы, по крайней мере, этого очень бы хотели. Хотя, конечно, это дорого стоит: сделать так, чтобы, возрождая город, не ломать его.

Валерий ЧУМАКОВ

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА, Фариды ГУБАЕВА

КАЗАНЬ

Храм реставраторов

Здесь, на улице Баумана, на местном Арбате, гостеприимно, по-актерски пафосно взирает на проходящих великий и вальяжный Федор Шалапин

Уронил хан золотой казан -- и возник город Казань. Под голубым небом у голубой воды большой реки. Чтобы лучше Всевышний замечал, здесь золотят и купола, и острые иглы-шпили. Казань возносит к небу полумесяцы, кресты и... подъемные краны. Тысячелетний город прощается с трущобами и бурно строится. Полуразрушенные, как после бомбежки, двух-трехэтажные домики соседствуют с щеголеватыми, будто с иголочки, постройками, по-новому, нарядно и празднично представляющими свою купеческую старину.

Миллионное население молодой по духу Казани, переживающей новую весну, устремленной в будущее, обычно не замечает, как густо населен город духами прошлого. Которые создают ту атмосферу, что принято называть гением места. Но есть люди, которые с этим гением на «ты» и знают его в лицо. Вернее -- в лица.

Как бутон розы плотно сжатыми лепестками хранит внутри себя тычинки, так и город за многими архитектурными слоями хранит тайну древнего первозданного естества. Какой слой снять, создавая новый город и сохраняя старый? Какой оставить? Какой более ценен? Как воссоздать разрушенное временем и людьми? Аромат цветка издают все лепестки. Археологам, архитекторам, реставраторам, причастным к голосам прошлого и настоящего, ясен язык и аскетичного древнего сруба, и скромного храма, от стройности которого остались нечитаемые руины, и богатой восточной росписи 50-х годов века XX. Все это -- история. Все это -- искусство. Все это -- Казань. Мы любимся результатом. Они знают, чего этот результат стоит. Мы радуемся красоте. Они болеют за те потери, на которые пришлось пойти, чтобы эту красоту выцветить.

Ирина Александровна Аксенова-Нугаева -- член Союза художников и Союза архитекторов Татарстана, автор многих проектов, руководитель ХРАМа, что расшифровывается как Художественная реставрационная архитектурная мастерская. У нее негромкий голос, неторопливая речь, красивые мягкие руки, печальные умные глаза. Она рассказывает о своем городе с нежностью и болью. Кому, как не реставратору, ведомы противоречия нашего времени, вплетающиеся в лепестки бутона времен? С чем можно сравнить радость от материального, вещного, воссоздания того, что, казалось бы, уже не существует?

Хороша восьмиглавая мечеть Кул-Шарифа, только что построенная в центре Кремля в честь защитников Казани от войск Ивана Грозного! Ее создали на месте некогда разрушенной мечети, славившейся чудесной красотой и величием, и она стала композиционным центром Кремля, кстати, признанного памятником сокровищницы ЮНЕСКО. Но ведь сам Кремль возник позже разрушенной мечети (от дорусских времен сохранились лишь несколько фундаментов) и несет в себе прежде всего черты православной архитектуры. Впрочем, влияние татарской архитектуры на русскую казанскую неоспоримо. И второй «макушкой» Кремля остается купол Благовещенского собора, бережно реставрируемого. Но чтобы Кремль выглядел абсолютным центром города, пришлось снести прилежавшие к его стенам кварталы менее ценной застройки XVIII -- XIX веков...

В Казани сегодня более семисот памятников архитектуры, около ста из них признаны памятниками федерального значения. Кремль -- эпицентр реставрации, Артиллерийский Двор, Петропавловский собор, Гостиный Двор, Александровский пассаж... Здания и комплексы разных веков рождения, разных стилей. И, что очень важно для сохранения

атмосферы, в городе множество так называемых средовых зданий -- построек, не имеющих самостоятельного художественного значения, но необходимых как фон (как воздух!), чтобы не терялись признанные памятники. Чтобы не исчез дух города. И вот тут-то таится, может быть, главная опасность -- трудно провести границу между ценным и не очень, снести и построить бывает легче, быстрее и удобнее, чем реставрировать. Какие-то памятники восстановлены, другие ждут своей очереди и участи. И, слава Богу, слава Аллаху, предстоящее тысячелетие Казани вернуло реставраторам цену, престиж, внимание властей -- к 2005 году они должны свернуть горы работы. Вот только работа со стариной не терпит суеты и требует не авралов, а планомерных финансовых вложений. Западные специалисты, ознакомившись с планами ХРАМА, недоверчиво качают головами: ну вы и хулиганы! А куда деваться? Надо ковать железо, пока горячо.

И все же бережно, кропотливо (как иначе!) ведут реставраторы следствие -- историко-архивные изыскания. Ведь порой от памятника остались лишь фрагменты, дающие толчок для анализа стиля, для сопоставления восстанавливаемого здания с сохранившимися аналогами. Именно после такой очень непростой предварительной работы Ирина Аксенова пришла к выводу, что рядом с основным куполом Никольского собора в селе Никольское Русское, расположенном под Казанью, должна располагаться колокольня. А сколько слез было пролито в борьбе с прорабами и строителями, когда дошло до дела, -- при размахе реставрационных работ в Татарстане не хватает квалифицированных специалистов. А сколько доказывала, что нельзя часовню рядом с бело-голубым храмом красить кадмием! Но, несмотря на неизбежные потери, стоит сегодня в Никольском Русском храм, восставший из руин и времени!

Уникальное здание Оперного театра построено не так давно -- в середине прошлого века. Однако заканчивалось строительство в тяжелые послевоенные годы, потому многие авторские замыслы не были реализованы, часто использовались не подлинные материалы, а их имитации, которые быстро разрушились. С тех пор Оперный ни разу серьезно не ремонтировался, абсолютно устарела его «начинка», которая не отвечает никаким современным инженерным требованиям. Ну разве может театр, вмещающий более тысячи зрителей, на сцене которого не только каждый вечер идут репертуарные спектакли, но и проводятся престижные международные фестивали, довольствоваться напряжением тока в 60 Вт? Здание нуждается в серьезной реставрации и более того -- реконструкции.

И вот уже три года реставраторы придумывают, как с наименьшими потерями для интерьера технически переоборудовать здание, затворившись в левом крыле Оперного, восстанавливают по чертежам, рисункам и письмам автора -- Исмагила Гайнутдинова -- мозаику полов и роспись потолка, стремятся воплотить его идею -- запечатлеть в интерьере чудо приближающейся весны. В Чехии нашли подходящий хрусталь, в

Ташкенте -- мастеров ганча, резьбы по гипсу на стекле. Сделав зондаж и обнаружив ранний слой рисунка, убедились, что верно определили цветовую гамму.

Уже ожили на потолке причудливые восточные птицы и цветы, появились светильники -- нераспустившиеся тюльпаны, возникли богатые двери с накладной резьбой из дуба... Впереди -- работа над интерьером кафе, который должен передавать большой сталинский стиль и не противоречить современным требованиям. Предстоит работа над правым крылом театра, над фойе.

«Много проблем, -- говорит Ирина Аксенова, вкладывающая в храмы, мечети, театры не просто работу -- жизнь. -- Но ситуация сегодня благоприятная. Долгие годы реставрацию рассматривали как ремонт, причем чаще как ремонт косметический. Сегодня разрабатываются федеральные, республиканские, городские программы реставрации памятников культуры, статус реставраторов заслуженно поднимается. Мы нужны». Реставраторы нужны стране, республике, городу, потому что пришло осознание, что история и современность -- единое целое. Как лепестки одного бутона. Как молитвы, звучавшие в храме в разные века и навечно оставшиеся в его пространстве. А ведь намоленное пространство должно храниться сотворенными и сохраненными стенами. Золотыми куполами на голубом небе.

Александра ЛАВРОВА

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА, Фариды ГУБАЕВА, Андрея ТИТОВА

КРЫЛЬЯ РЕСПУБЛИКИ

Именно из Казани был дан импульс серии публикаций в российской прессе под заголовками типа: «Ту» или «Боинг»?

НА ВЗЛЕТ!

Начало XXI века для Татарстана было связано со знаковым событием: 10 января 2001 года председатель Межгосударственного авиационного комитета Татьяна Анодина вручила Казанскому производственному объединению им. С. Горбунова документы на лайнер «Ту-214». Среди них был и сертификат по «шумности» -- тот, который впервые для российских среднемагистральных самолетов дал право летать без ограничений в небесах всех континентов. Надо отметить: многочисленные представители федеральных

ведомств и предприятий-смежников прилетели для участия в торжествах на этом самом «Ту-214» и на нем же отбыли. А Александр Герасько, первый замминистра транспорта России, заявил, что этот самолет давно ждут специалисты гражданской авиации и что казанская машина, дескать, открывает новые перспективы.

На крыльях нового самолета -- в новый век... Автор этой метафоры -- Президент Татарстана Минтимер Шаймиев чувствовал себя в этот день одним из именинников. Ведь несколько лет назад он в присутствии всего руководства России с высокой трибуны заявил о том, что этому самолету быть, как быть и всему авиастроению России. «Россия может добывать, иногда и продавать, а что мы можем еще? Еще мы можем делать самолеты!» -- сказал тогда Шаймиев.

То, что Россия еще способна идти в ногу с гражданским авиастроением Запада, весь мир и увидел на прошлогоднем авиасалоне в Ле Бурже, где 1900 фирм мира представляли 242 летательных аппарата. Российская делегация, выставившая военные суперсамолеты, прибыла в Париж на казанском «Ту-214», который затем был помещен в самом центре выставки. Немногим позже Герман Греф, известный своим здоровым скепсисом по отношению к отечественному машиностроению, после посещения КАПО скажет: «Будущее компании перспективно, а производимый ею «Ту-214» -- великолепный самолет».

ТЕНИ ПОД КРЫЛОМ

Но все это, так сказать, лицевая сторона медали. Есть и обратная, которая по сию пору омрачает настроение руководителям республики и завода. Драматичная история борьбы за право на жизнь детища казанского авиастроения знала и митинги полуголодных заводчан, и пикировку татарстанского правительства с федеральными ведомствами, которые, как тогда казалось, поставили крест на отечественном авиастроении.

Финансовое бремя по созданию самолета республика взвалила на себя. Из затраченных на него 1,2 миллиарда рублей на долю федерального бюджета пришлось лишь 11,5 миллиона. Было даже время (после августовского дефолта 1998 года), когда для 10 тысяч каповцев, оставшихся без средств к существованию, по решению республиканских властей несколько месяцев кряду выделялись бесплатные продпайки.

Создать «Ту-214», доказать, что он должен стать альтернативой «Боингам» и «Аэрбасам», -- все это было лишь первыми актами драмы, действие которой разворачивалось на широкой публике. Авиастроители и политики сделали свое дело и уступили сцену финансистам. Проблема в том, что для выведения завода на уровень хотя бы нулевой рентабельности надо бы получить заказы от платежеспособных клиентов на 20 машин. Пожелание приобрести самолет выразили практически все крупные авиакомпании страны. Заинтересовались им также Китай, Индия, Египет... Общий объем потенциального заказа на «Ту-214» оценивается более чем в 30 машин. Но

дальше «хотелок» дело не продвигалось по известной причине: не находилось реальной схемы финансирования. Поэтому-то в стране за год и приобретает не более четырех-пяти самолетов...

САМОЛЕТЫ... НАПРОКАТ

Во всем мире даже крупные авиакомпании, как правило, не покупают самолеты, а берут их в лизинг. В России же до последнего времени не существовало структур, способных взяться за столь дорогостоящее и ответственное дело. Первопроходцами здесь стали Татарстан и Хабаровский край, собравшие деньги на первую в истории отечественного авиастроения лизинговую сделку. Для хабаровской компании «Дальавиа» при помощи учрежденной «Татнефтью» Финансовой лизинговой компании были куплены два «Ту-214». И вот 4 июля 2001 года первый серийный «Ту-214» совершил свой первый рейсовый полет по маршруту «Хабаровск -- Москва -- Хабаровск». За этими машинами, как заявил автору этих строк гендиректор «Дальавиа» Павел Севастьянов, будущее всей гражданской авиации России. Экономика у «Ту-214» в два раза лучше, чем у «Ил-62». Мало того, казанский самолет вдвое дешевле, чем аналогичный по классу «Боинг-757», а по экономичности даже превосходит его. Подчеркнем, что это мнение первого покупателя казанской машины.

Однако и лизинговые компании нигде не действуют на свой страх и риск. Они тоже нуждаются в государственной поддержке. Кроме того, и банкам, которые ссудили бы деньги, нужны гарантии возврата выданных кредитов. И вот наконец Правительство России от абстрактной озабоченности проблемой авиастроения взялось за конкретные дела. Весной прошлого года было принято долгожданное решение об участии государства в лизинге самолетов. Предложенный Татарстаном лизинговый проект победил в федеральном тендере, а Финансовой лизинговой компании были обещаны миллиардные вливания. Правда, уже скоро год, как ждут тех денег. А тем временем после сентябрьской американской трагедии в мире резко упал спрос на самолеты. Как следствие, зарубежные авиастроители и лизинговые компании снизили цены, и российские авиакомпании одна за другой стали вновь поворачиваться в сторону «Боингов» и «Аэробасов». «Раскрученные» все же машины...

ПОЛЕТ МЫСЛИ

Но на КАПО не опускают рук. Машину «доводят» под запросы конкретных потребителей. Например, для государственной транспортной компании «Россия», которая возит

российское руководство, сейчас делают машины VIP-класса. Будет и грузовой вариант самолета. Некоторые хотят, чтобы на «Ту-214» были двигатели «Пратт энд Уитни» или «Роллс-Ройс». И это можно, но будет дороже. А пока Казанское моторостроительное производственное объединение завершает работу по созданию принципиально нового двигателя «НК-93» специально для «Ту-214». Этот мотор гораздо лучше имеющихся отечественных аналогов по расходу топлива, выбросу газов, шумности. Федеральный министр Илья Клебанов оценил «НК-93» как самый хороший двигатель не только в России, но и в мире.

Еще не встал на поток «Ту-214», а неугомонные казанцы уже носятся с очередным проектом, являющимся предметом особой гордости для ОАО «Туполев»: 50-местным региональным самолетом «Ту-324». Его называют еще административным. Инициатором создания нового самолета стало Правительство Татарстана. В содружестве примерно с сорока НИИ и КБ страны проектанты воплотили в своем детище лучшие достижения отечественной авиационной науки. Но на этот раз Татарстан в одиночку такую финансовую ношу не потянет... А положение в российской авиации тревожное: если новую машину как можно быстрее не «поставить на крыло», авиационное сообщение между регионами России может прерваться -- попросту не на чем будет летать. Ведь исчерпавшие свой ресурс «Ту-134»,

«Ан-24» и «Як-40» заменить пока нечем.

ПУСТЬ ЛЕТАТ ОНИ, ЛЕТАТ

По-другому обстоят дела на Казанском вертолетном заводе. Это одно из немногих российских авиапредприятий, которые не только устояли на ногах без госзаказа, но и умудряются преуспевать. Больше 90 процентов произведенных в Казани вертолетов уходят на экспорт. Машинам семейства «Ми-8» и «Ми-17» нет конкурентов при спасательных работах в высокогорьях Непала, при тушении пожаров в Малайзии, при борьбе с наркомафией в джунглях Колумбии -- это официально заявлено правительствами названных стран. Например, командующий ВВС Колумбии генерал Веласко сказал, что «вертолеты «Ми-17-1В» по многим параметрам превосходят аналогичные зарубежные образцы». Российские вертолеты очень быстро и органично вписались в колумбийские вооруженные силы, прекрасно зарекомендовали себя в горах на любой высоте. Следом и вооруженные силы Малайзии решили закупить такие машины, заменив ими устаревшие «Сикорски С-61».

Заводу можно было и не усложнять себе жизнь, а штамповать старые добрые «Ми-8». Но ведь прошлый век же! Поэтому практически вся прибыль предприятия уходит в новые разработки, на модернизацию производства. Почти каждый год КВЗ выдает новую модификацию. Самой знаменитой из них обещает стать строящийся в двух экземплярах для Президента России «Ми-8МТВ-1С» в варианте «салон». Обе машины оснащаются

новейшей глобальной системой навигации и посадки. Нечто подобное заказал себе в Казани и начальник Чукотки -- губернатор Роман Абрамович.

Удивил всех КВЗ тем, что впервые для отечественного авиастроения сам разработал и сам построил совершенно новую машину -- легкий многоцелевой вертолет «Ансат». Эта изящная «стрекоза» уже оказалась востребована армией для обучения летному делу начинающих вертолетчиков. Оказывается, передовые технологии, примененные в машине, позволяют моделировать на ней условия полета как на среднем транспортнике «Ми-8», так и на боевом «Ми-24». Теперь не нужно будет зря гонять по небу тяжелые «вертушки» и жечь огромное количество топлива. Экономия!

А вот «Ми-38» станет прямой противоположностью «Ансату». Он будет способен поднять аж 18 тонн груза! Это совместная разработка с германской, французской и канадской фирмами. Первый опытный образец уже стоит в цехе окончательной сборки и дожидается своего часа. Звездного, хочется верить.

Анвар МАЛИКОВ

На фотографиях:

- В НЕБЕ КРЫЛАТЫЕ МАШИНЫ, СОЗДАННЫЕ НА КАЗАНСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
- В материале использованы фотографии: Михаила МЕДВЕДЕВА, Итар-ТАСС

ОРГАНИЧЕСКАЯ КОМБИНАТОРИКА

Директор «Казань-оргсинтеза» встретил нас осторожно. Только убедившись в том, что перед ним не самозванцы, тихо сказал: -- А мы в рекламе не нуждаемся

В этом году Наилу Хабибовичу, вот уже шестнадцать лет занимающему пост генерального директора и президента открытого акционерного общества «Казаньоргсинтез», исполнилось семьдесят два года. Поверив в наши добрые намерения, он заметно смягчился, пригласил сесть и, улыбнувшись, пододвинул к нам газетную таблицу, на которой маркером были отмечены несколько фамилий.

-- Это «Коммерсантъ». Вот, только сегодня получили.

В таблице, озаглавленной «1000 самых профессиональных менеджеров России. Топ-100», на 59-м месте стояло: «Юсупов Наиль, «Казаньоргсинтез», химическая промышленность, Республика Татарстан».

Вторая половина XX века проходила в нашей стране под знаком органической химии. Наконец-то получила свое материальное воплощение знаменитая фраза Дмитрия Ивановича Менделеева: «Нефть не топливо. Коли на то пошло, то топить можно и ассигнациями». Нефть и газ уже не рассматривались советским правительством исключительно как сырье для производства горючего.

В 1958 году майский пленум ЦК КПСС принял решение об ускорении развития химической промышленности. Одним из его результатов стало начало строительства уже в августе того же года на северной окраине Казани нового химического предприятия. А уже через пять лет первая производственная линия нового завода дала первую продукцию -- фенол и ацетон.

Сейчас на территории объединения -- а территория немаленькая, 420 гектаров -- работают пять заводов. Завод этилена, кроме собственно этилена различных марок, выпускает еще пропилен, фенол и ацетон. Завод полиэтиленов высокой и низкой плотности производит разные виды полиэтиленового гранулята, девяносто процентов которого продается на сторону, а десять тут же, на заводе по переработке пластмасс, превращаются в полиэтиленовые трубы, мешки и контейнеры. И пятый завод -- завод оргпродуктов -- выпускает различные дезамульгаторы, катализаторы, инициаторы и другую продукцию, название которой далекому от химии человеку не скажет ничего, но без которой любое химическое предприятие просто невозможно.

По территории завода нас везли на машине. Если бы шли пешком, то до участка производства полиэтиленовых труб, куда мы направлялись, пришлось бы добираться около часа. Окружал нас пейзаж типичного химического комбината: трубы, трубы, трубы, большие и маленькие, переплетающиеся на земле и в воздухе, взлетающие ввысь и уходящие под землю, соединяющиеся и расходящиеся. И баки, баки, баки. Химики называют их «танками». Непривычно в здешнем пейзаже только то, что тянется он уж слишком долго.

Полиэтиленовые трубы -- один из основных видов продукции комбината. Хотя в общем объеме их доля невелика, всего чуть больше четырех процентов, но по важности они находятся на одном из первых мест. Во-первых, потому что «Казаньоргсинтез» является одним из немногих и, безусловно, крупнейшим производителем полиэтиленовых труб различных диаметров в России. А во-вторых, потому что вопрос замены обычных стальных водопроводных труб на трубы полиэтиленовые -- это вопрос, касающийся всех россиян без исключения.

По данным члена-корреспондента Российской экологической академии В.С. Ромейко, больше 70 процентов российской водопроводной сети не соответствует не то что стандартам качества, но даже нормам безопасности. Ущерб России из-за изношенных трубопроводов за год составляет сумму 314 000 000 000 рублей. Из них 210 миллиардов приходится на потери воды при транспортировке, 34 миллиарда -- на перерасход электроэнергии, ушедшей на перекачку воды по ржавым и «заросшим» трубам, и 70 миллиардов -- на потери в теплосетях. 314 миллиардов рублей -- это 10 миллиардов долларов. Сумма, сравнимая с бюджетом страны. Многие ученые и экологи считают плачевное состояние российских трубопроводов одной из главных причин экономического кризиса, в который погрузилась Россия. Поставленный нашей страной рекорд по потреблению питьевой воды на душу населения -- 500 литров на человека в сутки -- в первую голову обязан как раз не расточительности наших сограждан, а только потерям воды. Набирающий ванну житель Москвы тратит ее ничуть не больше, чем набирающий джакузи житель Нью-Йорка, а между тем американцы, хотя и находятся по уровню потребления на втором, следующем за Россией, месте, расходуют всего лишь 190 литров, то есть в два с половиной раза меньше.

Объясняется такой вопиющий разрыв весьма просто: практически ни в одной цивилизованной стране мира при прокладке трубопроводов не применяются стальные трубы. Везде давно поняли: полиэтиленовые трубы гораздо лучше, чем металлические, по многим параметрам. Их минимальное время службы на несколько порядков больше, на их внутренней поверхности не появляются и не могут появиться органические и неорганические отложения, у них гораздо больший коэффициент теплоизоляции, они проще в обращении, более эластичны и менее подвержены разрывам. Они лучше стальных по всем параметрам, кроме одного: они дороже. Ненамного, но дороже. Когда-то, в старые советские времена, правительству во что бы то ни стало требовалось

создать миф о том, что жить в Стране Советов лучше, чем где бы то ни было, и одним из способов подкрепления этого мифа были просто смехотворные расценки на электроэнергию и воду. В то время как во всем мире кубометр питьевой воды стоил больше доллара (в Голландии -- один, в Германии и США -- по два, в Дании -- три с половиной), в Москве до недавнего времени тот же кубометр оценивался в девяносто копеек, то есть в три цента. Для того чтобы достичь таких фантастических показателей, советское правительство не брезговало ничем, в том числе и нанесением вреда здоровью народа. При прокладке водопроводов использовались самые дешевые материалы, и никого не интересовал тот факт, что стальные трубы рассчитаны максимально на восемь лет, а полиэтиленовые -- минимум на пятьдесят. Вот и получалось, что, гоняясь за копеечкой, страна бездумно теряла заработанные для нее тем же народом рубли.

К сожалению, традиция прокладывать стальные трубопроводы жива в нашем отечестве и по сию пору. И сейчас многие руководители, принимая решение, часто ориентируются не на здравый смысл, а на сиюминутную выгоду, которая подсказывает: «стальная труба дешевле». И ржавеют у нас под землей тысячи и тысячи километров металла, продукты окисления которого потом поступают в наш организм. А ведь стоило бы только еще немного подумать и покопаться в бумагах, для того чтобы убедиться: даже при том что отдельная полиэтиленовая труба дороже, чем стальная, прокладка трубопровода из первых за счет легкости в транспортировке и простоты в обращении обходится в значительно меньшую сумму. Мы уже не говорим об обслуживании и чистке: здесь полимер запросто дает стали тысячу очков форы. Знаете ли вы, сколько различных видов отложений извлекают при ежегодной санации стальных труб? Минимум полкило и максимум пятнадцать килограммов смеси ржавчины, колоний железобактерий и кремнезема на погонный метр. А сколько стоит традиционная замена труб раз в пять лет?

Впрочем, на комбинате выпускают трубы не только для водопровода, но также и для газопроводов, канализации и технологических сетей. Пока объем их выпуска составляет 35 тысяч тонн в год, и цифра эта постоянно растет.

В то время как экономика России находится в кризисе, комбинат, напротив, до сих пор находится в стадии роста. В 1996 году здесь было запущено новое производство. Теперь уже ткацкое. Да-да, не удивляйтесь, именно ткацкое. Дело в том, что собрание акционеров решило, что, чем закупать мешки для упаковки основной продукции комбината -- гранулированного полиэтилена, дешевле будет наладить их производство здесь же, на комбинате. На новой линии выпускаются тканые полипропиленовые мешки и мягкие контейнеры типа «биг-бэг» (большая сумка такая, знаете, как у «челноков»). Производство пошло настолько хорошо, что скоро завод уже продавал большую часть своей продукции на сторону -- производителям минеральных удобрений и пищевых продуктов.

-- А знаете, почему мы так хорошо работаем? -- задал мне вопрос проработавший на заводе семнадцать лет наладчик трубного производства Шамиль . -- Потому что руководство у нас деловое. О рабочих заботится. У нас за все время перестройки ни одного сокращения не было. И получаю я здесь по пять-шесть тысяч, где я еще столько получу? Старое руководство только о себе заботилось, а новое -- о людях, о перспективе. С такими и работать приятно, и подводить не хочется.

Равиль АТЖАНОВ

На фотографиях:

- ДИРЕКТОР ОБЪЕДИНЕНИЯ «КАЗАНЬОРГСИНТЕЗ» НАИЛЬ ХАБИБОВИЧ ЮСУПОВ
- НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ЗАВОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ОБОРУДОВАНЫ САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ ТЕХНИКОЙ КАК ИМПОРТНОГО, ТАК И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
- В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

БОЛЬШИЕ РЕКОРДЫ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

Может быть, Нижнекамск и в самом деле такой, каким его видишь. Чистый, компактный, удобный для жителей, самый удобный в нашей огромной стране. Не зря известный политик Жириновский, приехавший сюда за голосами избирателей, пришел в неистовство. В городе до сих пор смеются, вспоминая, как вождь ЛДПР кричал: «Окопались! Да тут у вас одни олигархи живут! Вот приду к власти, пересажу всех вас из машин на ишаков!»

ЛАНДШАФТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

По современным меркам Нижнекамск -- город небольшой. Чуть больше 200 тысяч жителей. Его название не обманывает: город действительно расположен в пойме нижнего течения Камы. Места здесь живописные -- с тысячами озер, сочными зелеными лугами, перелесками и хвойными борами из гвардейского роста корабельных сосен. Тем контрастнее выглядит расположенный здесь большой нефтехимический комплекс.

Завод вырастает на холме внезапно и своим мосластым индустриальным силуэтом на фоне неба напоминает замок Кашея из сказок режиссера Александра Роу. Даже настроение портится: нашли где выстроить, блин!

Необходимо время, чтобы привыкнуть к столь разительному соседству. Самим нижекамцам потребовалось четыре десятка лет.

Первый санно-тракторный поезд со строителями будущего гиганта советской нефтехимии добрался сюда по целине в декабре 1960 года. А в 2002 году «Нижекамскнефтехим» отметил ровно 35 лет со дня, когда комбинат (тогда еще один из цехов Нижекамского шинного завода) выдал свою первую продукцию -- углеводороды, предназначенные для дальнейшей переработки в изопрен, изобутан и изобутилен.

АНШЛАГ НА ЮБИЛЕЕ

Вообще-то первые углеводороды пошли 31 июля 1967 года. Но празднование юбилея из-за летних отпусков перенесли на День химика, который отмечается в конце мая. В городском Дворце творчества закатили концерт на четыре часа и закончили его только волевым путем, потому что желающих выступить было едва ли не больше, чем зрителей в зале. А в зале был аншлаг. С заявками на участие в концерте разыгрывались сцены, достойные пера Шекспира.

В это трудно поверить, но, когда за десять минут до начала приехал генеральный директор комбината, охрана на входе ему сказала: «В зал мы вас, конечно, пустим. Как не пустить. Но свободного места себе вы, Владимир Михайлович, все равно не найдете».

Пришлось генеральному смотреть концерт из кинобудки.

ЖИТНИЦА ДЛЯ ХИМИКОВ

А сорок лет назад тут не было ничего, кроме степи и котлованов. Схема тогда была простая и ясная: «татарская нефть из Альметьевска -- синтетические каучуки -- автомобильные шины». Но вскоре нефтехимический цех перерос свое первоначальное предназначение, и ему стало тесно в заданных рамках. Правительственным решением он был выделен в самостоятельное предприятие. Сейчас в ОАО «Нижекамскнефтехим» входят десять заводов, три представительства -- в Москве, Самаре и Уфе, и пять филиалов -- фабрика «Медик» и четыре управления этиленпроводов. Продукция завода служит сырьем для автомобильной и обувной промышленности, электротехники, строительных материалов, фармацевтики (синтетические каучуки), производства полиэтилена и фреонов (этилен), полистирола для опять-таки автомобильной промышленности и товаров народного потребления, синтетических моторных масел, автомобильных добавок (альфа-олефины). На экспорт и на внутренний рынок сейчас

идет в основном стирол (примерно 70 процентов российского рынка), и он же дает примерно такую же долю в общей выручке предприятия.

В общем, судя по статистике, роль нижекамских нефтехимиков можно определить так: кормильцы всех остальных химиков. Призвание почетное, хотя всем давно известно, что, когда мы покупаем булку, хлеб, львиную долю наших денег получают пекари и торговцы-булочники, а не крестьяне, собравшие урожай зерна, и мельники, перемоловшие зерно на муку. Готовый продукт всегда стоит на порядок дороже сырья и даже полуфабриката. Эту грустную истину понимают в правительстве Татарстана и администрации президента Шаймиева. Цель руководства республики -- превратить Татарстан из «кормильца» других сырьем и полупродуктами в производителя и продавца уже готовой продукции. Вот такие «сепаратистские» настроения наблюдаются в Казани. Странное дело, но их разделяют и в Нижнекамске. Генеральный директор «Нижнекамскнефтехима» Владимир Бусыгин говорит, что Совет директоров объединения уже разработал программу привлечения малого и среднего бизнеса республики к освоению продукции комбината. Глупо отдавать деньги, причем немалые, на сторону -- производителям упаковок, приборных щитков, разных тазиков и мыльниц, мебели и многого другого. Кроме того, на паях с «Татнефтью» на территории нефтехимкомбината строится нефтеперерабатывающий завод, который будет давать собственный бензин.

Словом, все логично и правильно.

ЗЕЛЕННЫЕ КОНТРОЛЕРЫ

Но почему-то было грустно. Мало им своей нефтехимии, еще тазики начнут лепить среди такой красоты!

Но постепенно в душе нарастало какое-то смутное подозрение. По дороге от комбината в город (это километров восемь) на обочинах росли сосны и ели. Они были зеленые. Хотя всем экологам хорошо известно, что хвойные -- самый чуткий индикатор загрязнения воздуха и почв. Они должны быть здесь кривыми, с желтой, осыпающейся хвоей, а елки и сосны издевательски стояли во фронт, иронически кивая своими зелеными лапами: мол, проезжай дальше, еще не то увидишь.

Сам город тоже был зеленым, тихим и чистым до противности. «Они тут даже на асфальт не плюют, -- пульсировала в голове злобная мысль, -- глотают, наверное». А максимума раздражение достигло, когда выяснилось, что Нижнекамск занял в 2001 году первое место среди российских городов по качеству жизни горожан.

Очки втирают, потемкинскую деревню выстроили, быть такого не может!

Но, как ни приножишься, никакой «химией» в воздухе не пахнет. Не пахнет, и все! Хоть плачь. Возникло страшное подозрение, которое тут же отпало: ведь циркуляцию мировой атмосферы в одном отдельно взятом месте ни за какие «бабки» не закажешь. Вероятно, потому «Нижнекамскнефтехим» тратит деньги на спорт.

«ГЕНЕРАЛЬСКИЙ» СПОРТ

В небольшом городке своя футбольная команда, играющая на первенство России в первом дивизионе, и хоккейная, играющая в суперлиге. Обходится содержание команд в пять миллионов долларов ежегодно. Три из них «проедают» хоккеисты, два -- футболисты. Ничего себе амбиции у руководства комбината, согласитесь.

Правда, после разговора с президентом ФК «Нефтехимик» Наилем Гизатуллиным выяснилось, что два «лимона» ему мало. Оказывается, по правилам команда первой лиги должна иметь бюджет не меньше трех миллионов долларов. А «генерал» Бусыгин (гендиректоров крупных градообразующих предприятий в российской провинции принято называть «генералами») жметесь, денег, говорит, нет. Вот и приходится продавать игроков, чтобы недостающий миллион заработать, в московское «Торпедо», в казанский «Рубин», даже в сборной России игрок из Нижнекамска есть. Спасибо футбольному руководству России за то, что оно закрывает глаза на позорную бедность «Нефтехимика». Для хоккеистов-то у «генерала» деньги есть, вон какой дворец спорта им отгрохать собирается, финские инженеры и прорабы уже туда-сюда по городу снуют. «Нам бы миллионов пять, -- мечтательно говорит Наиль Нурмеевич. -- Мы бы звезд накупили и чемпионами России стали. Футбол -- такая игра, что в нее надо уметь играть».

-- А вы не умеете? Раз «варягов» ждете. -- Ничего более обидного в голову не пришло.

Но Наиль Нурмеевич только усмехнулся: «Вы в нашу детскую спортивную школу сходите».

ЛОВЛЯ АРБУЗОВ ПО-НИЖНЕКАМСКИ

По указанному адресу на футбольном поле с газоном, который вполне мог бы украсить стадион «Уэмбли», тренировались пацаны чуть больше футбольного мяча. Нельзя было без улыбки смотреть, как три таких клопа выстраивают стенку, по-взрослому прикрывая

руками мужское достоинство, а вратарь Алеша кричит им: «Плотнее, стенка! Дамир, влево подвинься».

Маленький нападающий разбегается и лупит по мячу. Удар не по-детски хлесткий. Мяч попадает в стенку. Дамир от удара падает.

-- Встал! -- кричит ему тренер. -- Не хнычь, ничего страшного не случилось.

Тренером Ильсур Хусметдинов работает недавно, до этого сам играл в «Нефтехимике». Вместе с командой пережил взлеты и падения. В 1999 году команда вылетела во вторую лигу, но через год вернулась в первую, поставив своеобразный рекорд, не проиграв за сезон ни одной (!) игры.

-- А ты, Рустам, фиксируй мяч. Не арбуз ловишь! -- досталось от Ильсура другому вратарю постарше Алеши.

Мальчишки на поле покатались от хохота.

-- Арбуз! Арбуз! -- Показывали они пальцами на вратаря.

Похоже, несчастный Рустам приобрел новую кличку, которая еще долго от него не отлипнет.

В вестибюле спортшколы висят фотографии футболистов, прославивших нижекамский футбол. География их игры -- от Бельгии и Франции до Москвы. Директор школы Владимир Лапшин загибает пальцы: «Бутсы в магазине 1000 рублей стоят, щитки -- 300 -- 400, а остальная форма? Плюс поездки на игры, питание, проживание. Плюс стадион содержать, у нас три площадки».

ГНЕВ ЖИРИНОВСКОГО

На главном футбольном стадионе Нижнекамска по беговой дорожке вокруг поля наматывал круги небольшой парнишка. Он то словно планировал над дорожкой, откинувшись корпусом назад и далеко выкидывая вперед ноги, то нагибался и резко спуртовал. Прошло время ужина, тени от трибун на поле стадиона заметно удлинились, а он все бегал, словно ненормальный.

Оказалось -- нормальный. Невысокий улыбчивый Саша Федоров -- серебряный призер чемпионата Европы 2001 года в беге на 10 тысяч метров. Тренирует его родной отец

Николай Владимирович, тоже мастер спорта и тоже чемпион (чемпионом мира среди ветеранов он стал в 1997 году в южно-африканском городе Дурбане). «Москва мне не нравится, -- говорит Саша. -- Не хотел бы я там жить. Все кругом светится. Словно город нерусский».

Представляете, каково это слышать москвичу, причем в татарском городе Нижнекамске! Но как раз эти слова и стали последним перышком, сломавшим спину верблюду недоверчивости. А может быть, Нижнекамск и в самом деле такой, каким его видишь. Чистый, компактный, удобный для жителей, самый удобный в нашей огромной стране. Не зря известный политик Жириновский, приехавший сюда за голосами избирателей, пришел в неистовство. В городе до сих пор смеются, вспоминая, как вождь ЛДПР кричал: «Окопались! Да тут у вас одни олигархи живут! Вот приду к власти, пересажу всех вас из машин на ишаков!»

КОВЕР ИЗ МОСКВЫ

В общем, впору было задуматься. Возможно, вовсе не амбициозность движет «генералом» Бусыгиным, когда он тратит корпоративные деньги на мастеров кожаного мяча и шайбы из супер- и первой лиг?

Выручка у комбината вполне приличная -- больше 600 млн. долларов в год, но чистая прибыль от реализации -- 88 млн. Приходится платить по текущим и долгосрочным обязательствам, тратиться на собственное развитие. Пять с лишним миллионов на этом фоне -- деньги, согласитесь, очень приличные. Наверное, за потраченные суммы генеральный отчитывается на Совете директоров и перед акционерами. А главные акционеры -- серьезные. Кроме коммандитного товарищества «Нижнекамскнефтехим и компания» (15,6% акций), это -- Госкомимущество Республики Татарстан (с блокирующими 35,2%), ОАО «Татаро-американские инвестиции и финансы» (10%). И если они не возражают против такого рода инвестиций, значит, в этом что-то есть. Можно держать пари, что генералы татарстанского бизнеса в силу своей занятости никогда не видели тренировки юных нижнекамских футболистов и их будущих невест из секции художественной гимнастики.

Среди этих девчушек не сразу отличишь их миниатюрного тренера. Мастеру спорта Неле Гиниятовой 21 год, но выглядит она от силы на четырнадцать. Странно видеть, как эта девочка морщит лоб: «Когда я стала призером чемпионата Татарстана? Да не помню уже. Кажется, в 1998 году». Своим крытым спортзалом Неля явно гордится: «Гимнастический палас нам специально из Москвы привезли. Такого даже в Казани на соревнованиях нет».

Во Дворце спорта занимаются 3 тысячи детей 16 видами спорта. Для города в двести с небольшим тысяч жителей это практически все малыши, имеющиеся в наличии.

В самые трудные годы на комбинате не сократили ни одного тренера из детских спортивных школ. Состоявшихся мастеров из футбольного и хоккейного клубов -- да, продавали, продают и будут продавать за большие деньги, торгуясь, как цыган на базаре. Но это уже большой спорт со своими законами. А массовый спорт, заведомо без будущих мировых рекордов, в Нижнекамске охраняют, как редкостный цветок в теплице. Наверное, поэтому в городе нефтехимиков так много на улицах стройных, красивых девушек и подтянутых юношей. А взрослые мужчины-рабочие, которые в свое время прошли через спортивные секции и не стали чемпионами мира, здесь не имеют привычки пить после работы. Наверное, поэтому тут так много частных автомобилей, которые взбесили политика федерального уровня Владимира Вольфовича Жириновского.

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

В современном большом бизнесе есть такой документ «Портрет компании». Он до смешного напоминает портфолио голливудских кинозвезд. Только в солидно оформленной папке не фотографии в разных позах и разных ролях, а подборка листков с главными характеристиками предприятия. По сути, те же моментальные фото компании под разными углами крупным, средним и дальним планами. На первом листке из портфолио нижнекамских нефтехимиков карта России с надписью: «ОАО «Нижнекамскнефтехим» удачно расположено в одном из наиболее стабильных и привлекательных для иностранных инвесторов регионе -- Татарстане».

И это, как говорят в иностранных детективных фильмах, одна правда и только правда. Но не вся правда. Будь моя воля, я вложил бы в этот корпоративный портфолио фотографию юного футболиста Дамира, который морщится от боли, но встает с травы после репетиции штрафного. Фото тренера по художественной гимнастике Нели Гиниятовой с ее малышками. И фото Саши Федорова, бегущего по дорожке стадиона. И фотографию женственной Лили Исламовой, чемпионки Европы по вольной борьбе. И шестикратного чемпиона России, огромного десятиборца Николая Афанасьева с его тренером и родной женой по совместительству, тоже мастером спорта международного класса Еленой. Да просто сфотографировал бы обычный двор на обычной улице Нижнекамска или обычных прохожих на улице. А главное -- пусть простят меня за непрошенный совет нижнекамцы -- «генерала» Владимира Бусыгина я сфотографировал бы не в его кабинете, в галстук и в окружении батареи телефонов и «вертушек».

Я видел Владимира Михайловича на трибуне стадиона, когда его команда играла со «Спартаком» из Нальчика. Нефтехимики проигрывали. Глупо, обидно продували в середине второго тайма -- 0:2. У себя дома!

На противоположной трибуне надрывалась местная «торсида». Дудела в дудки, размахивала зелено-бело-красными флагами и скандировала что-то очень обидное в адрес своих любимцев и заодно судьи на поле. «Генерал» сидел, подавшись вперед. На щеках его обычно добродушного круглого лица каменели желваки. А во взгляде читалось: что же вы, засранцы, делаете! Ну, работайте, сынки, работайте! Побеждать -- это тяжкий труд. В нынешней жизни побеждает только сильнейший.

ЧЕМПИОНЫ НЕ ПРОИГРЫВАЮТ

Уж кому-кому, а «генералу» Бусыгину известна цена побед и рекордов. В 2000 году «Нижнекамскнефтехим» был награжден призом «Российский национальный олимп». А по олимпийской системе, как известно, проигравший сразу выбывает, не имея права на реванш. Отныне оставалось только подтверждать свой олимпийский класс в большом бизнесе. Пока это удастся: 2001 год -- премия Правительства РФ как одному из десяти ведущих предприятий России и приз Минэкономики РФ «Лучший экспортер России»; 2002 год -- международные награды «Предприятие XXI века» и «Руководитель XXI века» (персонально Владимиру Бусыгину), которые утверждаются Советом Европы.

Словом, нижекамские нефтехимики со своим спортивным азартом и чемпионской амбициозностью сами загнали себя в угол. Теперь проигрывать им никак нельзя. Ведь чемпионы не проигрывают. Они могут только сдаться.

Сергей ПЕТУХОВ

КРАСОТА -- СТРАШНАЯ СИЛА ПРОМОУШЕНА!

Красивых девушек в Татарстане в среднем больше, чем в целом по стране, -- вероятно, из-за известного в евгенике правила: на границах смешения рас процент красивых и умных людей всегда больше, здесь действует чисто генетический эффект

*Если вы поставите за прилавок Настасью Кински или Синди Кроуфорд, то наверняка продадите любой свой товар. Именно так уже почти сорок лет торгует своими шинами компания «Пирелли». Конечно, за прилавками их фирменных магазинов и за офисными стойками их представительств стоят другие девушки. Но любой клиент, будь то строительный рабочий, покупающий «резину» для своей «Мазды», или оптовый заказчик из гаража Букингемского дворца, закупающий шины для Range Rover'ов британской королевской семьи, -- любой клиент, если он мужчина, видит за прилавком «Пирелли» одну из *Pirelli girls* -- девушек Пирелли, то есть самых известных моделей мира*

В 1962 году компания сделала гениальнейший маркетинговый ход, о силе которого в «Пирелли» еще не догадывались. Специально для самых богатых и уважаемых клиентов из Великобритании компания в качестве рождественского подарка подготовила календарь на будущий, 1963 год. Но на страницах календаря были не автомобили и колеса, а красивые девушки. Теренс Донован из отдела маркетинга компании надеялся, что клиенты повесят календари в своих гаражах, но просчитался. С 1963 года девушки Пирелли висят не в гаражах, а во всех крупнейших мировых музеях современного искусства. Снимают их ведущие фотографы мира. Каждый год съемки проводят в каком-нибудь экзотическом уголке мира. В марокканской пустыне. На развалинах Карфагена. В тихоокеанском раю типа Баунти. И так далее. Стоят такие фотоэкспедиции фантастически дорого. Но зато у любого потенциального покупателя «резины» для своего автомобиля невольно возникает мысль: раз уж у «Пирелли» такие первоклассные красавицы, то товар просто не может быть второсортным. Хотя на самом деле товар как товар, не хуже и не лучше, чем у других мировых производителей.

Про качество нижекамских шин уже сказано в этом номере «Огонька». Во всяком случае, «Пирелли» вовсе не против разместить часть своего производства на конвейере «Нижекамскины». Но одно дело произвести качественный товар, совсем другое -- продать его. Это разные профессии. Вот почему три года назад при шинном заводе в Нижнекамске был создан свой торговый дом «Камскшина».

Но современная торговля, особенно когда с нуля налаживаешь собственную дилерскую сеть, довольно затратное мероприятие. Свободных оборотных средств на это у шинного завода не было. Получался заколдованный круг. Выручила компания «Татнефть». 22 июня 2001 года на собрании акционеров «Татнефти» было решено включить в орбиту компании и торговый дом из Нижнекамска. Он был переименован в торговый дом «Кама».

Первый заместитель директора «Камы» по финансовой и коммерческой деятельности Рустам Шигапов сказал, что с этого момента нижекамские шинники вместе с «Татнефтью» стали контролировать весь рынок своих изделий. А он немалый. В плане на 2002 год продать 9 млн. 400 тыс. шин за 9,7 млрд. рублей. Сюда входит так называемая

первичная комплектация, а говоря проще -- поставки шин на автозаводы для новых автомобилей, сходящих с конвейера. Торговый дом «Кама» «обувает» все 100 процентов «КамаЗов» и микролитражек «Ока», 70 процентов машин Ижевского завода, 6 из каждых 10 новеньких «Жигулей». В орбиту первичной комплектации нижекамской «резиной» входят Серпуховской завод по производству микролитражек «Ока» для инвалидов, «Ростсельмаш» из Ростова-на-Дону, Ярославский автозавод. На 2002 -- 2003 год в планах у торгового дома «Кама» «обуть» в свою «резину» все сто процентов новых «Жигулей» и примерить ее на «Уралы» с «УралАЗа».

Но шины -- материал расходный. Они, увы, стираются со временем. А кроме того, в нашей стране с наступлением холодов приходится менять «резину» на зимнюю. Тут, к сожалению, эксклюзивный договор с каждым автолюбителем не заключишь. За каждого приходится биться в острой конкурентной борьбе. Сейчас нижекамские шины покупают 3 из каждых 10 автолюбителей в России. Это очень хороший показатель, если учесть, что шинных заводов в стране целых одиннадцать. Торговый дом «Кама» -- лидер по продажам. Но плох тот торговец, который не хочет подмять под себя весь рынок. И хотя эта цель в принципе недостижима, потому что в нашей стране существуют антимонопольные законы, но методично наращивать свою долю на рынке торговому дому «Кама» пока удастся. И прежде всего потому, что топ-менеджеры «Камы» не изобретают велосипеда, а четко соблюдают правила игры и хорошо знают поле своей битвы.

Например, если потребители их продукции в основном мужчины, почему не сыграть на самом главном мужском качестве -- инстинктивном стремлении к прекрасному, если это прекрасное воплощено в виде красивой девушки? Благо красивых девушек в Татарстане в среднем больше, чем в целом по стране, -- вероятно, из-за известного в евгенике правила: на границах смешения рас процент красивых и умных людей всегда больше, здесь действует чисто генетический эффект.

Впрочем, героиня календаря торгового дома «Кама» Альбина Ибрагимова (86 -- 63 -- 92, рост 176) никогда не задумывалась, сколько в ней намешано кровей. Ей двадцать лет, она красива и умна, во всяком случае, имеет современный, очень прагматический взгляд на жизнь. А история ее настолько напоминает известную сказку Андерсена о гадком утенке, что может показаться выдуманной. Но жизнь порой преподносит такие сюрпризы, какие не выдумает никакой сказочник.

Все началось с бегущей строки на одной местной телекомпании. Девочка пришла на отбор в школу манекенщиц в казанский театр моды «Лик». Там было очень много девчонок, на подиум поднималось по десять человек. По именам их, конечно, не знали, и

тех, кого отобрали, называли по цвету одежды. Например, девочка в красной юбочке, спуститесь. Тогда Альбина одна была одета во все белое, но она не поняла, что вызвали именно ее, и со всей толпой ушла домой в слезах. В школу манекенщиц она все-таки попала, со второго раза. Но через месяц предстояло еще одно испытание: набирали девочек в труппу театра. А пухленьких туда не брали. Альбине дали два месяца, чтобы похудеть. Пришлось отказаться от бабушкиных пирожков, ежедневно после уроков бегать в тренажерный зал, доходило даже до обмороков. А потом, как говорится, награда нашла своего героя. Из парижского модельного агентства приехал менеджер, по фотографии отобрал Альбину на работу в Германию -- фирму «M4 model». А затем были победы на первом конкурсе «Мисс Татарстан», «Хрустальная корона России», где Альбина вошла в пятерку, «Мисс «Русское Радио» в Казани, где она стала второй вице-мисс, и наконец «Мисс зрительских симпатий» в финале «Мисс «Русское Радио». Но лишь когда Альбину пригласили на пробы для календаря «Камы», она поняла, что эта реклама -- самое серьезное предложение за все время карьеры.

Фотография на обложке календаря или журнала считается для модели, для ее «бука» очень важной (кстати, эта обложка лежит в буке Альбины на первой странице). Календарь «Камы» теперь висит на стенах в крупнейших фирмах, правительственных кабинетах.

Это, конечно, приятно, когда тобой любят и, возможно, даже интересуются на «таком» уровне. Но для стратегии продаж гораздо важнее, чтобы нижекамскими шинами интересовались на всех уровнях. Вот почему торговый дом «Кама» предпринял еще один шаг, и тоже проверенный. Они разбили Россию, как в свое время Президент Владимир Путин на округа, на дилерские территории и выстроили собственную торговую вертикаль, которой было можно легко и эффективно управлять. Например, ситуацию на рынках в центральном регионе изучает и ведет торговлю «Кама-Центр». На Северо-Западе работает «Кама-Нева». И так далее, по всем федеральным округам и на Украине. Сегодня объем экспорта достиг 3 млн. 800 тыс. долларов. Лучше всего нижекамские шины покупают сейчас на Ближнем Востоке, в Чехии, ФРГ и, как это ни странно выглядит, Великобритании. Впрочем, наверное, это не так уж и странно: британские джентльмены традиционно никогда не гнались за внешним эффектом, а ценят они только качество.

А недавно генеральный директор подписал приказ о развитии собственной розничной торговой сети нижекамскими шинами. Только в Татарстане будут открыты 12 магазинов, а затем придет черед других регионов России и зарубежных стран. Продавать в своих магазинах выгоднее. Уже сейчас оптовые продажи «Камы» дают в среднем 2,5 -- 3 процента прибыли, а розница сразу 17 процентов.

Словом, у первой «Мисс Татарстан», студентки Академии иностранного туризма Альбины Ибрагимовой, большое будущее.

Сергей ПЕТУХОВ

СЛУХИ ПОДТВЕРЖДАЮТСЯ

250 «КамАЗов» и одна «Ока»

Руководству КамАЗа в наследство от советского планового хозяйства достался чересчур большой завод. Образно говоря, все эти годы им приходилось, как деревенским умельцам, выстругивать деревянную ложку не удобным ножиком по руке, а огромным топором. Весной ленты новостей информагентств сообщили о «массовых забастовках» рабочих главного камазовского конвейера. По долгу службы я должен знать, как делаются такие новости. А сейчас появилась возможность лично поговорить с забастовщиками

Если ехать из Казани, то при въезде в город Набережные Челны на мосту через Каму с машин, у которых на номерных знаках номер региона не 16-й (Татарстан), берут деньги. Десять рублей. На экологию, говорят. Если же въехать в город с другой стороны, то никто денег с вас не возьмет. То есть с другой стороны портить городскую экологию можно даром. Примерно такая же ситуация совсем недавно была на главном предприятии города Набережные Челны -- заводе КамАЗ. С одного конца он всасывал деньги, как пылесос, с другого что-то вроде капало. По каплям. А в начале 2002 года и вовсе перестало. Сначала по городу, затем по республике, а потом и по всей стране ехидно зашелестело: главный конвейер остановился, дохозяйствовались!

Самое смешное, что именно так все и было. Конвейер действительно был приостановлен в январе-феврале этого года. Зачем производить то, что нельзя продать? Потребовалось целых десять лет, прежде чем на КамАЗе нашли смелость взглянуть суровой правде жизни в лицо. Впрочем, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Да и поздно ли? Может быть, как раз вовремя. Ведь КамАЗ не просто завод, а градообразующее предприятие. В самом классическом его советском виде.

Стране, а если честно, то в первую очередь армии страны, нужны были дизельные грузовики. Много грузовиков, недорогих, но мощных, высокопроходимых. В 1969 году начали строить завод и город вокруг него. Приоритет отдавался заводу до самого завершения строительства. Это видно хотя бы по тому, что в Набережных Челнах, словно в издевку над названием города, так и не дошли руки благоустроить набережную.

ПУСТОТА ПОД «ТЮБЕТЕЙКОЙ»

Многое не успели достроить в городе. Например, посреди Набережных Челнов пальцем в небо торчит пустующая высотка, издали похожая на пятизвездочную гостиницу. В народе этот местный небоскреб иронически называют тибетейкой -- за верхние круглые этажи, раскрашенные в цвета республиканского флага. Да и задуманного масштаба производства грузовиков на заводе так и не успели достичь при советской власти. Планировалось выпускать по 150 тыс. машин в год, дошли до 130 тысяч, тут все и рухнуло.

Нельзя сказать, что «КамАЗы» стали не нужны. Машина получилась, можно признать без ложной скромности, отличная и как раз по главному показателю, который исходно подразумевали, но вслух почему-то стеснялись говорить: цена -- качество. Конечно, машинки получились не такие шикарные, как «Вольво», «Мерседесы», «Маны» или «Ивеко». Но по другим показателям мало чем им уступали, а по некоторым превосходили. Доказательство тому -- победы на ралли «Париж -- Дакар». «Танки грязи не боятся» -- хороший слоган, точный. Получилась машина-работяга, причем работяга старательный, безотказный, послушный. Мечта эксплуататора, в общем. Для него действительно пыль дорог -- рабочий загар.

Однако с началом рыночных реформ машины пришлось покупать, а не получать, как раньше, по разнарядке. А деньги у потенциальных покупателей сожрала чудовищная инфляция. Да и сама продажа приобрела уродливые формы. Задним числом легко критиковать, но тогда, в начале 1990-х, никто толком в нашей стране не умел торговать на свободном рынке. Спекулировать умели, а торговать еще не научились. В итоге вокруг завода возникла масса посреднических фирм, которые часто торговали по цене ниже себестоимости, потому что выреченные деньги оставляли себе.

В духе времени завод поделили на независимые хозяйствующие субъекты. Между ними построили проходные, поставили вооруженную охрану, и они начали торговать между собой. По бартеру, в основном. А с помощью взаимозачетов списывали долги друг друга. Эта молодецкая забава тогда назвалась рыночной экономикой. Не только на КамАЗе, но и по всей стране. Со временем как-то само собой вышло так, что 30 процентов жителей города Набережные Челны существовали за счет завода, а 40 процентов -- за счет разных околзаводских «рыночных» структур. Порядок навести было проще простого. Но что тогда было делать с доброй половиной горожан, которые в буквальном смысле лишились бы последнего куска хлеба?

Сегодня группа ОАО «КамАЗ» -- это десять производств: собственно автозавод, ОАО «Камский литейный завод», ОАО «Камский кузнечный завод», ОАО «Камский прессово-рамный завод», ОАО «КамАЗ-Дизель», АОЗТ «Автомеханический завод», ОАО «КамАЗинструментспецмаш», ОАО «Завод микролитражных автомобилей», ЗАО «Ремдизель», ОАО «КамАЗ-Автоагрегат». Есть еще одно подразделение в группе,

которое в рекламных буклетах почему-то не упоминается. Это ОАО «Торгово-финансовая компания «КамАЗ» -- ТФК. Вице-президент ОАО «КамАЗ» Анатолий Самаренкин, отвечающий за продажи, и объяснил причину панических слухов о «полном крахе» предприятия.

Как обычно это бывает, ларчик открывался просто. В начале года завод произвел ровно столько машин, рам, дизелей и прочего, сколько можно было продать по разумным ценам. С учетом того, что на сдаточных площадках и на складах дилеров и завода скопилось много непроданного товара. Специалисты называют это расчисткой рынка. «Надо научиться производить ровно столько товаров, сколько может принять рынок», -- убежден вице-президент Самаренкин.

Впрочем, легко сказать, гораздо труднее сделать. Потому что на тебя сразу посыпятся все шишки. Нужно быть сильным руководителем, чтобы во всеуслышание заявить, что остановка главного конвейера -- сугубо внутреннее дело завода. Ведь по городу сразу поползли слухи о предстоящем сокращении на заводах группы. Новому гендиректору КамАЗа Сергею Когогину пришлось по местному телевидению терпеливо объяснять, что никаких локаутов не будет. Что кадровая политика такая: кто хочет уволиться, того держать и уговаривать не будут. Но отныне на каждые освободившиеся два рабочих места будут принимать только одного желающего. Завод наращивает темпы производства, но пока это все-таки не 150 тысяч грузовиков, а 24 тысячи.

К сожалению, руководству КамАЗа в наследство от советского планового хозяйства достался чересчур большой завод. Образно говоря, все эти годы им приходилось, как деревенским умельцам, выстругивать деревянную ложку не удобным ножиком по руке, а огромным топором. Надо очень осторожно с ним обращаться, чтобы не нанести травмы себе и окружающим людям.

УПРАВЛЕНЦЫ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

В цехе главного конвейера, который тянется на километр с лишним, командуют, если так можно выразиться, штаб-, обер- и унтер-офицеры производства: от начальников цехов до бригадиров.

Заместитель директора по планированию и обеспечению автозавода Андрей Корепанов считает, что лучше всего было бы вернуться к старой системе, ликвидировав «феодальную раздробленность» бывших цехов на самостоятельные хозяйствующие субъекты, поставку комплектующих с которых на главный конвейер надо оформлять юридически как куплю-продажу и платить с этого налоги.

-- Точных цифр не знаю, это не в моей компетенции, -- ответил Андрей Викторович. -- Но точно знаю, что мы даем товарной продукции на миллиард рублей. И если мы возьмем 20 процентов налогообложения, то получится только по нашему заводу 200 млн. Можно, конечно, создать холдинг, но мне кажется, что лучше было бы вернуться к прежней системе. Тогда восстановится единый и понятный всем денежный поток.

-- Но тогда будут ущемлены права нынешних собственников -- целых десять акционерных обществ.

-- Самое смешное, что главным собственником во всех них является КамАЗ.

-- Но все-таки есть и другие собственники, пусть миноритарные (по-новорусски это «маленькие»). Они ведь дивиденды по своим акциям получают.

-- Какие дивиденды! Нам бы без убытков работать. Для этого надо по 2 -- 2,5 тысячи автомобилей в месяц выпускать.

-- Вы их и выпускаете. В прошлом году 24 тысячи с хвостиком сделали.

-- Это в прошлом году. А раньше? А платить за площади, за электричество, а по старым долгам...

-- Но при этом вы, выходит, сами у себя что-то покупаете. Из одного кармана деньги в другой перекладываете, а оттуда сдачу в первый кладете. И за это еще налоги платите. Прямо какой-то сюрреализм получается.

-- Получается так, -- грустно кивнул Андрей Викторович и улыбнулся. -- Ничего, разберемся. Знаете, что сказал наш новый генеральный? «Политику буду делать я!» И в данном случае мы с ним согласны.

-- А в каких случаях не согласны?

-- Наш завод в целом производит 16 тысяч комплектующих. Из них мы и собираем 250 модификаций машин. Нам говорят, какие надо собирать в текущем месяце, мы это выполняем, а потом стоим и ждем новой команды. Надо, чтобы ТФК шустрее искала новые рынки сбыта.

-- Плохо работает?

-- По-моему, пока плохо.

-- А вы смелый.

-- Я делаю свое дело. Мне мешают его делать так, как я мог бы его делать. При чем тут смелость? В этом месяце примерно половину автомобилей мы будем делать на экспорт. Мне непонятно, чем наши российские потребители хуже иностранных. Деньги они платят точно такие же.

У исполняющего обязанности директора автозавода по производству Рустама Мухаметханова другая головная боль. Чтобы выполнить даже небольшой заказ, приходится запускать весь главный конвейер целиком. Конвейер, исходно рассчитанный на 150 тыс. машин в год. Переоборудование его новыми японскими станками с ЧПУ только завершается. Но каждому из рабочих не объяснишь, почему конвейер пока двигается рывками. Почему зарплаты такие маленькие. Ведь тогда придется преподавать азы экономики. Объяснять, что в себестоимости львиную долю составляют основные затраты по функционированию огромного механизма, выпускающего продукцию малыми дозами. У Рустама Мухаметханова другая профессия. Он инженер, а не пропагандист.

РАБОЧИЙ КЛАСС

С пропагандой действительно дела обстоят неважно. Раньше рабочий получал больше инженера. И сейчас сильно обижается на «эксплуататоров». Весной по лентам новостей всех мировых информагентств прошло сообщение о «массовых забастовках» рабочих главного камазовского конвейера. По долгу службы мне положено знать, как делаются подобные новости. А сейчас появилась возможность лично поговорить с забастовщиками.

Добирался я до них с приключениями. По пути пришлось уворачиваться от электрокаров, которые в здании главного конвейера почему-то водят исключительно женщины. Никогда не думал, что они такие лихие водители! Затем долго шел вдоль сетчатого забора, пытаюсь найти в нем хоть какую-нибудь дырку. В голове пульсировала злобная мысль: «Ага, отгородили рабочий класс от общественности, правды боятся!» Выяснилось, что шел я не в ту сторону. Вернувшись, сразу нашел проход в зону, где веселые тетki что-то плели из разноцветных жилков кабеля.

-- Где ваши забастовщики? -- спросил я у женщин.

-- Кто? -- сначала не поняли они. -- Ах, забастовщики тебе нужны? Да вот они! -- и показали мне на мирно что-то жующих рабочих в так называемой зоне отдыха.

Такие зоны на главном конвейере похожи на большие кузова самосвалов. Внутри кузова стол и скамейки. Смутьяны сейчас обедали за столом. Рабочий Рустам Валеев явно был среди них самым авторитетным.

-- Да, бастовали. Нам зарплату не заплатили, -- твердо говорит он. -- Правда, стекол для кабин не завезли, все равно работы не было.

-- И долго бастовали?

-- Нет. На следующий день деньги получили.

-- Что-то быстро. В банках так не бывает. Чтобы сегодня денег не было, а завтра они уже есть. Может быть, вам назавтра и так зарплату дали бы, без забастовки, а?

-- Не может, -- упрямится Рустам.

А вы что на его месте ответили бы? Неприятно оказаться в дураках, верно?

-- Мы бастовали по закону, -- говорит Рустам. -- Все рабочие нашей бригады предупреждения администрации написали.

-- Все у вас такие грамотные, законы знают и как писать подобные предупреждения тоже знают?

-- Нашлись грамотные люди, -- уклончиво отвечает Рустам.

Работает он третий год, но у него все еще второй разряд. По его словам, сдать на третий и дальше ему не дают. Я перестаю что-либо понимать. Заводу как воздух нужны квалифицированные кадры. Осторожно спрашиваю, а кто именно не дает повышать квалификацию старшему рабочему Рустаму Валееву. Он отвечает, что это неважно, потому что он все равно через три дня увольняется. Работу получше нашел. В городе.

Другие не нашли. Они проработали на заводе по десять и больше лет и остаются здесь. Интересно, кто прогадает?

Сергей ПЕТУХОВ

-- Автомобиль «Ока» не та машина, на которой можно делать большие деньги. Тем не менее на нашем заводе средняя зарплата сейчас 4400 рублей. По этому показателю мы держим первое место среди других предприятий группы «КамАЗ». Мы научились не только хорошо работать на конвейере, но продавать наши машины. Политика работы с дилерами у нас такая. Дилер должен иметь обязательства перед заводом, что, кстати, нетрудно проконтролировать суммами и регулярностью переводов выручки на счет завода. Но и завод должен иметь обязательства перед дилерами. Сейчас, если мы работаем с каким-нибудь дилером в регионе, то работаем только с ним. Рассматриваем все предложения, но желающих отправляем к нашему дилеру. Правда, когда из какого-нибудь региона приходит слишком много предложений, то это нас настораживает. Значит, наш дилер не управляется с рынком. Мы выезжаем на место и разбираемся, в чем дело. Такая ситуация, например, возникла в Екатеринбурге. В итоге там у нас сейчас работают три дилера, с нашей стороны поставленные в совершенно равноценные условия. Пусть конкурируют. Зато в Москве у нас один дилер, который сам создал субдилерскую сеть. Он борется с нашими конкурентами из Серпухова, где тоже собирают примерно 20 тысяч микролитражек, то есть примерно половину того, что делаем мы. Но Серпухов ближе. Понятно, что за счет логистики (транспортных расходов) себестоимость машин для Центрального региона и Москвы у них меньше. Снизить стоимость наших микролитражек можно, только собрав все силы в один кулак. Потому мы там, в Москве, и поощряем такой «монополизм». Но, повторяю, мы открыты для любых конструктивных предложений.

В БИЗНЕСЕ ГЛАВНОЕ -- НЕ МЕШАТЬ

Мы создали известную систему «регистрации в одно окно». Таким образом, Казань стала единственным городом России, где в течение суток практически любой гражданин может зарегистрировать свое предприятие в одном месте, не отходя от одного регистрационного окна, экономя и на времени, и, чего уж греха таить, на куче взяток. Это можно сейчас сделать прямо на первом этаже нашего здания

Мировая статистика гласит, что лишь семь процентов населения планеты может заниматься тем или иным видом самостоятельной, творческой деятельности. То есть рисовать, заниматься музыкой, бизнесом.

Александр Сергеев, генеральный директор Агентства по развитию предпринимательства Республики Татарстан, по-видимому, прочно вошел именно в эти семь процентов, да так, что не просто занимается бизнесом, но и помогает другим. Об успехе деятельности этого человека поговаривают в Администрации Президента республики: мол, а вы говорили, нам нечем гордиться. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в октябре 1999 года Александр представлял Татарстан на Всероссийском съезде предпринимателей. А в прошлом году он вошел в рейтинг журнала «Эксперт» -- в число четырехсот лучших менеджеров Российской Федерации.

-- Александр Евгеньевич, деятельность вашего агентства направлена на поддержку малого бизнеса в республике. В чем именно выражается эта поддержка?

-- Лично я придерживаюсь следующей позиции: бизнес вообще поддерживать не нужно, ему лишь не следует мешать. Ведь бизнес -- это не инвалид какой-нибудь, в этой сфере работают вполне самостоятельные люди. Что же касается нашего агентства, то начнем с того, что в 1998 году была создана Республиканская межведомственная комиссия по экономическим и социальным реформам, в которую впервые, наверное, вошли не только чиновники, но и некоторые предприниматели республики. И одной из сфер деятельности этой комиссии было именно урегулирование вопросов предпринимательства, решение проблем в этой сфере. Затем появился экспертный совет при этой комиссии. В его задачи уже входили вопросы предпринимательства в регионе. Я был председателем совета чуть больше двух месяцев. Работа сменная, предусматривающая быструю ротацию кадров. Может быть, поэтому и было сделано очень много. И вот в январе 2002 года создано Агентство по развитию предпринимательства. Это государственное учреждение со штатом 50 человек (30 -- в Казани, остальные -- по республике). Предполагается, что будет еще два республиканских центра поддержки в Набережных Челнах и Альметьевске. Одна из основных задач нашего агентства -- юридическая защита предпринимателей. В этой сфере нами уже налажен контакт с антимонопольным комитетом. Наши юристы имеют право по доверенности выступать в защиту предпринимателей, обращающихся туда, либо к нам, а также отстаивать их интересы в суде, кроме, естественно, случаев, когда они сами между собой судятся по каким-то коммерческим вопросам, это уже бизнес. Позиция агентства -- не тянуть на себя тот вид деятельности, который является исключительно коммерческим, чтобы не отбивать хлеб у подобной же, но сугубо коммерческой структуры. Кстати, в нашем агентстве в Казани работают девять юристов.

-- А чем еще вы занимаетесь?

-- Еще мы занимаемся сбором информации о крупных проблемах, которые возникают в сфере бизнеса, и своими силами готовим пакет предложений руководству по их урегулированию. То есть проблема обобщается, и мы выходим с предложениями к городской администрации или в Правительство. Например, была у нас проблема

регистрации предприятий. Собралась специальная комиссия, которая прописала определенный регламент, в итоге мы создали известную систему «регистрации в одно окно». Таким образом, Казань стала единственным городом России, где в течение суток практически любой гражданин может зарегистрировать свое предприятие в одном месте, не отходя от одного регистрационного окна, экономя и на времени, и, чего уж греха таить, на куче взяток. Это можно сейчас сделать прямо на первом этаже нашего здания. Классно? Но ведь в эту нашу идею никто изначально не верил.

-- Надо же, а сейчас в руководстве республики реализацией этой идеи в жизнь очень гордятся.

-- Будем надеяться, что и в остальной России освоят этот наш успешный опыт. Кроме того, недавно был издан указ Президента о создании в республике единого аукционного центра. Сейчас аукционы проводят порядка шести центров, при этом, где они проводятся, как это происходит, никто толком не знает. Неизвестно и то, какие доходы с этого получает бюджет. И вот мы, расписав весь негатив этой ситуации (то есть где, кем и в каких объемах берутся взятки) и обозначив варианты решения этой проблемы, предложили Президенту создать единый аукционный центр с четко обозначенным регламентом его функционирования, что и было сделано. Главная задача -- сделать эту сферу бизнеса предельно прозрачной и узаконенной. Так вот, проанализировав ситуацию в республике, мы дали предложения по земельным аукционам и предложения по изменению регламента проведения аукционов в Республике Татарстан. Естественно, наш проект был встречен в штыки. С одной стороны, некоторые силы не хотят его реализации, с другой -- кто-то хочет напихать во вновь создаваемую структуру своих людей. В общем, все как всегда. Посмотрим, что из этого получится.

Следующий наш большой проект -- это создание инновационного технопарка. Всем известно, что Татарстан и Казань -- регион уникальный, с множеством технических учебных заведений, которые остались еще с советских времен. Я сам в 1989 году окончил Казанский авиационный институт им. А.Н. Туполева. Более того, в Москве студенты МАИ учатся по книгам, которые писали наши преподаватели. Сегодня в Татарстане накоплен мощнейший потенциал по новым технологическим разработкам, каких нигде в мире нет, но которые тем не менее не реализуются. Естественно, это происходит ввиду отсутствия должного финансирования, а также неправильного распределения даже тех средств, которые имеются: все финансы направляются по ведомственному принципу в вузы, а в вузах, как правило, на этих деньгах «сидят» либо чьи-нибудь родственники, либо чьи-нибудь приближенные. Так что альтернативщикам -- молодым независимым ученым, пробиться с хорошей идеей практически невозможно. И ведь такая ситуация сейчас во всей России. Мы предложили на базе одного из оборонных заводов, который сейчас не работает, но где есть несколько площадок с минимумом оборудования, организовать инновационный технопарк. Смысл его в том, чтобы подтянуть ресурсы, в том числе и венчурные, и дать в этом технопарке поработать именно альтернативщикам, в том числе и студентам с перспективными идеями, чтобы они могли, заявив о своей идее, получить необходимые технические средства для ее реализации. Причем решать вопрос выдачи средств на это должен специальный совет,

половину из которого будут составлять ученые, а другую -- предприниматели. Будем надеяться, что руководство республики в этом нас поддержит и идея будет реализована. Во многих странах мира выделяются большие средства именно на развитие науки и технологий. Так чем же наша республика хуже?

Эта наша идея не с потолка взялась. Сегодня, в рамках своей компании, я уже развиваю ряд подобных проектов, конечно же, в силу своих возможностей. И аналогов некоторым из них в мире нет. Они целиком коммерческие, и сейчас идет их реализация. Причем мы в данном случае обошлись без каких-либо грантов или финансовых кредитов. Но помочь поставить этот проект на широкую ногу нам может только Правительство республики.

-- А понимают ли в Правительстве республики социальную важность ваших идей?

-- Ну, Правительство это, в первую очередь, конкретные люди. На уровне премьера и Кабинета министров республики мы поддержку, безусловно, ощущаем, но дальше, при реализации этих проектов, а значит -- при распределении конкретных средств, начинают сталкиваться совершенно определенные интересы тех, кто эти средства уже когда-то имел, и тех, кому они именно сейчас необходимы для реализации упомянутых проектов. Например, большинство вузов будут выступать против нашей идеи технопарка. Раньше ведь они распоряжались деньгами, за которые, кстати, не отчитывались. Деньги-то им давали на реализацию того или иного проекта, а вот результатом никто не интересовался. А мы предлагаем систему, согласно которой на выходе с вас будут требовать конкретный результат, и, если такового не будет, на ваше место придет новый человек с новой идеей. И не с согласия ученого совета какого-то вуза, а с согласия совета, в который входят незаинтересованные лица. Так что в данной ситуации важно, чья идеология победит и окажет в конечном итоге большее влияние на руководство республики.

-- У вас очень много дипломов, подтверждающих успех вашего бизнеса, но среди них я не вижу ни одного татарстанского.

-- Это как раз то, о чем я говорил: не нужно мешать бизнесменам работать. А я работаю в этой сфере более десяти лет, и у меня накоплен достаточный опыт взаимодействия с государственной властью. Вот, например, авторское свидетельство одного из моих проектов. Приятно, что он был реализован. Неприятно, что не в России. Его реализовали американцы. Будем надеяться, ситуация станет исправляться.

-- Именно поэтому вы все еще не уехали за рубеж?

-- За последние два года я проводил многих своих знакомых и друзей в разные страны мира. После поездок к ним возвращаться, конечно, тяжело. Ведь в России, с одной стороны, можно получить максимальную прибыль. А с другой -- здесь ты, как нигде,

рискуешь вложенными средствами. Пока у меня еще есть желание что-то изменить в нашей стране, в нашей республике. Вот когда оно исчезнет, а энтузиазм пропадет, тогда, наверное, встанет вопрос, где заниматься бизнесом.

-- Будем надеяться, что этого не произойдет.

-- Будем надеяться. Потому что я же, как бизнесмен, вижу, что у нынешних президентов Татарстана и России есть хотя бы желание что-то изменить. А это уже дорогого стоит.

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Василия ДЬЯЧКОВА, Юрия ФЕКЛИСТОВА

РУБЛЬ ПИШЕМ, ТРИ -- В УМЕ

Наше сельское хозяйство -- это наша самая главная военная тайна. Иностранцу арифметику нашей деревни ни за что не понять. О том, по каким формулам считать колхозное счастье, корреспонденту «Огонька» рассказывает министр сельского хозяйства Республики Татарстан, вице-премьер Правительства РТ Марат Ахметов *«В России когда-то наконец должен состояться аграрный культ»*

Для Татарстана село -- это не сектор экономики, это образ жизни государства. Может быть, это связано с тем, что у нас Президент выходец из села. Он человек, душой расположенный к земле и сельскому труду

-- Марат Готович, какой в вашем сельском хозяйстве сейчас строй?

-- На селе у нас сейчас полная демократия. Есть все, что только можно придумать: кооперативы, коллективные хозяйства, фермеры, товарищества на вере, акционерные общества и много чего еще.

Хотя на деле все перемены чаще всего оказываются простой сменой вывесок. Реального участия, чтобы каждый член кооператива был кровно заинтересован в конечном результате труда и активно вникал во все проблемы финансово-хозяйственной деятельности, мы пока не добились.

Но, цитируя классиков, скажу, что «процесс пошел», фермерские хозяйства в республике водятся и плодятся, в этом году их стало уже 1800. И если во многих регионах России по фермерству сейчас идет спад, у нас динамика совершенно обратная. Мы начали вводить коммерческие отношения в сельское хозяйство несколько позже других, но сейчас

делаем это лучше. Хотя мы стараемся в равной степени поддерживать все, что на селе есть, и все, что приносит хорошие результаты, вне зависимости от того, колхоз это, кооператив или единоличник. Кредиты, которые идут на поддержку АПК, равномерно распределяются по районам, какая бы форма собственности там ни была. То же самое и с поддержкой по лизинговой технике и с оказанием помощи по удобрениям. Но на развитие фермерства, как наиболее перспективного направления, есть специальная строка бюджета. Правда, не очень большая.

-- 1800 хозяйств на Республику Татарстан -- это много или мало?

-- Если просто смотреть по цифрам, это много. Но фермер фермеру рознь, они все разные. Есть такие, у которых 20 гектаров земли, и есть такие, у которых 1500 гектаров. Для экономики желательнее и перспективнее, чтобы шло постепенное становление, развитие и укрупнение фермерства, от малых площадей к большим. Кстати, такая тенденция сейчас есть.

-- Погода у нас осталась прежней. Строй поменялся. Насколько изменился объем сельского хозяйства в республике по сравнению с временами советской власти?

-- В 90-е годы у нас и Президент и Правительство республики старались поддерживать село, АПК в целом, чтобы не потерять его производственный потенциал. В итоге нам удалось сохранить старые ресурсы лучше, чем где-либо еще в РФ, но из-за большого диспаритета цен на рынке все равно возникают проблемы. Техника стареет, возможностей приобретать новую у частного фактически нет, оборотных средств на покупку удобрений и средств защиты тоже не хватает. У многих растут долги по зарплате и по кредитам. И за счет этого «запас прочности» нашего села не такой, как раньше. Хотя за последние три года нам удалось несколько выправить ситуацию, мы закупили за эти годы более 3 тысяч тракторов, 1,5 тысячи комбайнов и тысячи других сельхозмашин. Республика сама закупила и отдает их теперь по своему республиканскому лизингу. Конечно, если бы федеральная помощь была по масштабам такая же, как республиканская, мы бы почувствовали себя намного легче.

Регулярно оказываем поддержку в возмещении затрат хозяйствам на минеральные удобрения, на средства защиты. На это отпускаются солидные суммы, до 600 -- 700 млн. рублей в год. Не знаю, хорошо это или плохо. Эта поддержка, конечно, облегчает жизнь сельхозпроизводителя, но, с другой стороны, в других регионах, где нет такого солидного объема помощи, крестьяне больше рассчитывают на себя. Там лучше срабатывают фактор интереса, фактор выживаемости, нам к этому еще надо будет приходить.

-- Марат Готович, а как насчет исторических традиций? Ведь в России сельское хозяйство исконно было общинным. Всегда вместе. Может, наш крестьянин просто генетически не предрасположен к такому труду?

-- Наш крестьянин уже все попробовал, все формы, и расположен ко всему. Лишь бы условия были подходящие.

А условия сейчас такие: в послереволюционный период у нас вся организация производства делалась в расчете на крупное товарное производство. И сейчас осталось множество крупных машинно-технологических станций, инженерных комплексов, животноводческих ферм, амбарно-сушильных хозяйств. И в любом случае, кто бы что ни говорил, сюда должен приходить крупный собственник.

Тогда будут и более высокая производительность, и соблюдение технологии, и высокие результаты. Делить Россию на сотни тысяч мелких фермеров бесперспективно. Но если есть желающие завести себе маленькую делянку и на ней работать, государство должно приветствовать и их.

-- А многие выбирают подобную судьбу в последние годы? Из села люди не бегут?

-- У нас за год количество фермеров пополнилось более чем на сто. Было 1670, стало 1800. В среднем по России идет снижение. Просто Россия на эту форму реформирования пошла раньше. Представьте, забросили тебя на произвол судьбы, знаешь, что у тебя есть трактор, твой участок. Поскольку у нас село не было заброшено, у нас движение фермеризации идет только сейчас, идет по мере своего естественного созревания.

Потом для Татарстана село -- это не сектор экономики, это образ жизни государства. Может быть, это связано с тем, что у нас Президент выходец из села. Он человек, душой расположенный к земле и сельскому труду. И он умеет понять население сельской местности. Президент нам часто говорит, что, если не помогать селу, село уйдет в себя, оно голодным никогда не будет. Проиграть от этого может только государство, без села оно может легко потерять свою государственность.

В России когда-то наконец должен состояться аграрный культ. Россия со своими необъятными природными ресурсами и территорией не может быть на иностранном продовольственном пайке. Это мы должны всем пайки выдавать. Когда, при ком мы до этого дойдем и созреем, пока неясно, но в том, что это будет, я уверен.

Дмитрий АКСЕНОВ

В материале использованы фотографии: Андрея ТИТОВА

ОСОБЫЙ ЯЗЫК РЕКТОРА

Мякзум Салахов недавно избран новым ректором Казанского государственного университета, уже тридцать третьим по счету. Ректорами не становятся люди, которых в университете вообще не знают. В свое время он окончил этот университет, затем возглавлял одну из кафедр, со временем стал проректором

Гуляя по коридорам главного здания Казанского университета, я почему-то вспомнил слова своей мамы, которая, вернувшись впервые из Неаполя, сказала, что в том городе буквально хочется дотронуться до каждого дома, чтобы в полной мере ощутить историю Италии и попробовать сохранить воспоминание о ней хотя бы на кончиках пальцев своих рук. Подобные ощущения появились у меня и в КГУ, когда директор Музея истории Казанского университета Стелла Владимировна Писарева любезно водила меня -- единственного посетителя в тот час -- по залам, которые, как сейчас, помнят известия и о переходе армии Наполеона через Неман, и о декабрьском восстании на Сенатской площади.

-- В 1979 году, когда сам университет праздновал свое 175-летие, в помещении студенческой Крестовоздвиженской церкви мы открыли Музей истории КГУ, -- рассказывает Стелла Владимировна. -- В этой церкви раньше проходили службы, венчались профессора. Лобачевского здесь отпевали в 1856 году. Но после 1917 года в этом же помещении был физкультурный зал, позднее, в годы войны, было общежитие Академии наук, затем -- читальный зал физико-математического факультета.

Переходя из зала в зал, я слушаю эту женщину, увлеченно рассказывающую мне и о том, что Казанский университет является одним из самых старых университетов России, и о том, что в свое время, оказывается, существовал большой Казанский учебный округ, куда входили и Поволжье, и Приуралье, и Сибирь, и Кавказ. А сам я смотрю на обилие портретов известных ученых, писателей, государственных деятелей...

-- Перед тем, как создавать экспозицию, -- продолжает Стелла Владимировна, -- мне пришлось многое обдумать, чтобы в полной мере представить научную школу университета. Здесь свои открытия делали и Лобачевский и Бутлеров. Был также известный ученый Симонов, который участвовал в открытии Антарктиды в составе экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Здесь же учились Аксаков, Лев Толстой (он был студентом-юристом, но, как сам говорил, плохим), композитор Балакирев, Велимир Хлебников, Мельников-Печерский и многие другие. В XX веке нашим выпускником, а затем и академиком Евгением Завойским здесь был открыт электронный парамагнитный резонанс. По идее, ему можно было бы и Нобелевскую премию дать, да вот судьба распорядилась иначе.

-- Ну а как же вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин? Ведь университет до сих пор носит его имя.

-- Раньше здесь все было подчинено истории, связанной с Лениным. Ну а сейчас мы как-то не очень гордимся этим студентом, который всего три месяца проучился в нашем университете. Но, как бы там ни было, все это -- история, и этот человек -- великий государственный деятель. От этого все-таки не откажешься.

Мы проходим в актовый зал, где в наши дни часто даются концерты классической музыки, а в воздухе, будто навсегда, поселилось ощущение некоего торжественного ожидания. Стелла Владимировна снова обращает мое внимание на многочисленные портреты на стенах:

-- Раньше вон там, где сейчас висят портреты известных выпускников, были портреты царского семейства. В центре при этом висел портрет правящего на тот момент царя. А сейчас в планах к 200-летию университета повесить портрет Александра I, при котором университет и был основан. При нем, кстати, мы назывались Императорский Казанский Университет.

-- Я слышал, что ваш университет славится не только причастностью к царским династиям, но и воспитал свои академические династии.

-- Вы правы, наш университет славится академическими династиями. Например, есть династия Арбузовых. Это известные химики. В университете преподавали отец и все сыновья. И таких династий в университете много...

И каково, по-вашему, руководить таким университетом -- легендарным вузом, успевшим вписать в свою историю не одну сотню лет? Этот вопрос я задал самому себе, входя в кабинет Мякзума Халимулловича Салахова, недавно избранного новым ректором КГУ, уже тридцать третьим по счету.

-- Мякзум Халимуллович, говорят, что ректорами не становятся люди, которых в университете вообще не знают. Какие отношения с Казанским университетом были у вас до того, как вы заняли этот пост?

-- В свое время я окончил этот университет, затем возглавлял одну из кафедр на физическом факультете, со временем стал проректором. Будучи проректором, активно занимался подготовкой к празднованию 200-летия университета. И вот совсем недавно, на последних университетских выборах, я был избран ректором этого вуза.

-- Говорят, что ваша биография тесно связана с биографией Ленина, имя которого носит вуз, вами сейчас возглавляемый?

-- Можно сказать и так. Я же с золотой медалью окончил гимназию № 1 в городе Ульяновске, именно ту, в которой учился Ленин. А в университете был ленинским стипендиатом. Так что действительно много совпадений получается.

-- Что изменилось для вас в тот момент, когда вы стали ректором такого знаменитого вуза?

-- Появилась огромная ответственность, замечаешь, что ты становишься более дисциплинированным (например, в том смысле, что теперь каждый день я должен появляться на работе как минимум к восьми часам утра, а ведь профессора университетов к такому графику, как правило, не приучены). Но меня все это, если честно, не пугает.

-- А не появилось ли у вас сразу множество знакомых, которые раньше даже не возникали на горизонте, а теперь постоянно напоминают о себе, например, с просьбами помочь своим родственникам с поступлением или учебой?

-- Действительно, появляются такие люди, которых уже сто лет не видел, а тут они начинают звонить. Не зря же говорят, что у победы сто отцов, а поражение -- сирота. Но я, если честно, привык к таким отношениям. Ведь нужно же уметь понимать людей, сопереживать их проблемам. Так что я спокойно со всеми общаюсь и даю понять, что я могу сделать для них, а что не в моих силах.

-- Какие проблемы в первую очередь вам пришлось решать?

-- С назначением ректором у вас появляется множество проблем, связанных не только с хозяйственными заботами, но и с формированием новой команды проректоров. Ведь нужно же в очень короткие сроки найти таких людей, которые умели бы успешно работать вместе.

-- А вас можно назвать хорошим хозяйственником?

-- Наверное, да. Приходится и в строительстве понимать, и в бизнесе немного, чтобы университет поддерживать на должном уровне. Но ректор все же не может быть только хозяйственником. Он и науку должен поднимать. Ведь главной проблемой сегодня является то, что многие страны просто отказываются от наших дипломов. Даже Индия и Чехия недавно отказались. Так что и эти проблемы приходится решать. Уже достигли договоренностей с турецкими, с немецкими вузами, со многими американскими университетами (к примеру, с университетами Чикаго, Техаса). Даже с японцами недавно договорились. Но все это приходится решать зачастую на личном уровне, между деканами или ректорами.

-- Можно ли Казань назвать университетским городом?

-- Конечно же, можно. В городе в настоящее время обучаются более 150 тысяч студентов. И это, я вам скажу, очень большой процент от общего числа жителей города. Кроме того,

Казань в целом -- научный, академический город. В Казани есть много вузов. И почти все другие университеты образовались от Казанского государственного университета, организованного в свое время указом императора Александра I (кроме, правда, ветеринарного). При этом наши ученые всегда были востребованы. Во время войны в Казань переехала Академия наук, дав толчок к дальнейшему научному развитию. Появились в городе Химико-технологический и Авиационный институты. Они получали тогда много заказов. Да еще и в советское время было такое положение, что все предприятия должны были выделять деньги на научно-исследовательские разработки. В общем, наши университеты уже во всем мире знают.

-- С чего у вас начнется новый учебный год?

-- С традиционных Дней первокурсника, со встреч на «сковородке» (так у студентов и сотрудников Казанского университета называется площадь перед главным корпусом, где обычно встречаются выпускники, потому что считается, что она похожа на сковородку).

-- Вы со своими однокурсниками тоже там встречаетесь?

-- Безусловно. К сожалению, именно в этом году не встретимся, поскольку встречи выпускников нашего года выпуска происходят каждые пять лет. Так что встретимся на будущий год. Это будет как раз тридцатилетие выпуска. Кстати, по поводу моего вступления в должность к нам в университет приезжали мои школьные учителя. Я и с ними встречался.

-- Дети ваши тоже с Казанским университетом связаны?

-- Да. Дочь окончила юридический факультет, а сын -- физический.

-- А чем нынешние студенты отличаются от студентов вашего выпуска?

-- Время было другое. Но, как и раньше, те же 10 процентов идут в аспирантуру, такой же процент выпускников школ поступает в вуз. Но сейчас для студентов более остро стоит проблема денег. Приходится всем работать, впрочем, как и нам. Ведь, когда я был студентом, я и вагоны разгружал, и чем только не занимался (и мог, кстати, на 100 рублей съездить летом в Крым с семьей). Ну а сейчас ребята работают в основном в коммерческих фирмах, где на полставки очень-то не поработаешь. Так что приходится им что-то пропускать из учебного процесса. Из-за этого многие талантливые ребята не идут в науку. И даже если и идут в аспирантуру, так для того, чтобы в армию не попасть.

-- А есть ли какое-то братство студентов -- выпускников Казанского университета?

-- Конечно. Есть даже ассоциации выпускников нашего вуза в разных городах. Есть специальные списки по всему миру. Есть специальные люди, которые их хранят. Например, непосредственно в университете этим занимается академик Коновалов, бывший ректор университета. В Москве тоже есть такие люди. Олег Морозов из Государственной думы -- наш выпускник, говорит, что и в Москве они собираются. И я, кстати, общаюсь со всеми этими людьми на таком языке, что они почти обязаны мне помогать, просто не могут отказать университету, потому что они его выпускники... (Смеется.)

Выйдя из главного здания КГУ, я прошелся мимо той самой «сковородки», на которой сидели сегодняшние студенты Казанского университета. Интересно, с кем из них ректор будет разговаривать на «таком» языке лет через десять? Кто из них будет обзванивать своих нынешних однокурсников, перед тем как снова встретиться с ними здесь же, на «сковородке», с тем, чтобы, возможно, вспомнить этот беззаботный сегодняшний день?

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

ОБРАЗОВАНИЕ КАК KNOW HOW

В республике есть множество программ поощрения учеников за особые успехи в учебе. Таким образом оценивается труд человека. И неважно, что он еще школьник

Помните замечательный рязановский фильм «Ирония судьбы, или С легким паром»? Там главный герой Женя Лукашин говорит, что профессия школьного учителя сродни специальности врача-хирурга. И тот и другой вполне могут либо спасти человека, либо его покалечить. Вот только результаты работы учителя по сравнению с врачом заметны не сразу. Насколько справедливо это сравнение, я поинтересовался у министра образования Республики Татарстан Фариса Фахразовича ХАРИСОВА.

-- Я вам скажу, что, если преподаватель начальных классов сумеет полюбить детей и сделать так, чтобы и его полюбили дети, то все будет хорошо, -- говорит министр. -- Ну а плохой учитель действительно может очень легко сломать судьбу ребенка. Но все же именно благодаря мудрому поведению педагога судьба ребенка очень часто меняется в лучшую сторону.

-- В последнее время нередко приходится слышать о том, что учителям вовремя не выдают зарплату и так далее. Как с этими вопросами обстоят дела в республике?

-- Ну, зарплату по крайней мере мы выплачиваем вовремя. Хорошо, что сейчас есть все-таки необходимое внимание со стороны Президента и Правительства республики, чем, кстати, не всегда могут похвастаться другие регионы страны.

-- Насколько в Татарстане -- республике, которая, по выражению госсоветника Тимура Юрьевича Акулова, все же воспринимается за рубежом в качестве исламской, религия действительно отделена от образования? Как вы относитесь к тому, чтобы Исламский университет получил право на то, чтобы выдавать дипломы о высшем образовании светского образца?

-- Образование у нас, безусловно, отделено от религии. Ну а идея Исламского университета добиться права выдавать еще и светские дипломы о высшем образовании, по-моему, хорошая. Ведь это же будет только на пользу обществу, если человек, получивший религиозное образование и преподающий в религиозном заведении, будет иметь еще и светский диплом. Это расширит его кругозор, он будет понимать большее количество проблем и не будет замыкаться только в религиозной культуре. Хотя вместе с тем сейчас существует какая-то непонятная тенденция в сфере образования. Все чаще дает о себе знать мнение, что образование подростка будет неполным, если он не получит, кроме традиционного светского образования, еще и религиозное. Конечно же, нет ничего плохого в такой идее, однако сегодня еще не совсем ясно, к чему все это может привести. Ведь далеко не факт, что религиозные деятели могут в настоящий момент вести полноценную воспитательную работу. Мы же по-другому подходим к этому вопросу. Мы организовали специальную лабораторию, в которой религиозные деятели читают лекции по истории религии и школьникам, и нашим учителям, объясняют им, что представляют собой и традиционные конфессии, и различные секты. Мы также издаем различные методички и учебные пособия по этим проблемам. В результате мы отдаем право районам и школам за счет вариативной части учебного плана факультативно вести предмет «История религии». Но этот предмет имеют право преподавать лишь те учителя, которые действительно подготовлены к этой деятельности. И в Татарстане, дабы сохранить спокойствие в этой сфере социальных взаимоотношений, иначе действовать мы не можем. В целом же мы большие сторонники использования ценностей религии в образовании, потому что это в большинстве своем универсальные, общечеловеческие ценности.

-- Одним из самых актуальных вопросов сферы образования в Татарстане является проблема перехода на латинский алфавит. Прокомментируйте, пожалуйста, эту ситуацию.

-- Этот вопрос, конечно, непростой и требует серьезной подготовки. В этом учебном году мы, например, проводили эксперимент: в каждом районе в одном классе (во вторых-третьих классах) один час в неделю велись уроки с использованием латинского алфавита. Эксперимент показал, что в принципе дети неплохо усваивают материал. Мы провели так называемый контрольный срез на основе латинской графики и на основе кириллицы, который показал, что дети пока делают больше ошибок в текстах, используя латиницу, однако не следует забывать, что занимались они по этой программе всего один час в неделю. И перспектива у этой идеи, безусловно, есть. Ведь кому-то надо делать

первый шаг в этом направлении. Шаг к более совершенному алфавиту, к более совершенным правилам орфографии, и наше общество постепенно готовится к этому. Но насколько такие реформы, конечно же, проводить нельзя. Вот по результатам такого эксперимента, какой организовали мы, -- другое дело. В любом случае интерес у наших школьников к изучению татарского языка на основе латиницы очень большой. И многие из них говорят, что гораздо интереснее учить татарский язык, используя именно латиницу.

-- Поможет ли Татарстану переход на латиницу быстрее интегрироваться в мировую культуру и политику?

-- Практика покажет. Но то, что это будет способствовать изучению иностранных языков, это факт.

-- Расскажите о контактах с другими регионами, которые руководство республики поддерживает по линии образования.

-- В последнее время количество таких связей стало увеличиваться, и другие регионы также начали приходить к мнению, что именно контакты по линии образования, как правило, очень полезны. Например, в последние годы мы начали вести целенаправленную работу в первую очередь с теми регионами, где компактно проживают татары. У нас есть подписанные соглашения с такими регионами. Например, недавно наша делегация ездила в Башкортостан, Чувашию, в Ульяновскую, Саратовскую и Самарскую области. Там мы давали открытые уроки для учителей татарского языка и «уроки здоровья». Выезжали-то мы, конечно, и раньше, но тогда не было практики открытых уроков с нашей стороны. А это, я думаю, очень полезная для всех педагогов практика. Не зря она очень хорошо воспринимается во всех упомянутых регионах. К нам также приезжают педагоги из других областей. В целом же подобная практика очень сближает регионы и способствует созданию особой модели работы системы образования в России.

-- Есть ли какие-то инновационные подходы, выработанные в республике в отношении работы с детьми, ваше know how?

-- Есть у нас языковые лагеря для татарских детей, проживающих за пределами Татарстана. Уже четвертый год мы проводим подобные лагеря и получаем заявки от родителей детей на участие в них из самых разных регионов нашей страны. Даже из Мурманска дети приезжают. И если раньше в подобные лагеря приезжали дети лишь татарской национальности, то сейчас мы приглашаем всех желающих. Пусть они соприкасаются с татарским языком, татарской культурой. Причем платить родители должны только за дорогу, а вот содержание детей в лагере -- за наш счет. С 1998 года у нас существует Программа здоровья в школах. В этой области нами проводится большая работа. Ведь Министерство образования должно думать не только об интеллектуальном здоровье подрастающего поколения, но и о его физическом здоровье. Нам удалось все-таки всколыхнуть учительство в этом направлении. Хорошо, кстати, что именно сейчас и на федеральном уровне осознали важность данной проблемы. Кроме того, недавно у нас

прошел Первый республиканский слет воскресных школ. Более тысячи детей занимаются в Татарстане в воскресных школах.

-- Я слышал, что вы активно привлекаете преподавателей вузов для работы со школьниками.

-- Это действительно так. За многими из ученых закреплены свои школы, заключены договоры. И, в частности, в течение последних трех лет в особенности, они систематически занимаются подготовкой наших детей к предметным олимпиадам -- республиканским, всероссийским, международным. И мы имеем хорошие результаты: если в 1998 году было восемь победителей всероссийских олимпиад из Татарстана, то в этом году -- тридцать. Восемь одаренных детей республики, победители международных, российских олимпиад, конкурсов, фестивалей стали стипендиатами Президента РФ В.В. Путина, в том числе Елена Вахромова (гимназия № 3 г. Зеленодольска) награждена стипендией Президента России уже второй раз. Кроме того, в различных городах республики существует множество программ поощрения в виде стипендий ученикам, достигавшим особых успехов в тех или иных предметах. Мы таким образом оцениваем труд человека. И неважно, что он еще школьник.

-- То есть вы своей деятельностью демонстрируете, как можно исправлять те ошибки, которые часто допускают другие средние и высшие учебные заведения России, когда они дают первые места каким-то ученикам, а потом о них забывают. Вы же ведете их до университета?

-- Именно так. И мы еще ожидаем результатов в этом направлении. Об этом, кстати, свидетельствует и постоянно увеличивающееся количество золотых медалей у выпускников средних школ нашей республики. И это несмотря на то, что с каждым годом ужесточаются требования к получению этих медалей.

-- Кстати, как вы относитесь к идее ввести систему единого государственного экзамена при поступлении в вузы?

-- Пока ректоры вузов республики думают над этим вопросом. Что они решат, еще неизвестно. Мы же, со своей стороны, приняли решение провести такой единый экзамен пока только по татарскому языку, результаты которого могут быть засчитаны при поступлении на те факультеты, где сдают этот предмет в качестве вступительного экзамена. В целом же это решение зависит от федерального Министерства образования.

-- Наверное, трудно соблюсти паритет в отношениях со многими ректорами вузов в таком известном своими университетами городе, как Казань?

-- Конечно же, непросто. Ну а в целом можно сказать, что у нас идет созидательная творческая работа.

Михаил ДОВЖЕНКО

В КАЗАНИ ЗНАЮТ, КАК ПОМОЧЬ СИРО ТАМ

Хорошо, что есть еще у нас добрые люди, которые жалеют сирот и оказывают помощь детским домам. Но гораздо важнее, когда милосердие не ограничивается разовыми акциями и кто-то берет на себя ответственность за судьбы обездоленных детей

В апреле в казанском филиале Санкт-Петербургского военного артиллерийского университета случилось необычное пополнение: девять мальчишек -- все круглые или социальные сироты -- стали воспитанниками артиллеристов. Отбирали их словно по конкурсу, только искали в школах и детдомах не лучших из лучших, а самых трудных и неблагополучных подростков.

Настоящее соревнование проводилось и среди подразделений университета -- ребят доверили победившей 41-й батарее. Теперь воспитанники живут в одной казарме с курсантами, в отдельном, тщательно отремонтированном кубрике. Часть дня, как и положено в 13 -- 15 лет, учатся в общеобразовательной школе, а остальное время посвящают военному делу. Рядом постоянно находится курсант-воспитатель Сергей Платонин. Он стал для ребят и наставником, и другом, и старшим братом одновременно.

«Вначале было сложновато, -- вспоминает Сергей, -- у всех непростые характеры, безрадостное детство. Но пацаны быстро привыкли к нормальным человеческим отношениям, почувствовали силу коллектива и теперь стоят друг за друга горой. Учатся с удовольствием, вместо двоек и троек все чаще четверки с пятерками получают. Годовые экзамены в школе сдали успешно, добились хороших показателей в строевой и огневой подготовке».

Распорядок дня у мальчишек почти как у взрослых курсантов, только физические нагрузки поменьше. Без четверти семь -- подъем и получасовая зарядка, после завтрака -- час на строевую подготовку и изучение Устава, следующие полтора часа -- тренировка на стадионе или в тренажерном зале, до обеда -- выполнение домашних заданий, после обеда -- учеба в школе, а вечером, после ужина и еще одного занятия по общевоинским дисциплинам, -- личное время для просмотра телепередач, настольных игр или чтения. Если, конечно, силы остаются.

«Наши воспитанники справляются, -- говорит подполковник Фарит Габдрахманов. -- По рекомендации психологов мы постепенно подводим их к армейской службе, но все должно быть по-настоящему. Мальчишки у нас особенные, побросала их жизнь, поиздевалась над ними... Пришли к нам с потухшими глазами, с недетским опытом. А сейчас просто преобразились! Конечно, мы хотим помочь воспитанникам стать защитниками Отечества, по желанию они смогут вне конкурса поступить в военный университет. Но главное, чтобы ребята выросли достойными людьми».

У Женьки Щепанова из родни, по существу, осталась только сестра. Отца нет, мать лишена родительских прав. Свою детдомовскую жизнь он вспоминает неохотно: «А что там хорошего? Мы с ребятами не учились совсем и уроков не делали. Так, болтались где попало, гуляли сколько хотели. Военная жизнь лучше, чем на гражданке, здесь многому можно научиться. Нам уже из настоящего оружия дают пострелять! В школу мы ходим в военной форме -- все завидуют, девчонки за нами бегают».

Женька не сочиняет и не хвастается. Он просто гордится: своим новым положением, настоящими друзьями, доверием взрослых.

Два раза за последний месяц воспитанники выезжали на стрельбы. Причем не в войну играть, а огневой подготовкой заниматься. Им действительно доверяют боевое оружие. Разумеется, стреляют они под надежным присмотром. На последних стрельбах

воспитанник Щепанов учился заряжать артиллерийское орудие, а помогал ему генерал-майор Александр Бородин. Это начальник казанского филиала Санкт-Петербургского военного артиллерийского университета и самый главный друг ребят.

Марина МЕДВЕДЕВА

На фотографиях:

- ДВА РАЗА ЗА ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ ВОСПИТАННИКИ ВЫЕЗЖАЛИ НА СТРЕЛЬБЫ. ПРИЧЕМ НЕ В ВОЙНУ ИГРАТЬ, А ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКОЙ ЗАНИМАТЬСЯ
- ИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДОВЕРЯЮТ БОЕВОЕ ОРУЖИЕ
- ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ НА ГРАЖДАНКЕ, ЗДЕСЬ МНОГОМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ
- В материале использованы фотографии: Михаила МЕДВЕДЕВА (ИТАР-ТАСС)

ПЛАСТИЛИНОВАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

У каждого государства есть свои исторические мифы. В оправдание своей правоты, в доказательство своей исключительности. Только вот наши мифы какие-то не самооправдательные, а скорее самообвинительные. О том, насколько «растяжима» наша отечественная история, журналу «Огонек» рассказывает доктор исторических наук советник Президента РТ по политическим вопросам Рафаэль Хакимов

В истории России заложены два капитальных источника -- Киевская Русь и Золотая Орда. И от этого никуда не уйти, сколько ни переписывай историю

ОПРАВДАНИЕ ТАТАР

Рафаэль Сибатович начал с места в карьер и сразу отрубил себе все пути к отступлению:

-- Обычное традиционное мнение, что это нашествие жестокое и что Россия оказалась отброшенной в своем развитии аж на триста лет из-за татаромонгольского нашествия, это, конечно, полная чепуха.

-- Минуточку, эту фразу мне надо запротоколировать. Она потом будет предъявлена вам в обвинении... Теперь давайте свои аргументы. Я хочу понять, в чем ошибалась моя школьная историчка.

-- Аргументы простые. Говорят, татары покорили Русь. Когда началось татаромонгольское нашествие, то существовали девять суверенных независимых княжеств. Это XII век. И о какой России тогда можно было вести речь? Не было России как таковой. Киевская Русь распалась, существовали отдельные княжества. И вот появились монголы, татаромонголы, так скажем, для честности. Иногда в литературе его смягчают, говоря о «монголах и примкнувших к ним отдельных татарских племенах», как бы щадя самолюбие татар, но в принципе и татары, и монголы шли вместе. И монголы опирались на тюркские племена, на тюркские традиции построения войск.

Когда появились татаромонголы, русские княжества занимались междоусобицей и, если выражаться нынешней терминологией, «мочили» друг друга. Причем Ключевский это все описывает в самых неприглядных фразах: «Было озлобление... Друг друга они нещадно крушили...» И только гроза хана останавливала междоусобицу. То есть польза была хотя бы от этого. Это раз. Потом для русских людей литовцы-тевтонцы представляли гораздо большую угрозу нежели татары. Тевтонцы, когда шли, навязывали свою культуру, католицизм. А по ясе Чингисхана все религии были равны. Там, где тевтонцы прошли, не оставалось православных церквей. А Чингисхан относился равно ко всем религиям, причем освобождал их от налогов. Кстати, татарская дань была «десятина» -- десять процентов. Это само по себе было щадящим налогообложением, такая «офшорка» в нынешней терминологии.

Для того чтобы показать варварство, жесткость татар, нередко используется отдельный пример -- Козельск.

-- Да, я помню, в школе учил, «как татары сожгли «злой» город Козельск». За отказ сдаться.

-- Да, это через школьные учебники доходит до сознания каждого ребенка. Так вот, там правда, но правда недосказанная. Насколько я осведомлен, татары, когда осаждали город, посылали парламентаров. И через них город извещал о своем выборе: или сопротивляться, или сдаваться. Если первое, то его осаждали и брали. Двух парламентаров всегда посылали. В Козельске был случай достаточно дикий для того времени. Руководство, говоря современным языком, этого города приказало отрезать головы парламентарам. И выкинуть их за крепостную стену. И в ответ было то, что было. Но нигде ведь не говорится о факте казни парламентаров! А ведь в то время парламентары считались неприкосновенными. Да, осада и сожжение Козельска были, но это был всего лишь один «частный» случай. По ясе Чингисхана парламентаров трогать нельзя было. Если их убивали, город подлежал сносу с лица земли.

-- Яса -- это типа нашей Конституции? Уголовно-административного кодекса?

-- Да, яса -- это свод законов Чингисхана. Монголы были не более и не менее жестоки, чем все Средневековье. Я не хочу идеализировать, но Крестовые походы в Европе, инквизиция -- все это было общей атмосферой той эпохи. Эта деталь тоже обычно опускается, а она важна. Нельзя оценивать события прошлого по сегодняшним меркам.

-- Историческая правда всегда использовалась государством в своих интересах и в политических целях.

-- Да, этот момент есть. И когда говорят «история», в этом всегда есть очень большая доля идеологии. От этого отрешиться очень трудно. То есть чисто объективно написать историю очень нелегко. В принципе сейчас, в XXI веке, такая объективная история существует, особенно относительно недавнего XX века, но если взять XIX, XVIII века и дальше, то чем глубже в историю, тем больше фантазии. Потому что раньше она воспринималась исключительно как идеология и как возможность конструировать нужные сюжеты для того, чтобы воздействовать на массы, мобилизовать их на какие-то подвиги.

Собственно, у каждого государства есть свой исторический миф. Оправдание своего существования, оправдание своей правоты. Так в любом государстве. Но у нас мифы создавались активнее, чем у других. Фоменко, Носовский приводят совершенно необычные интерпретации и выкладки, но ведь они исходят из одного совершенно верного факта, что при Петре, при Екатерине историю России начали переписывать «под Запад». Фактически начало этому положил Петр. Он решил оборвать от России все ее золотоордынские корни.

-- А они у нее были?

-- Были. Ведь что такое, скажем, Собор, соборность, выборность царя высшими слоями? Это прямое наследие курултая Казанского ханства. Кстати, многие академические историки, особенно западные, прямо говорят: царь -- синоним хана. Курултай -- синоним Собора. Выборы царя -- то же самое, что выборы хана. Потому что и в Золотой Орде, и в ханствах -- Казанском, Сибирском, Крымском -- ханы везде были выборные. Была некая очень своеобразная средневековая демократия. Хана выбирали.

-- А что, русские земли и русские князья тоже участвовали в татарских демократических выборах?

-- Да, русские улусы, русские княжества тоже участвовали. И за эти заслуги, за то, что Александр Невский поддерживал «на выборах» Бату-хана, тот дал ему войско во главе с найоном (маршалом) Неврюем. Неврюй во главе сорокатысячной конницы помог Александру Невскому оттеснить тевтонцев с западных рубежей. Сорокатысячная армия -- это огромная сила. Это же конница, которая практически не знала поражений. У воина было три коня, он пересаживался с одного на другого, потом -- на третьего, если конь устал, мог спать в седле. Обоз останавливался, телеги ставились в круг, делался «курень». Что-то подобное сохранилось у казаков. Вообще казаки -- это последний живой

рудимент системы Чингисхана. Сегодня нигде больше нельзя увидеть ее вживую. Потому что сама их жизнь -- подготовка к войне, и ничего другого нет, кроме войны. Я бы не хотел этот период идеализировать никоим образом, потому что историю нет нужды идеализировать. Но, с другой стороны, расцвет православных монастырей приходится на золотоордынский период. Увеличивалось их количество, шла их экспансия на Север. Весь языческий Север стал православным именно в золотоордынский период. Т.е. «медвежьи углы», как они назывались, языческие, потому что поклонялись медведю, они стали Святой Русью при татарах. Это факт. Кстати, еще один плюс в татарское «оправдание».

ИСТОРИЮ ПОДМЕНИТЬ ПРОЩЕ, ЧЕМ РЕБЕНКА

-- А как получилось, что при Петре у нас подменили историю? И, кстати, до него-то все было правильно?

-- Относительно. До Петра восточные культура и традиции не были Руси чуждыми. Иван Грозный по-татарски хорошо говорил, Борис Годунов вообще был татарских корней, из рода хана Чета. Тем не менее его избрали царем. Когда он шел в цари, он ведь был неродовитый, но -- шурин Ивана Грозного и к тому же талантливый менеджер. В качестве альтернативы ему выдвигали более родовитого Симеона Бекбулатовича, касимовского хана. Это была прямая ветвь от Чингисхана.

-- И эта прямая ветвь могла стать нашим царем?! Кошмар! Тут прямая ветвь, тут потомок...

-- Да перестаньте вы расстраиваться, к тому периоду надо относиться немножечко отвлеченно. И отходить от наших старых догматичных привычек. Мы ведь воспринимаем всю эту эпоху как борьбу татар с русскими, мусульман -- с православными. На самом деле тогда все было гораздо сложнее, но не так остро.

Это было время непрочных союзов, как бы конфедерации Крыма, Москвы и Казани. В основном против Большой Орды -- Астрахани и всего остального. До начала XVI века не было никаких войн, была лишь конкуренция. Равновесие поломал Иван Грозный, причем не столько из геополитических соображений, сколько в силу собственных дурных взглядов и характера. Он ведь не только Казань сжег, то же самое он сделал и с Новгородом и Псковом. Просто за то, что там были некие элементы демократии и вообще «шведское порождение». Он этого не терпел.

А потом появляется Петр со своим чисто западническим направлением. Шло тотальное насаждение Запада. И историю начали переписывать в соответствии с этими установками. Вызвали немецких историков, которые стали все писать заново. И

Карамзин, кстати тоже татарин (из рода Кара Мурзы), первым дал официально новую версию истории. У Татищева все было по-другому, но все татищевские архивы куда-то исчезли. Скорее всего, были умышленно уничтожены, потому что, если переписываешь историю, старой версии оставлять нельзя. Идеология должна быть единой. Другие мнения должны исчезнуть. Собственно, при советской власти по решению партии занимались тем же. Чистили архивы, фотографии, воспоминания...

-- Мнение, отличное от нашего, ошибочно и неверно.

-- Петру это было надо. Он ориентировался на Запад, он отошел от Москвы, она его не устраивала, она была слишком восточной. Москва вышла из Золотой Орды, она порождение Золотой Орды, она наследница Золотой Орды. Князь Трубецкой (не татарин!), его нельзя заподозрить в симпатиях к татарам, но это он говорил, что, когда распалась Золотая Орда, столица Орды из Сарая перекочевала в Москву.

Ведь как Москва стала столицей? Она собирала татарскую дань, подминала под себя князей, часть дани оставляла у себя, за счет этого росла как на дрожжах, потом перетащила к себе митрополита и патриарха. Она стала столицей благодаря собиранию татарской дани. Она не могла быть против Золотой Орды. И против восточных традиций, поскольку вышла оттуда.

-- А что мог получить Петр от переписывания истории, от того, что он сменил собственные корни?

-- Многое. Ведь тогда возник вопрос: что делать со страной дальше, как развиваться государству, где взять лучшие технологии? Где лучше оружие в конце концов? Естественно, Восток был в этом отношении уже непривлекателен. Он уже загнивал, а Европа как раз поднималась. Там были и пушки, и корабли, и все технологии, и образование, и университеты. Поэтому Петр взял ориентацию на Европу. Но чтобы общественное сознание было западным, надо было переписать в удобный формат всю историю.

Будущее все равно заложено в истории, от этого никуда не уйти. Можно ей сопротивляться, можно попытаться ее сломать, как Петр, как Екатерина. В истории России заложены два капитальных источника -- Киевская Русь и Золотая Орда. И от этого никуда не уйти, сколько ни переписывай историю. Она сидит в гено типе, а не в учебниках. И в нашем гено типе сидят как православие, так и ислам. Ислам приняли в 922 году в Булгарах, православие приняли в 988 году. Эти два истока остаются, от них никуда не уйти. И Россия в будущем может развиваться только как славяно-тюркское православно-мусульманское государство.

И если большие политехнологии этого не поймут, то в стране не будет ни стабильности, ни будущего. Да, мы все перемешаны. Но это сложный симбиоз, а не слияние, слиться это не может, это слишком разные культуры. Но они уже не могут друг без друга, они уже привыкли сосуществовать вместе. И это большая ошибка -- продолжать подавление одного другим.

На фотографиях:

- «СЮЮМБИКЕ». КАРТИНА ИЛЬЯСА ФАЙЗУЛЛИНА
Дмитрий АКСЕНОВ

В материале использованы фотографии: Александра БАСАЛАЕВА

ЧЕМ ДЕМОКРАТИЧНЕЕ РОССИЯ, ТЕМ ОНА ПРОЧНЕЕ

Вы никогда не пробовали жить вдали от своих родственников, друзей и просто хороших знакомых? Не самые радостные ощущения, не правда ли? А ведь многие народы на земном шаре живут сегодня именно так -- по всей планете Земля. Татары относятся к тому типу народов, которые живут по всему миру, однако связи друг с другом, вне зависимости от того, где находятся, стараются не терять. Поддержкой и развитием таких связей занимается сегодня Всемирный конгресс татар, с председателем исполкома которого Индусом Ризаковичем Тагировым мы и пытаемся выяснить подробности годами складывающейся ситуации

-- Татары, вне зависимости от того, где они проживают, как правило, отличаются такой духовной сплоченностью, что постоянно заявляют о себе как о неотторжимой части татарского народа

-- Известно, что татарский народ дисперсно живет во многих странах мира, -- говорит Индус Ризакович, -- в том числе и в России. Ведь только 25 процентов российских татар проживают в Татарстане, остальные разбросаны по просторам нашей страны. Например, рядом с Татарией, в Башкортостане, живут 1 миллион 200 тысяч татар. Но и во многих других регионах страны в немалых количествах проживают татары. Взять, к примеру, Астраханскую область, где их также много, или Саратовскую область -- там тоже 58 -- 60 тысяч татар наберется.

-- А есть ли какие-то особенности в образе жизни этих групп татарского населения?

-- Татары, вне зависимости от того, где они проживают, как правило, отличаются такой духовной сплоченностью, что постоянно заявляют о себе как о неотторжимой части

татарского народа. Причем это чувство общности отрицает разделение нации на какие-то группы, которые могут выделяться этнографами. Один кряшен из Нижнего Новгорода мне даже в шутку как-то сказал, что он бы так никогда и не вспомнил, что он кряшен, если бы я ему не напомнил, он всю жизнь считал, что он только татарин. Очень многие люди сейчас говорят о том, что они и хотели бы заявить, что они, к примеру, мишары, но, поскольку в таком случае речь заходит о каком-то возможном расчленении нации, они отказываются от этого.

-- Татарские диаспоры есть и за границей. Как там обстоят дела?

-- Действительно, диаспоры татар есть и в других странах, даже в США. Например, в Хельсинки татарской общине принадлежит шестиэтажный дом в центре города, на котором изображен полумесяц, и мечеть у них там есть. Причем ни один финн никогда еще не проявил какого-то недовольства по отношению к этой диаспоре. Финляндия даже присоединилась к Европейской «Хартии языков малых и коренных народов», согласно которой каждый представитель малой народности имеет право получать образование на языке своего народа. Это же сильнейший документ!

-- Какую роль играет религия в процессе объединения татар?

-- Большую. Ведь именно ислам не дает татарам полностью ассимилироваться. То есть если ты мусульманин, то тебя отведут в определенную мечеть и Иваном уж точно не назовут. К тому же человек ведь где-то умирает, а хоронить его надо по своим, совершенно определенным законам. И кто это сделает, как не община? Сохранился, как известно, и язык, несмотря на рассеянность татар по миру.

-- Но ведь возникают и проблемы...

-- Безусловно. К сожалению, определенные круги сейчас иницируют такое «сжатие» татарской нации, что зачастую приводит в движение определенные силы самосохранения. Ведь русский народ -- это народ имперского государства, и об этом не следует забывать. Русские всегда по отношению к другим народам выступали в качестве «старших братьев». Никто, конечно, в этом не повинен, но эти особенности национального менталитета все равно проявляются в каждой имперской нации. Просто нужно стараться от подобных имперских амбиций избавляться, с тем чтобы все-таки обеспечить единство Российской Федерации. Я, например, всегда выступал за такое единство народов на территории России. Я принципиальный сторонник сохранения целостности России как нашего общего дома. Без нее я себя плохо представляю.

-- А какой должна быть Россия?

-- Россия, как мне кажется, должна быть «асимметричной» федерацией, то есть все ее субъекты должны иметь разные права. И не потому, что кому-то прав нужно больше или меньше. Ведь Борис Ельцин был прав, заявив в свое время: берите суверенитета, сколько сможете. Скорее всего, каким-то регионам и не нужно столько суверенитета, сколько они могли бы получить. Больше, чем можешь, не проглотишь, так что -- бери,

попробуй переварить. Сначала заберешь, а потом принесешь назад, никуда не денешься. И сейчас некоторые регионы несут назад свои договоры. Но взамен требуют деньги. Так, по-моему, Россия развиваться не может. Она, как мне кажется, должна ставить вопрос об обеспечении самодостаточности всех регионов. Вот к этому надо стремиться. И если это будет сделано, Россия пойдет вперед семимильными шагами. А пока всю эту российскую «телегу» тянут какие-то десять регионов, из которых остальными территориями выжимаются все соки, никакого прогресса ждать не следует. Если все будет развиваться по такому сценарию, это приведет лишь к обнищанию России. А Россия такая большая и великая страна, что в ней всяким свободам есть место. Всяким экспериментам простор найдется. Нужно лишь их осуществлять. Давайте, например, возьмем какую-нибудь самую захудалую область и проведем эксперимент по превращению ее в самодостаточный регион. Или можно, например, укрупнять регионы. Правда, имея при этом какие-то четкие хозяйственно-экономические обоснования. Дело не в том, чтобы начать приводить все к одному знаменателю, что в принципе невозможно. Ведь, если мы будем ущемлять этнос, если он почувствует урезание прав его языка, его самоидентификации, то это, безусловно, вызовет недовольство и протест с его стороны. Поэтому разделение России на семь округов, что было сделано недавно, ни к чему, по-моему, не приведет. Нужно все-таки производить деление с учетом традиционных национальных характеристик отдельных этносов, но делать это так, чтобы в результате на этой территории компактно проживало как можно большее количество мононационального населения.

-- Какова в такой ситуации роль той организации, которую вы возглавляете, -- Всемирного конгресса татар?

-- Всемирный конгресс татар выступает за то, чтобы татары наконец-то получили возможность консолидации вокруг одного языка, одной культуры, одного образования. Это всецело соответствует международным стандартам и Конституции России, поэтому я думаю, что Россия как государство должна гарантировать такое право. И по возможности работать в этом направлении. Ну а наш конгресс уже осуществляет определенную деятельность в этой области. У нашего конгресса имеется более 175 местных организаций, которые в силу своих возможностей ведут работу по созданию национальных образований. Причем язык всегда на первом месте. То есть ведется работа на национальном языке в детских садах, школах, трудовых коллективах. Масштабная работа ведется в связи с праздником Сабантуй. И с большим удовольствием я констатирую факт, что наш национальный праздник Сабантуй уже становится общенародным, общероссийским. Помните, как у Твардовского? «Большой туй, большой праздник, праздник всех». И сегодня в таких областях, как Саратовская, Тюменская, этот праздник отмечался как областные мероприятия. Кроме того, появляется традиция

межрегиональных сабантуев. В прошлом году в городе Тольятти в этом празднике участвовали восемь регионов. Причем участвовали со своими борцами, певцами. На этой почве и идет процесс единения нации. В этом, в частности, и заключается наша работа. Кроме того, мы проводим различные выездные заседания по регионам, где каждый руководитель региона отчитывается по поводу того, что было сделано в отношении татар за год. В результате мы создаем в регионах особую диалоговую систему, где власть имеет механизм общения с обществом. А где есть такая система, впоследствии складывается гражданское общество. Так что наш конгресс работает на то, чтобы в России создавалось гражданское общество. Ведь чем демократичнее будет Россия, тем она будет прочнее.

-- Насколько успешно вы взаимодействуете с руководством республики в реализации своей социальной функции?

-- Через нас как через общественную организацию аккумулируется мнение народа, которое потом идет к руководству республики. И если это мнение не доходит, это плохо. Если же руководство его не слышит -- еще хуже. Но оно, к счастью, его пока слышит. Так что у нас складываются нормальные отношения с руководством республики. Решаем одни и те же проблемы Татарстана. Ведь посмотрите, что сейчас происходит. Бесконечные протесты прокуроров Российской Федерации по поводу Конституции. И даже уже к новому варианту Конституции у них готов новый протест. Но зачем это делается, я не понимаю. Мы-то выход найдем, обратившись к народу. Мы же ничего плохого не хотим, но ведь это плохо для России.

-- Не принимал ли ваш конгресс участия в урегулировании каких-либо современных этнических конфликтов?

-- Мы неоднократно вносили свои предложения, чтобы опыт мирного межнационального сосуществования был принят на вооружение при урегулировании конфликтов в Чечне. Лично я ездил в этот регион, встречался с людьми (с Масхадовым, Дудаевым). Они-то как раз считали, что наш опыт им может помочь. Кроме того, в свое время документ об опыте урегулирования конфликтной ситуации в Татарстане был положен на стол участникам переговоров в Рамбуйе. К сожалению, наша инициатива пока осталась безрезультатной, а, казалось бы, Россия уж точно должна гордиться опытом Татарстана в этих вопросах и везде его пропагандировать.

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Андрея ТИТОВА, Михаила МЕДВЕДЕВА (Итар-ТАСС)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Грани «Алмаз-холдинга»

Интереснейшим моментом в истории «Алмаз-холдинга» является сама человеческая судьба. «Алмаз-холдингом» управляют два брата и сестра -- Фарид, Флун и Хидая Гумеровы, которые занялись ювелирным делом, «земную жизнь пройдя до половины», добившись многого, состоявшись профессионально и человечески

Можно было бы начать рассказ об «Алмаз-холдинге» и семье Гумеровых с их возвращения на родину. Возвращения, не похожего ни на притчу о блудном сыне, ни на утверждение, что нет пророка в своем Отечестве. Пышный въезд на слонах, победная музыка, приветственные крики народа... Мой собеседник Фарид Фагимович Гумеров, генеральный директор «Алмаз-холдинга», прежде всего человек дела, а уж потом искусства, посмеялся бы над такой художественной картиной из индийского кино... Чего придумывать? Пусть сам расскажет.

-- Основу нашей компании составляют известные еще с советских времен ювелирные заводы. Президент холдинга -- мой младший брат Флун. Он окончил Казанский инженерно-строительный институт, работал в Москве начальником строительного управления. Когда появилась возможность, создал строительный кооператив. Познакомился с людьми, работавшими в ювелирном бизнесе, организовал оптовое торговое предприятие.

Компания «Алмаз-холдинг», созданная в 1993 году как оптовая, успешно развивалась. В 1998 году администрация Костромской области, обеспокоенная состоянием Красносельского ювелирного завода, пришедшего в упадок и находившегося на грани банкротства, обратилась к нашей компании за помощью. Этот знаменитый завод ведет свою историю со времен Бориса Годунова. Откликнувшись на просьбу администрации Костромской области, команда «Алмаз-холдинга» разработала четкую программу его развития в современных условиях, сформулировала конкретные задачи, одна из которых -- доказать, что наши мастера ничуть не хуже зарубежных. При поддержке губернатора области завод был полностью восстановлен, стал рентабельным, дает прибыль. Вернулись рабочие, закипела жизнь. Более того, завод стал одним из лучших в России. Здесь сейчас работают более тысячи человек, а генеральным директором является Флун Гумеров. В 1999 году в Орле мы построили ювелирный завод «Золотой Орел», который в настоящее время выпускает более тысячи наименований ювелирных изделий.

-- А как вы вернулись в Татарстан?

-- Можно сказать, благодаря руководству Татарстана и особенно Президенту Минтимеру Шариповичу Шаймиеву. Он поразительно тонко разбирается в ювелирном искусстве и его проблемах, подходит к ним серьезно, как руководитель оказывает реальную поддержку.

С Президентом Шаймиевым Флун познакомился на ювелирной выставке в Казани три года назад. Президент смотрел наш стенд, узнал, что мы не просто выходцы из Татарстана, работающие в Москве и Костроме, но еще и его земляки -- мы выросли в деревне Чечер Актанышского района, соседней с родной деревней Президента. И вот он предложил нам возродить национальное ювелирное искусство в Татарстане. В Казани работают ювелиры-«домушники», существуют небольшие мастерские, которые выполняют индивидуальные заказы. Крупного производства, в котором использовались бы богатые традиции национального татарского, казанского ювелирного искусства, воссоздавался бы его стиль, сегодня нет. Нас заинтересовало предложение президента, мы обратились к историкам, искусствоведам, художникам, изучающим национальное искусство. Это богатейшие традиции! В нынешнем году вышла книга «История ювелирного искусства России», так там много страниц посвящено татарскому искусству. По предложению президента Шаймиева была разработана программа развития ювелирной промышленности во всем Поволжском регионе с центром в Казани. Мы выкупили полуразрушенное, некогда красивое здание, занимающее удобное место. Его реконструировали, фактически построили заново, сохранив исторический вид. На этом месте, в центре Казани, жили купцы, богатые люди. Где же еще располагаться ювелирному салону? Открыли магазин, а со временем здесь же, на третьем этаже, планируем открыть ювелирные цеха.

Сегодня у нас три магазина в Казани, три -- в Набережных Челнах, по одному в Нижнекамске, Альметьевске и Чистополе...

-- Вы сказали о своеобразном казанском ювелирном стиле, в чем же своеобразие?

-- У казанских ювелирных изделий всегда были свои особенности. Купцы сотрудничали со странами Востока, Средней Азии. Торговля развивалась, усиливались связи и с европейскими мастерами. Так что в Казани встретились традиции, культуры Востока и Запада, и это отразилось в ювелирных изделиях, в их стиле. Получился своеобразный синтез. Это видно уже в древних ювелирных изделиях, найденных при раскопках. Кроме того, свои национальные черты существуют у ювелирных изделий, изготовлявшихся в Чувашии, Удмуртии, Башкирии. Нам интересно проследить, как их стиль отражается в казанских изделиях, но интересно и создание национальных украшений именно этих народов. В этом направлении ведется серьезная работа. По просьбе Президента в

Казанском Кремле нам выделена площадь в 300 кв. метров для размещения музея ювелирного искусства. Ведется кропотливая работа. Очень тяжело, но и очень интересно. И очень ответственно. Практически готов художественный проект помещения музея, который должен будет вписаться в Кремль, его эстетику и историю. Здесь же расположится цех -- мастерам можно будет заказать изделие. И пока туристы в течение двух-трех часов будут осматривать достопримечательности Кремля, заказ будет выполнен. Работа может выполняться и на глазах заказчика. Кремль -- историческое место. И мы можем войти в историю. Многие брались за воссоздание национального искусства, но не могли дойти до конца. Мы верим в успех начатого дела. На днях будем докладывать Президенту по проекту музея. Администрации, руководителям Кремля эскизы музея понравились.

-- Из какой вы семьи? И как вы лично пришли в ювелирное дело?

-- Мы с братом шли по жизни разными путями, но пришли к одному, и, наверное, не случайно. Я юрист, полковник милиции, ушел на пенсию с должности начальника криминальной милиции одного из отделов Московского УВДТ. Оперативный стаж в органах МВД -- 27 лет. Часто приходил после работы к брату на фирму. Смотрел, интересовался. И он мне предложил возглавить дело в этом регионе. Сейчас ведется капитальный ремонт в двух известных магазинах Казани -- «Яхонт» и «Гранат», находящихся в собственности компании. На свои средства построили третий магазин. Одна сестра работает заместителем брата в Москве, другая ведет дела в Уфе. Родители были простыми людьми -- отец в молодости работал на шахте, потом они переехали в село, стали колхозниками...

-- Во многом на всю жизнь человека влияет семья. Для вашего бизнеса, для жизни в современных условиях она вам что-то дала?

-- Конечно! Мы ведь люди, воспитанные в сельской местности, -- в семье были четкие правила, мораль. Нас учили -- нельзя обманывать, нельзя брать чужое. Если у соседа растет яблоня и наклоняет ветви в твой сад, яблоки рвать нельзя.

Есть официальные данные, по которым у нас в России, к сожалению, «теневой» оборот драгоценных металлов и камней составляет

60 процентов. Каждое второе изделие -- это подделка. Мы не продавали и не продадим ни одного изделия сомнительного происхождения -- принципиально. И поэтому мы в выигрышном положении на рынке. Нам доверяют.

Ювелирные украшения должны приносить людям радость. На чужом несчастье, на обмане свое счастье не построишь. Может быть, человек ради красоты собрал последние деньги, купил вещь и не знает, в чем же он ходит... Ко мне обращаются знаменитые люди.

Покупают для каких-то торжественных случаев, для близких людей подарки. Сегодня, когда любое стекло можно «превратить» в бриллиант, когда есть такие инструменты, которые любой металл могут довести до золотого блеска, покупатели должны быть уверены в подлинности изделия. Наша популярность -- следствие нашей добросовестности. Знаете, как говорили раньше: честь выше прибыли и денег. Чтобы заработать прибыль, нужно сначала заработать репутацию, хорошую репутацию. Потом уже и деньги будут.

-- В начале 90-х, когда вы создали компанию, людям, наверное, было не до драгоценностей. Да и сейчас многие ли могут себе позволить покупку дорогих украшений, посуды?

-- В свое время в Набережных Челнах остановился из-за пожара завод. И очень большое количество людей осталось без работы. А мы как раз открыли там наш первый магазин. И вот, несмотря ни на что, люди покупали украшения. Покупательная способность вроде бы должна в тяжелые социальные моменты падать, но наоборот -- имеет четкую тенденцию к увеличению. Может быть, потому что растет стремление к красоте. Как говорил Достоевский, еще ни одна нация не умирала от недостатка куска хлеба, а умирала от потери языка, культуры, традиции. А ведь ювелирное искусство -- часть культуры народа. Любой человек, независимо от возраста, образования, рода занятий, имеет потребность иногда создавать себе праздник, хочет петь и слушать песни, в любые времена идет в театр, в кино. Наверное, у ювелирного и театрального искусства одни корни -- они приносят людям радость, праздник.

Сначала они стали ведущими ювелирами России, вышли на Запад. Приобрели авторитет. Потом -- ювелирами Татарстана, призванными Президентом республики возрождать национальное ювелирное искусство. Судьба вела их разными извилистыми путями, а привела к одному -- сначала к успеху, а потом к истокам. К родной земле, где живут люди одной с ними крови, традиции, красоты.

Петр БЕЛКИН

На фотографиях:

- ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО ДЛЯ КОРАНА. СЕРЕБРО 9250, ФИЛИГРАНЬ, ЭМАЛЬ, ЗОЛОЧЕНИЕ
- ФАРИД ФАГИМОВИЧ ГУМЕРОВ , В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВ

КРОВЬ У ВСЕХ ОДИНАКОВО КРАСНАЯ, И ДЕЛИТЬ НАМ НЕЧЕГО

Первое, что поражает при знакомстве с этим человеком, так это его энергия. Создается впечатление, что он одновременно находится в разных местах. Кажется, что, говоря быстро, думает он еще быстрее. Муфтий и вместе с тем ректор Российского исламского университета Гусман хазрет Исхаков -- персона очень и очень занятая, поэтому, «сильно извиняясь перед господами журналистами», он просит их сначала пообщаться с его помощником Абдурашидом хазретом Захировым, проректором по учебной части того же учебного заведения.

-- Абдурашид хазрет, расскажите об Исламском университете. Когда он появился, по чьей инициативе и какие предметы сейчас преподаются в этом вузе?

-- Это произошло в марте 1998 года, когда новый муфтий Гусман хазрет решил организовать университет в здании бывшей мечети. Осенью 1998 года мы набрали студентов на шариатский факультет, составили программы, расписание -- и начали заниматься. То есть начали уже более или менее полноценную деятельность. Инициатива исходила и со стороны руководителей республики, и со стороны духовенства. Основная цель -- это подготовка отечественных ученых-исламоведов, религиоведов, духовных деятелей, и не только с религиозными, но и светскими знаниями. Это как раз и определило характер нашей деятельности. Преподаются у нас в основном религиозные исламские предметы, хотя на старших курсах мы изучаем и другие конфессии. Дополнительно -- светские предметы, такие, как языки -- татарский, арабский, русский, английский. С первого курса преподаются информатика, история России и Татарстана, психология, педагогика. Кроме того -- история религии, философия, риторика, в общем, предметы гуманитарного направления.

-- Сколько лет учатся студенты в вашем университете?

-- У нас бакалавриат -- четыре года. А насчет диплома -- тут с государством, с российским Министерством образования еще надо определиться. Мы бы хотели, чтобы у нас были и свой и государственный дипломы. Однако нам говорят, что религиозному учебному заведению не могут дать право выдавать светский диплом, так как религия в России отделена от государства. И мы либо должны готовить религиозных деятелей, либо преподавать по светским направлениям. Но ведь иметь возможность давать два диплома хотим не только мы, но и христианские учебные заведения, семинарии.

-- А могут ли у вас учиться русские, немусульмане?

-- Немусульмане -- нет, атеисты -- тоже. У нас в уставе университета записано, что человек, который поступает сюда учиться, работать или что-то делать (даже обслуживающий персонал), должен знать и соблюдать основы ислама. У нас работают женщины -- они одеваются согласно исламским требованиям, мужчины тоже. Но нет очень строгих требований.

-- С какими зарубежными университетами вы поддерживаете наиболее тесные контакты?

-- Мы стараемся поддерживать контакты с теми учебными заведениями и университетами, которые близки нам по духу, требованиям, направлению. В настоящее время мы поддерживаем связи с двумя университетами: один из них в Иордании, мы там даже два года назад побывали и стажировались по арабскому языку -- и студенты и преподаватели. Там действительно и христиане и мусульмане учатся вместе. Это негосударственный университет, но там есть и религиозные и светские факультеты. В прошлом году к нам оттуда приезжали преподавать два доктора. У нас большой дефицит преподавателей высокого уровня по религиозным наукам, и таким образом тоже выходим из положения. А вот наши студенты-старшекурсники, будущие выпускники, стажировались сейчас в Каирском университете. Это один из самых древних университетов в мире, он очень большой. Там тоже сильны и религиозное и светское образование.

-- Как вы относитесь к тому, что в последние годы, в связи, например, с событиями в Чечне и Нью-Йорке, ислам стал ассоциироваться с терроризмом?

-- Знаете, мы изучаем ислам по его источникам и с уверенностью можем сказать, что никакого отношения к истинному исламу терроризм не может иметь. Что касается тех людей, которые называют себя мусульманами, а решают какие-то другие задачи и, может быть, выполняют чьи-то заказы, -- тут уж каждый отвечает за свои действия сам, но нельзя считать, что они истинные мусульмане. Наше отношение такое, что если кто-то что-то совершил, если выдвигается обвинение, то обязательно должно быть доказательство. Просто так, голословно создать такой образ и применять его в каких-то идеологических целях -- это мы уже прошли в советское время, и в принципе это очень опасные дела. Сейчас ведь кое-кто хочет разделить цивилизацию на две части -- мусульманство и весь остальной мир, но это ни к чему хорошему не приведет. Сами же мы не различаем людей ни по цвету кожи, ни по национальности, ни по социальному положению, то есть мы понимаем так, что ислам ниспослан для всех людей, у нас нет предубеждения, что русские, или чуваша, или кто-то еще недостойны нашей религии и не могут следовать ее требованиям. Мы к любому человеку относимся как к потенциальному брату, если он в принципе признает существование ислама. Такое миротворческое начало есть в исламе изначально.

У присоединившегося в этот момент к нашему разговору Гусмана хазрета Исхакова я спросил:

-- А чем отличается настоящий мусульманин, живущий в Казани, от мусульманина, живущего в каком-нибудь другом государстве?

-- Приведу небольшой пример. До того как стать муфтием, я был имамом мечети в Башкирии и ректором моего первого университета. Поехал я тогда в Эмираты за помощью в плане учебников или строительства нового здания. Это было начало 90-х годов. В Исламском университете встретился с ректором и рассказал ему, как мы здесь живем и выживаем. Рассказал, как мы 70 лет оставались безграмотными в плане религии, как мы сохраняли мечети. Ректор внимательно слушал, а потом говорит: «Знаете, если взять одного вас или такого, как вы, мусульманина России и десять наших шейхов и поставить на весы, то вы один перетянете наших шейхов. И по энтузиазму, и по духу». А другой араб говорил: «Если бы мы прошли через 70 лет такого коммунизма, такого гонения, то не знаю, сохранились бы мы такими, какими сохранились вы». В Саудовской Аравии и других мусульманских странах 99 процентов мусульман. Они родились мусульманами, они живут в этом. Даже если ты не хочешь молиться, ты уже не можешь не молиться: все молятся, и ты тоже. Невозможно не поститься или совершить какой-то грех. А здесь, когда везде видишь обнаженных женщин, должны быть сила воли, вера, убеждение и боязнь Всевышнего. Наверное, мусульманин России, если он постится, молится и боится Всевышнего, этим и силен. Мусульманам, которые живут в Центральной России, надо выжить и сохранить свою религию, но, с другой стороны, не задеть чувства других верующих. Вот это тонкость, это политика, это дипломатия. Некоторые республики Средней Азии -- Казахстан, Таджикистан, Узбекистан -- тоже могли бы это до конца сохранить, но, к сожалению, не сделали. Вот видите: одни татар прогнали, другие русских прогнали. А мы -- татары, мусульмане России -- живем бок о бок с представителями других конфессий, не трогаем чужого, но и своего не отдаем. Вот этим и отличаемся. И самое главное -- это мудрость наших дедов и прадедов. Одно дело -- это знания, а другое дело -- мудрость. Мудрость со знаниями -- это как два крыла птицы. Терпимость и толерантность -- такого, наверное, нигде, как у нас в Татарстане, нет.

-- Есть ли проблемы у возглавляемого вами вуза? В частности, ощутима ли проблема финансов?

-- Проблема финансов есть везде в России, и тот, кто хочет содержать такую базу, 5000 квадратных метров, и хозяйство и платить зарплату, тот должен как-то выкручиваться. Так что основная проблема, я думаю, все-таки финансовая. Но, когда мы открылись, нас стали приглашать в зарубежные исламские университеты, мы начали подписывать с ними договоры. Они видели, что у нас большое будущее, хотя мы по сравнению с ними еще очень слабы. Мы начинали в маленькой мечети, студентов было восемнадцать человек -- четырнадцать сейчас как раз выпускаются. Мы гордимся тем, что Президент о нас говорит. Мы бы хотели, чтобы власти еще и помогали нам. Я не говорю, что сейчас не помогают, помогали в реставрации, но стены -- это одно, а сама суть, политика -- это уже другое. В других мусульманских учебных заведениях, наверное, нет таких условий, которые мы создали здесь. Здесь обучаются студенты восьми-деяти национальностей из двадцати двух регионов России. Это чеченцы, дагестанцы, узбеки, таджики, дети смешанных браков с русскими. Мне очень приятно, что они у нас есть. У человека становятся совсем другой кругозор, восприятие, отношение, уважение к людям, когда он познает Восток.

-- Можно сказать, что вы своей деятельностью подаете пример остальным мусульманам России?

-- Так оно и есть, потому что Татарстан -- хотим мы этого или не хотим -- является для татар России духовным, моральным центром. Здесь возможно бесконфликтное существование. Здесь есть что показать. И мы хотим, чтобы выпускник нашего университета был не только ценным религиозным кадром, но чтобы он был Человеком, чтобы с гордостью говорил, что он мусульманин, что он россиянин.

-- Вы довольны мусульманскими гражданами в Республике Татарстан? Как они себя ведут?

-- Я не могу сказать, что я недоволен ими, я недоволен собой, тем, что мы все-таки еще мало делаем. Знаете, их надо воспитывать. Надо больше делать для них. Три поколения остались неграмотными в религии, и это не их вина. Наши дети должны быть чище, чем мы, и для этого необходимо религиозное учебное заведение. Борьба с экстремизмом и терроризмом должна вестись через правильное религиозное образование. Не надо заигрывать с исламом, не надо обижать тонкие чувства верующих. В Татарстане вы не увидите взаимных обид, ведь делить нам нечего, кровь у всех одинаково красная.

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Александра БАСАЛАЕВА, Юрия ФЕКЛИСТОВА

ПОСТРОИВ МЕЧЕТЬ, ВОЗВОДИ ХРАМ

В комнате владыки не пахло ладаном. Вернее, запах этот был, но никто не сказал бы, что он сильно выделялся среди остальных. На стенах висели изображения «Жития святого Отца Сергия». В приемной же суетился секретарь, то ли отправляя кому-то факс, то ли проверяя электронную почту, которая пришла в этот день на адрес русской православной епархии в Казани. Архиепископ Анастасий, митрополит Казанский и Татарстанский, оторвавшись от обсуждения по телефону непрекращающихся, похоже, проблем, предложил задавать ему вопросы, чем я незамедлительно и воспользовался.

-- Могли бы вы назвать основные проблемы того, что являетесь митрополитом именно в Татарстане, и, возможно, главные преимущества этого?

-- Наверное, самая главная проблема -- это экономические трудности, которые переживает епархия. Эти проблемы, конечно, существуют и по всей России, но как-то легче решаются. Вот я сейчас только что вернулся из Еланска, там у нас женский монастырь есть. В нем сейчас гостит настоятельница из Чувашии. Я поинтересовался, как идет у них решение экономических проблем. Она говорит: «Да я не знаю, владыко, вот Министерство культуры перечислило три миллиона на восстановление храма, и это не наши уже проблемы». У нас, конечно, с этим делом сложнее. Вот мы достраиваем сейчас второй семинарский корпус, потому что тот корпус, который есть, уже всех не вмещает, а новый мы строим уже третий год своими собственными силами. Конечно же, это очень трудно. Правда, Президент делал несколько раз финансовые вливания, но этих вливаний хватает, может, на месяц-два, а потом опять приходится искать какие-то собственные средства. А преимущества наши, наверное, те, что когда решаются какие-то проблемы в исламе, мы говорим: «Давайте решать и какие-то проблемы православия, потому что население в республике примерно 50 на 50». Поэтому, если построили мечеть, надо строить и православный храм. Например, в Альметьевске самая, наверное, красивая и большая мечеть была построена года два тому назад, я сам присутствовал на ее открытии, это было действительно торжество всего города. А недавно, буквально месяц тому назад, мы заложили в Альметьевске храм, и он будет самый большой у нас в епархии. Причем будет служить не только храмом, в нем будут также помещения для приходских школ и какие-то другие служебные отделения. Кстати, мы замечаем, что в тех районах республики, где руководители татары, православная церковь ощущает больше поддержки, чем в тех, где руководят русские. И наоборот. Такая вот есть закономерность в республике.

-- Вы хотите сказать, что если бы не было такой помощи исламу, то не было бы помощи и православной церкви?

-- Наверное, да. И дело даже не в этом. У нас так сложились отношения с мусульманами, особенно с муфтиатом, с духовным управлением мусульман, что в какие-то трудные минуты мы всегда стараемся вместе решать наши проблемы. Это было и при советской власти, и в перестроечное время. Проблемы везде в этом плане одинаковы, и поэтому решение какого-то вопроса мы всегда согласовываем с муфтием и никоим образом не стараемся посягнуть на то, чтобы мусульмане принимали православие, а мусульмане не пытаются обратить русскоязычное население в свою веру. Добровольно -- да, бывают случаи, когда татары принимают православие, и это очень часто бывает. Бывают смешанные браки, это тоже приводит к тому, что кто-то может принять ислам, например, под давлением своей жены или кто-то принимает православие под давлением другой «половины».

-- А насколько эффективно руководство Республики Татарстан с помощью специально созданного Совета по делам религий регулирует взаимоотношения конфессий в регионе?

-- Мне кажется, такое вмешательство исчезло еще со времен перестройки. Сейчас эта деятельность направлена на общее решение каких-то проблем. И нам хотелось бы, чтобы Совет по делам религий играл посредническую роль в разрешении вопросов, которые стоят перед нашими религиозными организациями. Ведь Татарстан -- это особая республика, где есть две основные конфессии -- ислам и православие, но, кроме того, здесь существует ряд других религиозных объединений. И если в целом по России как-то проще решать возникающие в этой связи проблемы, потому что везде в основном доминирует православие, а мелкие секты и организации присутствуют номинально, то здесь приходится учитывать, наверное, интересы основных конфессий. А у нас здесь представлены и иудаизм, и католическая церковь, и лютеранская церковь...

-- В общем, работу этого Совета можно назвать полезной?

-- Я считаю, да, но мы настаиваем на том, чтобы он обладал еще большими функциями -- не только рекомендательными, чтобы его представители были вхожи во все государственные организации и чтобы через них могли решаться какие-то реальные проблемы. А то ведь сейчас они всего лишь могут посоветовать что-то тому же Кабинету министров, главе администрации, но не всегда их советы воспринимаются как руководство к действию. В результате большинство наших проблем чаще и легче решается, когда я сам общаюсь с главой администрации того или иного города или района.

-- Согласны ли вы с тем, что Республика Татарстан, как бы то ни было, воспринимается в мире не иначе как исламское политическое образование?

-- Никоим образом. Я же говорю, что здесь на паритетных началах развиваются две основные конфессии -- православие и ислам. И символом этого является то, что у нас в Кремле стоят и Благовещенский собор, и мечеть. А посередине находится дворец Президента. Мне кажется, здесь все настолько сбалансировано, что что-то изменять в пользу ислама или в пользу православия, наверное, нельзя. Существующий паритет

должен сохраняться. Может, какое-то представление и существует за рубежом, но мы считаем, что Казань у нас православная и в городе доминируют памятники христианской православной культуры. И практически все храмы в городе действующие. В Казани сейчас 18 действующих храмов, два монастыря. Сейчас церкви возвращается третий монастырь, на следующий год его полностью освободят, там уже идут реставрационные работы. Вместе с тем вы увидите и десятки мечетей. Иногда православные храмы и мечети строятся на расстоянии 100 метров друг от друга, и это хорошо, это способствует тому, что люди не будут друг к другу агрессивно относиться. Ведь плохо, когда люди как звери разбегаются по разным углам. Это приводит к печальным результатам.

-- Какой интерес проявляется к делам республики со стороны Алексия?

-- Наверное, после посещения Казани пять лет назад у патриарха совершенно изменилось отношение к республике. Мне кажется, Казань его поразила тем, что сохранила свои традиции православия: может быть, у святейшего даже не было представления о том, какое количество храмов действует в нашем городе. Патриарх был удивлен величию Петропавловского собора, ему понравились наши Свияжск, Раифский монастырь, он высоко оценил помощь, которую оказывает Правительство республики в реставрации и восстановлении памятников архитектуры, перспективу возврата церкви Благовещенского собора Кремля. Очень теплый прием был оказан патриарху в кафедральной мечети. Так что, на мой взгляд, отношение патриарха к ситуации с православием в Татарстане очень хорошее. Мы верим, что к тысячелетию Казани он совершит к нам еще один визит, к тому же и Президент приглашал его участвовать в освящении кремлевского собора. Тем более одновременно с юбилеем тысячелетия Казани мы отмечаем 450-летие основания нашей епархии, которая была образована сразу же после взятия Казани.

-- А как, кстати, сейчас православной церковью и, в частности Казанской епархией, оценивается фигура Ивана Грозного?

-- Вы знаете, мы не можем осуждать действия государя, которому было всего 22 года, когда брали Казань. И, наверное, не нам об этом судить, потому что история есть история, и все, что свершилось, мы должны воспринимать так, как оно есть. И срочно делать переоценку чего-то сейчас не стоит ни той ни другой стороне.

-- Каково отношение православной церкви в Казани к предложениям установки памятника защитникам Казани?

-- Проектов было много, но почему-то все они были отвергнуты. Президент считает, что памятником должна служить мечеть Кул-Шариф, которая доминирует над центром города. Может быть, это и правильно. У нас, кстати, в свое время была проблема, поднятая националистическими силами в Татарстане, связанная с полумесяцами под крестами, потому что считалось, что это якобы символизировало победу православия над исламом. Мы тогда старались доказать, что это не так и полумесяц символизирует якорь, а крест -- остановившийся на якоре корабль. Изображение таких крестов мы видим еще в IV веке в Византии, но, знаете ли, народ не переубедишь. Так что, для того чтобы умирить эти страсти, мы согласились поставить на Благовещенском соборе древнеправославные восьмиконечные кресты. Сейчас это несколько не умаляет красоты собора.

-- Каково ваше отношение к тому, что мусульманский праздник Курбан-байрам является таким же выходным днем на территории Татарстана, как и православное Рождество, хотя по всей остальной России он не считается официальным праздником?

-- Мне кажется, в этом есть смысл. А правовая сторона зависит уже от Правительства России. Я думаю, на территории, где компактно проживают татары, это вполне нормально и допустимо. Чтобы мусульмане в свой основной праздник шли на работу -- это просто нехорошо. Да даже если бы по всей России этот праздник сделали выходным днем, никто бы ничего не потерял.

-- Существует ли на сегодняшний день в Татарстане проблема, связанная с тем, что в православных семьях сейчас чаще всего лишь один-два ребенка, а в мусульманских семьях их, как правило, гораздо больше?

-- Есть такая проблема. Целые русские православные деревни, например родина Державина -- деревня Державино, по-видимому, со временем перестанут существовать. Там уже сейчас остаются одни лишь старики. Поэтому очень много внимания мы уделяем нашей православной семинарии. Ведь это наше будущее. И если мы не будем следить за воспитанием своих молодых людей, то мы их просто можем потерять и храмы наши со временем опустеют, а этого никак нельзя допустить.

Кстати, семинария, о которой в конце интервью вспомнил архиепископ, находится неподалеку от самой епархии. С владыкой Анастасием мы прошли по коридорам этого учебного заведения, заглянули в аудитории, где кто-то из семинаристов тут же воспользовался тем, что преподаватель отвлекся на гостей, и начал списывать со шпаргалки под партой. В аудитории шел экзамен по древнегреческому языку. Интересно, какие экзамены готовит жизнь сегодняшним семинаристам, после того как они покинут эти учебные стены? Сможет ли архиепископ и впредь дать им совет в нужную для них минуту?

Михаил ДОВЖЕНКО

На фотографиях:

- ИНОГДА В КАЗАНИ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ И МЕЧЕТИ СТОЯТ В СТА МЕТРАХ ДРУГ ОТ ДРУГА
- В ТАТАРСТАНЕ НА ПАРИТЕТНЫХ НАЧАЛАХ РАЗВИВАЮТСЯ ДВЕ ОСНОВНЫЕ КОНФЕССИИ -- ПРАВОСЛАВИЕ И ИСЛАМ. И СИМВОЛОМ ЭТОГО ЯВЛЯЕТСЯ ТО, ЧТО У НАС В КРЕМЛЕ СТОЯТ И БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР, И МЕЧЕТЬ
- В материале использованы фотографии: Фариды ГУБАЕВА, Юрия ФЕКЛИСТОВА

ВЕРЫ БЕЗ ДЕЛА НЕ БЫВАЕТ

Говорят, что Раифский монастырь не посещают всего лишь однажды. Считается, что человек, посетивший этот «Христосленд» (так называют это знаменитое место жители Казани) хотя бы раз, обязательно вернется сюда снова. Что касается нас, то мы ничего не имеем против этой народной приметы и с удовольствием навестили бы настоятеля Всеволода когда-нибудь еще

-- А на колокольню-то залезть можно? -- спрашиваем мы с фотографом у архимандрита Всеволода, когда тот водит нас по двору монастыря, энергично рассказывая о том, где, что, как у него делается, а также что у него в планах.

-- Залезть-то можно, да только туда лет двадцать уже никто не забирался. Конструкции все ветхие, а починить -- руки пока не доходят. Но к следующему вашему приезду обязательно сделаем, -- улыбается архимандрит.

Видно, что колокольня -- это, пожалуй, единственный, если можно так выразиться, участок, не охваченный бурной деятельностью настоятеля Раифского монастыря. Сам же Раифский монастырь уже давно стал образцово-показательным местом Татарстана, куда в первую очередь едут не только все почетные гости республики, но и сам Президент не прочь заглянуть.

-- Хорошо ему, видимо, тут, -- объясняет это желание Минтимера Шаймиева настоятель. -
- Ведь, когда он заходит внутрь нашего монастыря, он забывает, что он Президент.

-- Да вы про какие-то чудеса нам здесь рассказываете.

-- А наш монастырь вообще чудесное место. Здесь, на озере, даже лягушки не квакают, чтобы святую обитель не беспокоить. Даже французы приезжали и спрашивали, а что, если сюда из Франции завезти лягушек, которые там у них квакают, будут ли они здесь квакать? Привезли. Не квакают. Более того, наш монастырь же на территории Волжско-Камского государственного природного заповедника находится, так к нам решили бобров заселить. Всех их поместили с помощью электронных чипов. Так выяснилось, что все бобры, которые обзавелись семейством, живут по другую сторону озера от монастыря, а холостые особи поселились возле нас. Необъяснимо.

На этом чудеса Раифского монастыря не заканчиваются. Главным чудом для нас явился детский приют, созданный несколько лет назад при монастыре. Сейчас там живут восемнадцать воспитанников, но, как бы это сказать, на жизнь в приюте их быт ну совершенно не похож. Раифский монастырь они называют не иначе как своим домом. Учась в обычной общеобразовательной школе, ребята приводят к себе домой друзей, сами ходят к ним в гости.

-- Ну а если кто-то из них жениться надумает, так мы им и свадьбу справим своими силами, -- говорит архимандрит Всеволод, замечая мое искреннее удивление, когда я осматриваю вместе с ним тренажерный зал и комнаты для отдыха в приюте. -- Поймите, мы не хотим воспитать детей угрюмых, света Божьего не видящих, которые только и знали бы, что твердить молитвы, и были совершенно не приспособлены к светской жизни. Кому это нужно? Вон посмотрите на моего помощника иеродиакона Иоанна. Ведь все удивляются, как это обычный монах запросто может с грамотного русского переходить на английский, а затем и на французский язык. Многие даже не верят, что он монах.

На самом деле монахом Иоанн стал, познакомившись с архимандритом несколько лет назад, а до этого он занимался филологией в знаменитом университете города Тарту в Эстонии, затем -- в Дании. Может быть, поэтому речь Иоанна течет плавно, размеренно.

-- Посмотрите, что в мире-то происходит? Войны везде, конфликты. А здесь благостно все, осмысленно, -- размышляет Иоанн, прогуливаясь с нами по берегу озера.

-- Но ведь настоятель Всеволод не стремится запереть своих воспитанников в стенах этой благополучной обители.

-- Он правильно поступает. Дети все равно когда-нибудь вырастут, так им же надо быть приспособленными к этой жизни, какая бы она ни была плохая.

И монастырь, надо сказать, делает все возможное, чтобы ребята как можно больше узнали об окружающем их мире. Говорят, что когда в монастырь приезжал Анатолий Чубайс и спросил у детей, куда бы они хотели поехать, то маленький Рома, Ромашка -- всеобщий любимец -- возьми да и скажи, что, мол, хотим в Диснейленд поехать. Тогда все это восприняли как шутку, чего же от ребенка-то ожидать. А через некоторое время в Раифу пришел факс от Чубайса с предложением просчитать стоимость поездки в парижский Диснейленд для всех воспитанников монастыря. Архимандрит, кстати, тогда немного беспокоиться начал, не поддадутся ли дети там многочисленным соблазнам. Не поддались. Оказались на удивление сознательными. Видимо, действительно правильно их воспитывает настоятель Всеволод.

И господин Чубайс не единственный из нынешних власть имущих, да и вообще известных людей, кто любит бывать в Раифском монастыре. Проходя по коридорам приюта, замечаешь множество фотографий Александра Починка, который в бытность свою министром по налогам и сборам приезжал в Раиф молиться о том, чтобы повысилась собираемость налогов в стране; актера Александра Калягина, который венчался в одном из храмов монастыря; певца Юрия Шевчука, который любит здесь навещать детей.

-- А вот, познакомьтесь -- матушка Анастасия, -- указывает нам архимандрит на пожилую монашку, смотрящую вместе с детьми телевизор, -- кого угодно обыграет в настольный теннис.

Матушка Анастасия, если честно, не производит впечатления мастера спорта. Но вот какие-то родственные, домашние чувства у ребят она, видимо, все-таки вызывает.

Монастырь в целом производит какое-то домашнее впечатление. Может быть, запах выпекаемого здесь же хлеба наводит на такие ощущения? Или вырезанный руками детей

липовый иконостас в храме? Трудно сказать. Однако какая-то благодатная аура в монастыре точно есть.

Предполагал ли иеромонах Филарет, перебираясь в 1613 году из Москвы в Казань и основывая Раифскую пустынь, что в начале XXI века его последователь архимандрит Всеволод создаст в этом месте такую домашнюю сказку? А ведь еще семь лет назад монастырь был практически разрушен. Никто и не предполагал тогда, что неутомимому архимандриту с соратниками удастся почти в первозданном виде воссоздать из руин и величественный Троицкий собор, построенный в 1904 -- 1910 годах архитектором Малиновским, и собор, освященный во имя чудотворной иконы Грузинской Божьей Матери -- главной святыни Раифского монастыря. И ведь не собирается останавливаться на достигнутом. В планах у него -- как минимум восстановить ту самую колокольню, чтобы на нее все же можно было залезть и уже оттуда, с уровня, который немножко ближе к Всевышнему, посмотреть, что с Его помощью может быть создано человеческими руками. Энергии Всеволода в этом смысле можно лишь позавидовать. Не зря, наверное, он постоянно любит повторять, что веры без дела не бывает.

-- А вы приезжайте сюда еще и 19 января -- на праздник Крещения, -- не устает рассказывать архимандрит, -- тут такая сказка из льда появляется: множество ледяных скульптур, посередине озера мы делаем большую прорубь в виде креста и там уже совершаем обряд крещения. В прошлом году приезжала к нам корреспондент из New York Times, так она посмотрела-посмотрела и сама в воду кинулась. Сколько у нее потом радости было, вы не представляете!

Говорят, что Раифский монастырь не посещают всего лишь однажды. Считается, что человек, посетивший этот «Христосленд» (так называют это знаменитое место жители Казани) хотя бы раз, обязательно вернется сюда снова. Что касается нас, то мы ничего не имеем против этой народной приметы и с удовольствием навестили бы настоятеля Всеволода когда-нибудь еще, посмотрев заодно, кем же станут его воспитанники, чем будет заниматься в этой жизни всеобщий любимец Ромашка.

Михаил ДОВЖЕНКО

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА

НУРИЕВ УЛЫБАЛСЯ, КАК ДЖОКОНДА

Часто бывает, что человека при жизни отвергают, льют на него грязь, а после смерти называют фестивали именем умершего. А Казанский фестиваль балета носит имя Нуриева с его согласия

У человека -- две руки. У Театра оперы и балета -- два фестиваля. Вначале возник Шаляпинский. Эксперимент удался, и появилась идея создать фестиваль классического балета. Поначалу он был скромный, не претендовал на то, чтобы приглашать кого-то из Большого или Мариинки. И тем не менее оживил балетную жизнь города, привлек широкую публику. Фестиваль рос, развивался, совершенствовалась его организация, поднимался уровень. Постепенно он стал международным, начали приезжать солисты из-за рубежа, целые труппы -- из Киева, Германии, Америки... Казанские артисты начали подтягиваться за выступавшими мастерами. Возникла неповторимая аура именно этого фестиваля. Каждый год в течение десяти дней в кровь балетной труппы мощно вбрасывался адреналин... Пришла пора подумать об имени. Как известно, имя, данное человеку, во многом определяет его судьбу. Что уж говорить о фестивале! О том, как в татарский Театр оперы и балета приехал Рудольф Нуриев и подарил фестивалю классического балета свое имя, ходит множество легенд. Конечно, у настоящего фестиваля должны быть не только имя, не только история, но и истории -- мифология. И вот о том, как же это все случилось, рассказывает художественный руководитель балетной труппы театра Владимир Яковлев.

Году в 1987-м Рудольф Нуриев получил приглашение от Мариинского театра станцевать в «Сильфиде». Это было его первое официальное приглашение в Россию, в то время с него еще не было снято уголовное обвинение в измене Родине. И мы с директором театра Рауфалем Мухаметзяновым приняли решение встретиться с Нуриевым и пригласить его на наш фестиваль. В любом качестве -- мы знали, что он не только танцовщик, но и хореограф, дирижер. После того как Нуриев уехал из России, естественно, КГБ препятствовал тому, чтобы российские артисты вступали с ним в контакт. Слава богу, в балетном мире есть люди, которые проявляли творческую и гражданскую смелость и не путали политику с искусством. Одного из таких людей я хорошо знал и обратился к нему за помощью. Дело было даже не в рекомендации -- просто увидеть Нуриева уже было очень большой проблемой. Просто попасть в театр... Мариинский -- режимное предприятие, попасть туда непросто даже директору другого театра. Нужно спецразрешение.

И вот Рауфаль за кулисами, идет -- открыта дверь в гримкомнату, а там стоит Нуриев. Рауфаль говорит ему по-татарски: «Здравствуй!» -- «Ты кто такой?» -- «Я директор театра, хотел бы переговорить». -- «Ну после спектакля подойди». -- «Как?! Не подпускают же!» -- «Ну, если тебе надо, найдешь и подойдешь». Рауфаль просидел все действие за кулисами, в антракте заходит и, не глядя на окруживших Нуриева артистов, охрану, начинает разговор. И согласился он к нам приехать. Начались переговоры, телефонные звонки, все это шло, шло, шло и вдруг оборвалось -- Нуриев исчез. Не знаю, в чем причина. Идея стала умирать. Однажды, это был уже 1992 год, -- звонок из Москвы. Борис Ефимович Вайс, дирижер, человек талантливый, интересный, интеллигентный, сотрудничал с нами. И вот он говорит, что получил приглашение принять участие в прощальном мировом турне Рудольфа Нуриева. «Вы хотели пригласить Рудольфа в Казань. Это остается в силе?» -- «Конечно!» Через полтора месяца снова звонок. Согласие. Завертелась машина приглашения. И вот в марте 1992 года Рудольф Нуриев в первый раз приехал в Казань.

Он приехал поездом. Вышел из вагона -- больной, немного обросший, закутанный в широченный, гигантский шарф, береточка эта его знаменитая. Вышел, как-то испуганно огляделся, как бы выглядывая из шарфа, как из кокона. В первые дни все время он был напряжен, такое впечатление, что беспрерывно ждал какой-то выходки против себя. Будто бы он вернулся в ту Россию, в тот Советский Союз, который покинул когда-то и который остался у него в памяти. А ведь уже пошли изменения. Для меня Рудольф Нуриев никогда не был политической фигурой, меня не интересовали особенности его личной жизни -- он был великим артистом, кумиром, легендой. Мы окружили его заботой, охраной, старались предупредить каждое его желание.

Поселили его в гостиницу Молодежного центра. Подъезжаем, он спрашивает: «А где я буду жить-то?» На пятом этаже. Элитный этаж, замечательный этаж! Останавливается машина. Идем. Он говорит: «Лифт-то не работает». -- «Ну как же?! Что вы! Работает!» Подходим к лифту, нажимаю кнопку -- лифт не работает. Нуриев поворачивается ко мне -- и с таким сарказмом: «Володя, я же говорил, в России лифт не может работать. Я уезжаю в Париж». Разворачивается и идет к выходу. Все его чемоданы, багаж тащат назад -- их тьма и тьма. Мы за ним. Чуть ли не на руках мы его на этот пятый этаж затолкали. На каждой площадке он останавливался, разворачивался: «Я уезжаю в Париж». Завели его в номер. Он тут же прилег. Не раздеваясь, не снимая беретки. «Массажиста мне. Ищите». Где взять? У нас был замдиректора -- бывший военный, полковник, бравый такой, с поставленным голосом, золотыми зубами, выправкой. Он подскочил, понесся и чуть ли не тут же тащит массажистку. Я не знаю, где он ее ухватил, такое впечатление, что в первую поликлинику прибежал, заскочил в массажный кабинет, схватил ее за руки, ничего не объясняя впихнул в «волгу» черную... «Вы сейчас будете массировать!» -- «Кого?» -- «Неважно кого, главное, чтобы хорошо». Взял я ее за руки -- а у нее со страху ледяные ладони, просто две ледышки. «Разогрейте руки!» Подводим ее к Нуриеву: «Массажист

приехал». Он лежал, закрытый одеялом. Уголок приоткрывает, выглядывает: Woman? No! Only man! И закрылся опять. «Спасибо большое, вы свободны». Массажистку как ветром сдуло.

Первый приезд Нуриева носил организационный характер, он знакомился с балетной труппой, с репетиционными точками и т.д. Все решили, обсудили, он провел несколько репетиций, несмотря на то, что у него постоянно была высокая температура. Ни от одной репетиции не отказался! И улетел в Америку дирижировать сюзитой Прокофьева «Ромео и Джульетта», которой должен был дирижировать и здесь. В рамках фестиваля планировалось, что он дирижирует «Щелкунчиком» с нашим театром и сюзитой с филармоническим оркестром. В мае он приехал во второй раз, пик болезни прошел, он был в хорошей форме. Сказать, что его выступление у нас было триумфальным, это ничего не сказать. Успех был просто фантастический! Когда спектакль закончился, Рудольф сидит за кулисами. Выходят на поклон солисты, а он сидит, улыбается, как Джоконда, -- счастливый!.. «Мне выходить?» -- спрашивает. «Да». -- «Выходить на поклон?» -- «Конечно! Идите, идите. Вас публика ждет». -- «Ну, я пошел». Счастливый человек! Как будто бы в первый раз выступил с таким успехом. Как будто бы это было для него полной неожиданностью. Как он был счастлив! Для него сцена была всем. Потому он и освоил профессию дирижера, зная, что век танцовщика короток. Это был тоже ведь фантастический шаг -- в таком возрасте решиться начать дирижировать. И вот тогда у нас, в Казани, это был, по его словам, один из самых счастливых моментов его жизни. Как бы он ни говорил, что он человек мира, что он порвал с Россией, было видно, что этот успех для него очень важен. Если бы это было не так, он бы просто сюда не приехал -- ведь гонорар мы ему заплатили символический. Сейчас, если поднять ведомости и посмотреть, сколько он получил, -- это просто смешно. На бутерброды какие-нибудь хватит, не более...

Вообще за эти два приезда в Казань мы его узнали только с лучшей стороны. Все время было посвящено работе, мы много разговаривали, строили гигантские планы на будущее. К концу пребывания он, по-видимому, ощутил нашу заботу, расслабился, оттаял, стал обаятельным человеком, раскованным собеседником. И вот когда спектакль закончился, мы обратились к нему с просьбой, чтобы фестиваль носил его имя. Он уже видел нашу труппу, дирижировал нашим оркестром, остался доволен организацией фестиваля. И он говорит: «О'кей». Тогда мы договорились, что он будет членом нашего оргкомитета, будет помогать нам искать солистов для выступлений, будет приезжать на фестивали и не только на фестивали. Мы оговорили, что дадим ему возможность осуществить у нас постановку. Но через полгода Нуриев, к сожалению, умер. А фестиваль остался.

В России много музыкальных, оперно-балетных фестивалей, большая часть из них проходит не слишком регулярно, в лучшем случае раз в два года. Наш -- ежегодный, и посвящен только классическому балету. Шестнадцать лет фестиваль проходит каждый год. Публика уже настолько привыкла, что не может вспомнить то время, когда его не было. Молва о фестивале прокатилась по всему миру. Сколько талантливых актеров у нас побывало! Раньше можно было в отпуск, даже на выходные купить билет в Москву, поехать в Большой театр посмотреть что-нибудь выдающееся. Сейчас такой возможности у людей нет. А тут в рамках фестиваля, не выезжая из родного города, возможность увидеть тридцать-сорок танцовщиков, которые съезжаются из самых прославленных театров. Здесь перебивали звезды из украинских театров, и Васильев у нас был, и Максимова была, и Захарова была, и Лопаткина... Фест очень любим публикой. Билеты поступают в продажу и разлетаются за два дня. Доверие зрителей к театру стопроцентно. Каждый фестиваль подтверждает, что он не превратился в дежурное, статусное мероприятие, каждый имеет какую-то новую необычную особенность. На нынешний, например, приезжали очень многие молодые талантливые танцовщики. Театр -- учредитель фестиваля. Конечно, нам помогают Республика, Министерство культуры и прежде всего -- имя Рудольфа Нуриева. Оно для нас стало поистине счастливым.

Записала Александра ЛАВРОВА

В материале использованы фотографии: Михаила МЕДВЕДЕВА (Итар-ТАСС), Фарида ГУБАЕВА

ВЫБОР

Казанское хореографическое училище пока еще младше самых юных своих воспитанников. Но скоро -- в 2003 году -- ему исполнится десять лет

Пока человек юн, у него есть возможность помечтать. Сначала представить себя продавцом мороженого, через год -- пожарным, потом передумать и решить пойти в летчики. Но, когда наступает время сознательного выбора профессии, оказывается, что многие так этого выбора и не сделали.

Многие, но только не учащиеся хореографических училищ.

Нинель Даутовна Юлтыева, художественный руководитель Казанского хореографического училища, говорит, что их десятилетние девчонки и мальчишки -- а именно в таком возрасте они приходят сюда учиться -- в другой профессии себя не мыслят. А чтобы достичь в ней совершенства, нужны не только природные данные и талант. Необходимы стойкий характер, железное терпение и упорное трудолюбие.

Директор училища Лидия Александровна Яковлева, представляя мне учащихся старших классов, выходявших из репетиционных залов, задавала им один и тот же вопрос: «Что нужно для того, чтобы стать артистом балета?» Юноши и девушки, еще не отошедшие от физических нагрузок, отвечали разными словами, но смысл их был одинаков: работать, работать и работать. Но такой они сделали выбор.

Сделал выбор и педагогический коллектив училища: равняться на ведущие балетные училища страны, стремиться к тому, чтобы из стен Казанского хореографического училища выходили артисты, имена которых стали бы известны всей стране и даже миру. Формула достижения этой цели та же -- работать, работать и работать. Конечно, в первую очередь это зависит от таланта учеников и мастерства педагогов, но важны и организаторские, «пробивные» способности руководства училища. Необходим интернат, что позволит искать юные таланты не только в Казани. Правда, и сейчас здесь учатся дети из других мест, готовые ради любимого дела жить «на квартире».

Кстати, к выпускникам уже присматриваются руководители балетных трупп многих театров страны. Одна из выпускниц этого года получила приглашение на работу сразу из трех театров. Это еще не мировые сцены, и все же это очевидное свидетельство признания.

Петр БЕЛКИН

В материале использованы фотографии: Юрия ФЕКЛИСТОВА